

ПЕРЕЖИТКИ ДРЕВНЯГО МІРОСОЗЕРЦАНЯ У БѢЛОРУССОВЪ.

Этнографический очеркъ
А.Е.Богдановича

ДК
507.42

ПЕРЕЖИТКИ
А. Богдановича
ДРЕВНЯГО МІРОСОЗЕРЦАНЯ
У БЪЛОРУССОВЪ.

Этнографический очеркъ
А. Е. Богданович
А. Е. Богдановича.

Г Р О Д Н А.

Губернская Типографія.

—
1895.

Дозволено цензурою 3-го июля 1895 г.—Г. Вильна.

ДК
507.42

B 3

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Отъ автора	I—III.
Введение	1
I. Пережитки фетицизма	13
II. Пережитки анимизма	45
III. Пережитки олицетворений	59
IV. Пережитки солнечного культа	80
V. Олицетворение зла	127
VI. Сообщники нечистой силы	138
VII. Способы лъчения, основанные на супър- ныхъ представленияхъ, и колдовство .	154
VIII. Разныя молкія супърія	171
Краткій предметный указатель	181

О Т Ъ А В Т О Р А.

Первоначально настоящий очеркъ былъ помещенъ въ *Научномъ Обозрѣніи* за 1894 годъ; здесь онъ является въ значительно дополненномъ видѣ. Этнографические материалы, вошедшие въ него, собраны, главнымъ образомъ, въ центральной Бѣлоруссіи — въ уѣздахъ: Борисовскомъ, Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Новогрудскомъ Минской губерніи, Сѣнновскомъ и Оршанскомъ — Могилевской и Депельской — Витебской. Приводимые здесь пережитки древняго міросозерцанія и быта, въ большинствѣ случаевъ, общи всей этой мѣстности. Это особенно относится къ пережиткамъ міросозерцанія, къ сувѣрѣніямъ възврѣніямъ на внѣшній міръ и природу человѣка, къ разнымъ повѣріямъ и предразсудкамъ: они почти всюду въ этомъ районѣ сохраняются въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Пережитки древняго быта, застывшіе въ формѣ различныхъ обрядовъ и обычаевъ, болѣе измѣнчивы: иѣкоторые изъ нихъ свойственны только какой нибудь одной мѣстности; другіе распро-

II

стягаются шире и иногда на значительную округу; третьи охватывают всю Бѣлоруссію и даже выходятъ за предѣлы ея. Самые распространенные изъ нихъ, оставаясь въ своей сущности, въ основѣ, одинаковыми или сходными, въ частностяхъ, смотря по мѣстности, болѣе или менѣе видоизмѣняются. Въ нашемъ очеркѣ мы касались обрядовъ постольку, поскольку въ нихъ замѣтно было отраженіе древняго міросозерцанія, и если описывали обрядъ, обычай, воззрѣніе, повѣріе, то старались, по мѣрѣ возможности, описывать его типично, внося въ описание всѣ известныя нынѣ характерные особенности. Разумѣется, что это возможно было сдѣлать только въ такомъ случаѣ, когда въ нашемъ распоряженіи было нѣсколько записей одного и того же пережитка, когда мы его наблюдали въ разныхъ мѣстностяхъ. Тѣ же обряды, обычай, повѣрія и сувѣрія, которые намъ встрѣчались только въ какой-нибудь однѣй мѣстности, мы отмѣщаемъ указаниемъ на эту мѣстность. Это, конечно, не значитъ, что они свойственны только этой мѣстности; можетъ быть они «бытуютъ» и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, но мы не имѣли случая или возможности наблюдать ихъ. Большинство заговоровъ, приводимыхъ здѣсь, записаны въ одной эпахарской семье, гдѣ они, передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, составляя, такъ сказать, фамильную собственность,

III.

Всѣ записи матеріаловъ сдѣланные лично авторомъ; наблюденія производились и накоплялись имъ испод-
доволь, такъ какъ авторъ, будучи уроженцемъ Бѣло-
руссіи, нѣкогда самъ переживалъ описанные имъ пере-
житки; а затѣмъ, живя подолгу въ разныхъ мѣстно-
стяхъ Бѣлоруссіи и будучи по своимъ служебнымъ
занятіямъ близко поставленъ къ народу, имѣлъ воз-
можность пополнять свои наблюденія.

Для выясненія и освѣщенія нашихъ матеріаловъ, мы пользовались, главнымъ образомъ, слѣдующими сочиненіями: Спенсеръ: Основы. Соціологіи. Тейлоръ: Первобытн. культура, Бокль: Истор. цивилиз. въ Англіи, и статью Л. Мечникова: Культурное значе-
ніе демонизма (Дѣло, 1879 г.). Мы не пытались все объяснить въ приводимыхъ матеріалахъ; мы за-
ботились болѣе всего о полнотѣ записей; но предна-
значая первоначально нашу работу для общей печати,
мы не считали возможнымъ выпустить один сырой
матеріалы, безъ всякою объясненія ихъ и освѣщенія.

A. B.

В В Е Д Е Н И Е.

Бѣлорусскіе крестьяне, истолковывая по своему выраженіе „западный край“, — выражаютъ чуждое бѣлорусской рѣчи, — передаютъ его словами „западный край“, т. е. заброшенный, захудалый. Хотя съ филологической точки зренія можно многое возразить противъ такого вольнаго перевода, но дѣйствительность его оправдываетъ. И жизнь бѣлорусса, и его творческая дѣятельность рѣзко отмѣчены печатью неразвитости, отсталости, забитости. Именно „западный“ край, „западный“ вародъ...

Взять хотя бы бѣлорусскія пѣсни, это общеизвестное зеркало народной души. И онѣ свидѣтельствуютъ о той же „западности“. Пѣсень у бѣлоруссовъ довольно много, но содержаніе ихъ очень бѣдо, очень однобразно. Особенными однообразіемъ отличаются тѣ изъ нихъ, которые посвящены изображенію горькой доли замужней женщины. А пѣсень этого рода большинство: онѣ заполняютъ, нимало не преувеличивая, двѣ трети всего пѣсенного матеріала. Это безконечныя вариаціи на тему о побояхъ мужа, свекра, о преслѣдованіяхъ

свекрови, злобъ золовокъ; къ этому господствующему мотиву присоединяется тоска по роду-племени и изрѣдка чувство ревности или мести къ злой разлучницѣ. Но вы не встрѣтите въ нихъ выраженія болѣе сложныхъ или болѣе тонкихъ чувствъ. Нѣтъ въ нихъ и помина о томъ разнообразномъ проявленіи нѣжной любви, которая такъ разлита въ малорусскихъ пѣсняхъ. Напротивъ, въ средѣ бѣлоруссовъ обращается множество пѣсенъ и припѣвокъ самого безстыднаго содержанія. Ихъ распѣваютъ старъ и младъ, мужской и женскій полъ,—распѣваютъ, не стыдясь, какъ вѣчно совершенно обыкновенное. Впрочемъ, къ чести бѣлоруссовъ нужно сказать, что эти остатки пріацескихъ культовъ свидѣтельствуютъ не о развращенности правовъ, а скорѣе о крайней грубости ихъ. Въ пѣсняхъ же обрядовыхъ и бытоваго содержанія нѣть того могучаго лиризма, свидѣтельствующаго о силѣ и свѣжести чувства, который такъ выгодно отличаетъ великорусскую пѣсаню; почти все они блѣды, отрывочны, невыдержаны, отзываются какой-то пришибленностью творчества, духовной бѣдностью. Форма ихъ неизящна, мало выразительна, топорной работы, какъ говорится,— и въ этомъ отношеніи вполнѣ соответствуетъ содержанію. Мелодіи ихъ, повидимому, еще бѣдѣюще содержанія: въ Бѣлоруссіи часто цѣлый отдѣлъ пѣсенъ поется на одинъ мотивъ. Мотивы же построены по такъ называемой *китайской гамме*,—безъ полутоновъ; и кроме того—лишены *подголосковъ*, то-есть при хоровомъ исполненіи поются въ унисонъ, не образуя гармоніи. Веселые напѣвы сравнительно рѣдки; большинство же до

послѣдней степени однообразно-злачны, такъ что на-водятъ щемящую тоску даже и на привычнаго слуша-теля. Былиная поэзія совершенно отсутствуетъ. Бѣ-лоруссъ или вовсе не принималъ участія въ созданіи того цикла эпическихъ образовъ, къ которому принадлежать старшіе и младшіе богатыри кіевскаго періо-да, или если и принималъ, то совершенно забытъ о существованіи своихъ дѣтищъ. Такжѣ нѣтъ въ Бѣлоруссіи ничего соответствующаго украинскимъ казацкимъ думамъ.

Бѣлорусскія сказки опять таки, хотя и много-численны, но какъ и пѣсни, бѣлы по содержанію: одна повторяетъ другую. Фабула ихъ, въ большинствѣ случаевъ, крайне незамысловата, изображаемыя чувства чрезвычайно просты, воззрѣнія на внѣшній міръ очень наивны.

Обряды, сопровождающіе жизнь бѣлорусса отъ колыбели до могилы, — эти окаменѣлости прошлой дѣ-вительности, — или крайне дики съ точки зреія ци-вилизованного человѣка, или грубо фетишистичны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о сравнительно невысокомъ уровне умственнаго развитія.

Объ этомъ также свидѣтельствуетъ лучшее изъ-брило духовнаго развитія народа--его языкъ. Какъ известно, большее или менѣшее развитіе языка соответствуетъ большему или менѣшему интеллектуальному развитію, потому что, если возникаютъ въ сознаніи человѣка понятія, идеи, образы,—всегдѣ за тѣмъ неизбѣжно является потребность выраженія ихъ въ словѣ. Отсю-

да языкъ, подобно зеркалу, отражаетъ тѣ душевныи движениія, которыи испыталъ народъ на пуги своего развитія, высоту выработанной имъ культуры, высоту полета его мысли, степень ея отвлеченности и пр. Но белорусскій языкъ, прежде всего, небогатъ словами. Нѣкоторая часть ихъ заимствована изъ польского языка, а въ послѣднее время, между молодымъ поколѣніемъ, довольно широко входятъ въ обращеніе русскія слова. Онъ также бѣденъ формами выраженій и формами рѣчи; такъ напримѣръ, въ немъ нѣтъ причастныхъ формъ, исключая дѣверичастія прошедшаго времени. Онъ гораздо бѣднѣе словами для обозначенія отвлеченныхъ понятій, чѣмъ великорусскій народный языкъ, и даже уступаетъ въ этомъ отношеніи малорусскому. Онъ также не обладаетъ гибкостью, силой и выразительностью первого и мягкостью, благозвучностью послѣдняго. Словъ, соотвѣтствующихъ русскимъ существительнымъ съ окончаніемъ на *ie*, *ость* и *есть*, въ немъ чрезвычайно мало; заимствованныя же изъ русскаго языка обращаются только среди грамотниковъ, побывавшихъ въ школѣ или въ военной службѣ, а въ среду старого поколѣнія, а также въ деревни, отдаленные отъ школы и, следовательно, лишенные ея просвѣтительного вліянія, проникаютъ весьма мало или даже совсѣмъ не проникаютъ.

Среди белоруссовъ почти не сохранилось историческихъ сказаний, такъ какъ этотъ народъ нѣсколько вековъ не жилъ исторической жизнью. Отсюда понятно, что въ немъ заглохло и национальное самосознаніе. Только въ послѣднее время оно начинаетъ

пробуждаться: подъ живительнымъ вліяніемъ школы и церкви въ бѣлоруссахъ возраждается сознаніе о своей припадлежности къ великому русскому племени. Но даже и теперь есть немало бѣлоруссовъ, которые подъ словомъ „русскіе“ разумѣютъ старовѣровъ, издавна живущихъ въ Западномъ краѣ. А если вы къ такимъ бѣлоруссамъ обратитесь съ вопросомъ — кто они такие въ смыслѣ національности, то очень многіе вамъ только и могутъ сказать, что они „тутэйшіе“, т. е. здѣшніе, или что они мужики, словно бы это ихъ национальное отличіе или словно бы только однімъ бѣлоруссамъ и свойственно быть мужиками. И къ вашему заявленію, что они русскіе или бѣлоруссы, они отнесутся довольно скептически: называй, дескать, какъ хочешь... Только въ отношеніи трудолюбія бѣлоруссы не уступить ни великоруссу, ни малоруссу, а по выносливости превосходитъ того и другого. Но этого, конечно, мало, — и справедливость требуетъ поставить бѣлорусса по типу душевнаго развитія ниже его братьевъ изъ великой русской семьи.

Чѣмъ объяснить такую сравнительно значительную отсталость?

Различія между естественными условіями страны, въ которыхъ живутъ эти народы, хотя и наложили, конечно, вѣкоторый особенный отпечатокъ на духовный міръ своихъ обитателей, но эти различія не настолько велики, чтобы посредствомъ ихъ было возможно объяснить такую довольно значительную разницу. Объясненія нужно искать, по нашему мнѣнію, въ особенно-

стахъ историческихъ условій существованія бѣлоруссовъ. Прежде всего, Бѣлоруссія издавна лишалась своей интеллигентіи, этого свѣточа въ духовной жизни народа, его приводительницы и насадительницы новыхъ идей въ массахъ. Она, какъ известно, усвоила чужой языкъ и нравы, а потому стала вдвойне непонятной народу: новые идеи сами по себѣ, въ силу своей новизны, трудно усваиваются, а выраженные на чужомъ языке становятся еще болѣе недоступны. Но это еще полѣ-гора: при благопріятныхъ обстоятельствахъ народъ могъ выдвигнуть изъ своей среды новыхъ носителей сокровищъ своего духа, — новую интеллигентію, можетъ быть еще болѣе естественную, какъ вышедшую непосредственно изъ недръ народа. Но бѣда въ томъ, что она была поставлена въ такія условія, при которыхъ это было решительно невозможно. Бѣлоруссія была весьма часто ареной опустошительныхъ войнъ, разорявшихъ народъ, и тѣмъ обусловившихъ его отсталость и невѣжество, и развязавшихъ грубость правовѣ; а что всего важнѣе — она до такой степени была закрѣпощена помѣщиками, обязанности въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ были такъ отяготительны, что на выполненіе ихъ расходовались всѣ силы народа, такъ что у него не оставалось ни времени на размышленіе и обдумываніе, ни средствъ на обученіе, а безъ этого немыслимо умственное развитіе.

Еще слишкомъ живы воспоминанія объ этомъ печальномъ времени и живы свидѣтели перенесшіе на своихъ плечахъ всѣ его тягости. Въ любой деревнѣ вамъ сообщать массу невѣроустаѣшаго разсказовъ о

бесмысленной жестокости или самихъ помѣщиковъ, или ихъ управляющихъ, экономовъ, войтовъ, тіуновъ и прочихъ „подпанковъ“. Вамъ расскажутъ, что даже и тогда, когда число дней „панщины“ было определено закономъ, крестьяне, однако, отбывали „пригонъ“ въ такое время и въ такомъ размѣрѣ, какъ это вздумается помѣщику, хотя такой произволъ приносилъ существенный вредъ крестьянскому хозяйству. Но гдѣ было искать управы? Кому жаловаться? Пану на пана? А другой инстанціи крестьянинъ не зналъ.

Бывали помѣщики, у которыхъ каждую субботу половину пригонщиковъ жестоко сѣкли розгами: однихъ за ограѣи при пахотѣ, другихъ за высокія „гривы“ при косьбѣ; тѣхъ за то, что высоко жали, а тѣхъ, что малыя снопы вязали, чтобы сжать установленное число коненъ и т. д. Надо было напрягать всѣ силы, пускать въ ходъ всю внимательность и изобрѣтательность, чтобы избѣжать наказанія. Но и это далеко не всегда помогало.

Веда такую изнурительную жизнь, чѣмъ питался народъ? Вѣдь отъ качества пищи много зависитъ качество мысли. „Мы только теперь узнали, что такое голодъ“, говорили намъ иронически крестьяне:— „а за панами мы голоду не знали, потому что всегда голодали. Бывало только скотинку бережешь, а сами каждую весну ѿли травы да коренья. А когда молотили панскій хлѣбъ, то невѣянныя зерна, тайкомъ, горстями въ ротъ сыпали да ѿли“. Повѣрить можно. И теперь еще въ центральной Бѣлоруссіи крестьяне

настолько сохранили привычку къ хлѣбу съ мякімъ, что только такой хлѣбъ, пушной или „полбый“, и считають настоящимъ хлѣбомъ, а къ «чистяку» относятся съ вѣкоторымъ презрѣніемъ, находя, что онъ не питатель, что онъ какъ слюва: вѣтъ съ него никакого „посилку“.

Какъ при такихъ условіяхъ, когда крестьянинъ былъ отягощенъ безысходнымъ трудомъ, когда его личность подавлялась, его человѣческое достоинство подвергалось поруганію, какъ было тутъ развиться критическому мышленію, духу изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что для мужика школы были закрыты, а самостоятельныя попытки помимо школы проникнуть въ область хотя бы простой грамотности систематически подавлялись папами и представителями царской власти? Мужику оставалось одно: влачить изо дня въ день жизнь вола подъяренного, по характерному выраженію,—что день прожилъ, то къ смерти ближе,—забывая то изъ своего прошлаго, что не имѣло непосредственнаго отношения къ текущей дѣйствительности, не заглядывая далеко въ будущее, словомъ — не выходя изъ узкаго круга чувствованій и идей, которая давала повседневная жизнь, бѣдвалъ событиями.

При такихъ условіяхъ все болѣе и болѣе закрѣпляется привычка мыслить по традиціи, по разъ усвоеннымъ собразцамъ,—и если существенно не измѣняются условія жизни, если не будетъ дано толчкѣ извнѣ сильныхъ на столько, чтобы пробудить мышленіе и направить его на критическую переработку установленн-

шихся формъ мысли и жизни, то оно рискуетъ окочнуть въ этихъ формахъ, считая ихъ чѣмъ то неизмѣнныятъ, неизбѣжнымъ и лучшимъ чѣмъ что бы то ни было чужое. Бѣлоруссъ такъ долго предавался застою, что въ немъ развились домоѣдство, неподвижность (даже отхожихъ промысловъ не развилъ, хотя потребность въ нихъ, конечно, чувствовалась), а отсутствіе ознакомленія съ чужими мѣшало улучшенію своего. Онъ вѣсколько вѣковъ не жилъ нѣкоторыми сторонами своего духа, такъ что неудивительно если его воззрѣнія на вѣшайшій міръ и душу человѣка очень мало измѣнились и оныѣ стоять, по крайней мѣрѣ въ захолустьяхъ, почти въ той же ступени развитія, какъ и во времена лѣтописца Нестора. Понятно, что „нечистая сила“ т. е. всякая чертовщина, вѣдьмы, вовколаки, вампиры, хатники, хлѣвники, лѣши, водяники и пр. и пр., такъ же фигурируютъ въ міровоззрѣніяхъ бѣлорусса, какъ и во времѧ оно, когда его предки „звѣринскимъ обычаемъ живаху“. Тѣсно связанные съ „нечистой силой“ чародѣйства, ворожба, заговоры, паускания болѣзней, изгнаніе ихъ, все еще половяты умъ бѣлорусского крестьянина,—немного, можетъ быть, менѣе, чѣмъ умъ какого нибудь остяка,—все еще играютъ важную роль въ его предиратіяхъ, въ его жизни.

Единственнымъ просвѣтительнымъ началомъ въ жизни бѣлоруссовъ было христіанство. Извѣстно, что со времѣни введенія христіанства, языческое міровоззрѣніе получило значеніе антихристіанскаго начала и въ этомъ смыслѣ служило предметомъ борьбы со стороны духо-

венства. Здѣсь считаемъ нелѣшимъ напомнить читателю, каковы были тѣ возвѣаія, противъ которыхъ боролись христіанскіе просвѣтители нашихъ предковъ: тогда читателю будетъ видѣть, что сохранилось у бѣлоруссовъ отъ первобытнаго міросозерцанія и въ какихъ формахъ сохранилось. Для этого мы воспользуемся обличительной рѣчью, составленною А. Н Майковымъ изъ сводки разныхъ отрывковъ древнихъ духовныхъ писателей, обличавшихъ языческое нечестіе русскихъ:

„О во тымъ блуждающіе!—восклицаетъ одинъ изъ ревнителей христіанства:— „Кумиры повержены, по вы рабствуете и поклоняетесь прежнимъ бѣсамъ! Богами нарицаете стихіи, и солнце, и огонь; и огню тоже молитесь, зовете его Сварожичемъ! Вѣруете и въ стрѣчу, и въ полазъ, и въ птичій грай и въ вороѣбу; волхвуете птицами и звѣрьми! Богъ даетъ вамъ все благая; вы же Е'о не познали, а все отъ бѣсовъ своихъ имѣти мните—и обиліе плодовъ земныхъ, и раствореніе воздуховъ! Выѣсто призыванія благодати Господней на вешнія поля и нивы, рядитесь во звѣринныя шкуры, надѣваете лачины, толпами выходите вызывать Перуна или поганнаго Ярилу (Ярило—иръ, весна), съ крикомъ и гамомъ бѣгаете по селамъ, ударя въ бубны, тазы, сковороды, мѣдные доски, бранча колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами: тѣмъ мните зиму и иракъ прогоняти, не вѣдая того, что вся отъ Господа! Покараетъ ли вѣдь Господь, посушить поля и нивы, дабы сердца ваши окаянніи подвиглись къ Нему,—вы яко слѣпы и глухи пребыва-

ете, и паки къ нечистому дѣйству прибѣгаєте: обовь-
ете дѣвку цвѣтами и травами, водите ее по полямъ,
обливая водою, а сами, переряженые въ звѣрины
шкуры, бѣгаєтъ кругъ нея съ бѣсовскими пѣснями, съ
пляганиемъ и скаканиемъ *). Отъ рожденія до самага
смерти бѣсамъ токмо служите: зачинаетесь въ сквернѣ
и грѣхѣ; бракъ ли то есть, когда собираетесь на игри-
ща, и дѣвицу себѣ любу избравъ, на коняхъ риста-
юще, подскакиваете и съ собой умыкаете: и то есть
вамъ бракъ! И станетъ увѣщевать васъ служитель Бо-
жій, въ прорѣзости отвѣщаваете; христіанскій-де об-
рядъ вѣнчавія годенъ токмо для князей и бояръ, а
мы-де люди простые, живемъ какъ отцы и дѣды жи-
ли, и по двѣ жены имѣть можемъ!.. О горе горькое,
о прелестъ сатанинская! И паки скажу: какъ вы па-
стыря душъ встрѣчаете? Плюете, невѣгласи, встрѣтясь
со святыми отцомъ, бѣсамъ заклятия читаете и яко
отъ недоброй верѣчи, назадъ ворочаетесь! А волхваютъ,
и скоморохамъ, и гудцамъ, пѣвунамъ, что толпами
изъ села въ село шатаются и поганныя требы и вол-
хованія творять и басни о бѣсахъ бають со струн-
ными гудевиемъ,—вхъ послушаете и ихъ ублажаете и
чествуете, и на праздникахъ своихъ все ими указан-
ное творите, и на кладбища съ ними съ огнемъ хо-
дите, и окрестъ могилъ пѣсни бѣсовскія возглашааете,
и скаканиемъ и плясаніемъ сватое мѣсто оскверняете!
Молитвы ни единой сотверить не могуще, развѣ кто

*) Г. Асанасьевъ думаетъ, что переряживаніе въ звѣрины
шкуры знаменовало облака, видъ свой мѣняющія, а дѣвка—
запачкующую землю.

„Господи помилуй“ со страхомъ скажеть, заклятій
знаете множество—и къ вѣтрамъ нарицающе ихъ
Стрибожими чадами, и къ зарѣ—яко къ пѣкѣй же-
нѣ, сѣдающей на морѣ, на Окіянѣ, въ палатахъ крас-
на золота да чиста серебра, и къ огню-сварожичу, и
къ печкѣ, и къ ивымъ, иже стихіи суть, или рука-
ми дѣланная!“ *).

Христіанское духовенство много, конечно, разсеяло
первобытной тьмы. Но то, что выработано самимъ на-
родомъ путемъ естественного развитія, что составляеть
естественную ступень въ эволюціи его мысли, какъ
видно, нелегко поддается сглаживанию и уничтоже-
нію. Оно исчезаетъ при томъ непремѣнномъ условіи,
чтобы мысль человѣческая естественнымъ образомъ всту-
пила въ слѣдующій фазисъ своего развитія. А для
этого необходимы извѣстныя условія, какъ напримѣръ—
нѣкоторая матеріальная обезпеченність, дающая досугъ
для наблюденій, изслѣдованій и обобщеній; обогащеніе
нашего ума путемъ пріобрѣтенія положительныхъ свѣ-
дѣній изъ различныхъ отраслей знанія и т. п. А такъ
какъ до послѣдняго времени ни одно изъ этихъ условій
не имѣло места въ жизни бѣлорусса, то понятно, по-
чему большая половина его воззрѣній представляеть
изъ себя „живую старину“. Къ ней-то мы теперь и
обратимся.

*) Майков. Сочин., т. II, стр. 414.

I.

Пережитки фетишизма.

Со времени „Курса позитивной философии“ Огюста Конта, процессъ миѳологического развитія раздѣляютъ обыкновенно на три послѣдовательные фазиса: фетишистической, политеистической и монотеистической.

Фетишизмъ — начальная ступень въ процессѣ осмысливашія человѣкомъ виѣшняго міра. Это періодъ совершенно младенческаго состоянія человѣческаго ума. Для правильнаго пониманія этого періода необходимо принять то неоспоримое положеніе *), что первобытныя идеи естественны, и, при тѣхъ условіяхъ, когда онѣ имѣютъ мѣсто, — разумны. Ставши на эту точку зрѣнія, спросимъ себя: какъ могъ поступать первобытный человѣкъ, подавленный массою разнообразныхъ явлений виѣшняго міра, чтобы разобраться въ нихъ собственными силами, — какой путь могъ избрать опь для этой цѣли? Для него выбора не было, ибо такой путь одинъ, который, между прочимъ, практикуется не только дикаремъ, но и ученымъ изслѣдователемъ, до-

*) Спенсеръ, Основан. соціол., т. I стр. 110.

стигшимъ вершинъ человѣческаго знанія: онъ заключается въ объясненіи неизвѣстнаго посредствомъ извѣстнаго.

Ближе всего, такъ сказать—непосредственно, первобытный человѣкъ зналъ самого себя, т. е. свои собственные состоянія. Отсюда слѣдуетъ, что первобытные люди должны были основывать свои объясненія явленій вѣщнаго міра на аналогіяхъ, почерпнутыхъ изъ своего сознанія, и вслѣдствіе этого они должны были надѣлять всѣ предметы свойствами и способностями, присущими живому человѣку: способностію чувствовать голодъ и жажду, удовольствіе и страданіе, любить похвалу и лесть, мстить обидчику и т. п. Такое апріорное заключеніе подтверждается массою фактовъ и наблюдений, собранныхъ исследователями жизни дикарей. Сообразно со своими понятіями о вѣшнемъ мірѣ, дикарь устанавливаетъ и свои отношенія къ нему: бесѣдуетъ даже съ неодушевленными предметами, какъ наши дѣти съ куклами и игрушками, просить у нихъ помочи въ потребныхъ случаяхъ, благодарить ихъ, буде она оказана, бѣть и наказывать за непослушаніе, дѣлаться своей добычей, кормить ихъ и т. п. Оголоски этого далекаго прошлаго, въ силу косности человѣческаго ума, сохраняются, въ той или другой формѣ, даже въ обществахъ, стоящихъ на высшей ступени цивилизациі. Поэтому неудивительно, хотя и печально, что довольно ярко слѣды ихъ сохранились въ медвѣжьихъ углахъ Бѣлоруссіи въ видѣ суевѣрного почитанія разныхъ предметовъ, въ видѣ разныхъ повѣрій, легендъ и преданій.

Почитаніе огня. Ясные слѣды фетишизма сказываются въ почитаніи бѣлорусами огна вообще и домашняго очага въ частности. Это черта болѣе или менѣе общая всѣмъ народамъ арійскаго корня. Такъ у римлянъ, какъ извѣстно, въ храмѣ Весты горѣлъ вѣчный огонь, поддерживавшійся предназначенными для этого жрицами-дѣственницами, весталками; у литовцевъ предъ истуканомъ Перкуна вайделотки непрестанно жгли дубовыя дрова, поддерживая, такимъ образомъ, неугасаемый огонь Зничѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ — самостоятельное божество, носившее название Вѣчнаго Отца. И у нашихъ предковъ огнь почитался варяду съ солнцемъ, какъ родные братья, какъ свѣтоносныи и теплотворныи начала, что видно, между прочимъ, изъ слова нѣкоего христолюбца, обличающаго это нечестіе: «*И огневъ молятъ, зовуще ею Сварожичемъ*»...

Въ возрѣніяхъ бѣлоруссовъ огонь является одной изъ основъ семьи, домашнимъ певатомъ, началомъ цѣлебнымъ и всеочищающимъ. Особенно это сказывается въ захолустныхъ мѣстностяхъ. Тамъ въ каждой семье стараются поддерживать свой огонь, тщательно загревая горячіе уголья въ печурку. Онъ вздувается по мѣрѣ надобности. При переходѣ изъ одного жилья въ другое, при семейномъ раздѣлѣ, несутъ съ собою огонь изъ домашняго очага. Осквернять огонь плевками или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, считается дѣломъ нечестивымъ и небезопаснымъ, обо „жига“, какъ зовется огонь на дѣтскомъ языкѣ, кусается, — и отъ этого на лицѣ виноватаго появляется „вогникъ“ — особая

накожная болѣзнь, при которой лицо покрывается струпьями, какъ послѣ ожога. *Вогникъ* можетъ быть вылѣченъ только посредствомъ огня. Для этого, когда дрова разгорятся яркимъ пламенемъ, выгребаютъ девять раскаленныхъ угольковъ (иногда три); каждымъ изъ нихъ обмахиваются три раза вокругъ больного мѣста и, наотмашь, обратно вбрасываютъ въ печь, со словами: „аткуль пришоу, туды идзи“, а больной трижды цѣлуетъ припекъ. Это называется „откидать вогникъ“.

Огнемъ лѣчатъ и другія болѣзни. Когда дѣти корчатся и кричатъ отъ боли, не спать по почамъ,— это ихъ мучаютъ *Ночницы*—маленькие и злые духи ночи. Ихъ только можетъ прогнать свѣтоносное начало—огонь. Ночью, когда дитя особенно раскричится, топятъ печь, и передъ полынemъ „палаютъ“ больного ребенка. *Палатъ*—собственно значить очищать отъ шелухи ячменную или какую нибудь другую крупу, посредствомъ встряхиванія въ особыхъ почвахъ-палапкахъ. Нѣчто подобное продѣлываютъ и съ больнымъ ребенкомъ. Его кладутъ въ «приполъ», въ подолъ платья, качаютъ передъ пламенемъ, слегка встряхивая и нашептывая „заговоръ“:

Цемная ночка
Начницъ парадзила,—
Малому дзицаци
Муки нарабила;
Ясное соунійка *)

*) Въ белорусскомъ текстѣ „у“, напечатанное курсивомъ, слѣдуетъ произносить кратко, сливая съ предшествующей гласной.

Дзевъ начинаець,
Пачницъ прогонаець,
Дзянницъ насылаець,
Боль сунимаець.

Шухъ у печъ! Шухъ у печъ!..

Пламя или пожираеть ночницъ, или отгоняеть прочь.

Вообще совѣтуютъ часто „палатъ“ дѣтей передъ печью, такъ какъ огонь считается средствомъ, очищающимъ всякую „немочь“, а равно и предохраняющимъ отъ нея. Потому то нари и дѣвушки пригаютъ че-резъ купальские огни. Хорошій хозяинъ, насаживая въ овнѣ спопы первый разъ въ году, чтобы просушить ихъ для молотбы, бросаетъ обыкновенно спопъ ржи въ овнинный огонь. Это несомнѣнно отголосокъ первобытныхъ жертвъ огню.

Огонь, въ качествѣ древняго родового пепата, скрѣпляетъ различные родственные союзы. Такъ невѣста, прибывашая въ домъ жениха, чтобы „освоинь-ся“ въ немъ, кланяется очагу и прикасается къ нему руками. То же дѣлаетъ и женихъ, идущій въ чужую семью. Въ извѣстные дни,—на праздникъ Пасхи или когда кто-нибудь изъ домашнихъ выѣхалъ на поле сѣять, а особенно, когда въ домѣ толока (помощи), —огни изъ очага не одолжаютъ (спичекъ одолжить можно); вѣрить, что за огнемъ можетъ уйти изъ дома благосостояніе, или, по крайней мѣрѣ, хлѣбъ не уродится. Въ это время огонь называютъ *богатицемъ* *).

*) Въ Полѣсье огонь вообще называютъ „богатьемъ“, т. е. богатствомъ.

Впрочемъ, нѣкоторые крестьяне, по той же причинѣ, что указана выше, и въ обыкновеніе дни опасаются давать изъ своего очага горячіе угли чужимъ людямъ, въ другую избу; а если даютъ, то весьма неохотно, при томъ подъ условіемъ, чтобы тѣ же угли были возвращены, хотя бы и потухшіе; трубуютъ также, чтобы одолжающій оставилъ свою вещь, пока не возвратить углей: это предохраняетъ отъ дурныхъ послѣствій, которыя могли бы произойти вслѣдствіе того, что огонь былъ одолженъ. Иные съ этою цѣллю, если угли не возвращены, въ свою очередь посылаютъ къ тому сосѣду, который одолжалъ, за горячими углами, хотя бы въ нихъ и не было надобности.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бобруйского уѣзда и почти во всемъ Полѣсьѣ употребляется для освѣщенія такъ насыпаемой „коминъ“. Это воронкообразная труба, выходящая наружу черезъ потолокъ и крышу; снизу къ этой воронкѣ подвязывается „каганецъ“ — старая сковородка, обломокъ чугуннаго горшка или глиняная лоханка; на каганцѣ жгутся сухія полѣница или смолистые, мелкоизрубленные сосновые корни. Въ этихъ мѣстностяхъ на южной вѣдѣльѣ справляется женитьба комина. На комъ онъ женится — намъ не удалось точно узнать. Одни говорили, что „съ печью женитца“, другіе — съ хатой, а большинство отвѣчали: „кто его знаетъ! старые люди говорили: женится коминъ, — и мы за ними“. Къ этому времени, т. е. къ женитьбѣ, коминъ бѣлятъ, охорашиваютъ, украшаютъ зеленью — плавуномъ, брусличникомъ, хвоями, — и бросаютъ въ огонь кусочки сала или масла: это ему свадебное

угощениe. И въ этомъ также нельзя не видѣть перенесенія первобытныхъ жертвъ огню.

При помощи огня гадаютъ. Если огонь горить весело—это вообще хороший признакъ. Если уголь попадетъ въ горшокъ съ пищей — это означаетъ подарокъ. Если изъ печи съ трескомъ высакиваются горячие уголья—это предвещаетъ скорое прибытіе желанного гостя. Почему? Да кротко потому, что въ бытныя времена огонь, какъ домашній пепель, считался покровителемъ гостей, какъ и всѣхъ находившихся подъ кровлей его обиталища.

Вода. На ряду съ царемъ-огнемъ, немалымъ почестомъ пользуется и царица-водица — другая стихія, еще болѣе важная по своему значенію для жизни человѣка. Много сохранилось упоминаний какъ въ нашихъ лѣтописяхъ, такъ и въ поученіяхъ русскихъ святителей о поклоненіи водѣ и о присеніи ей жертвъ. Такъ воины Святослава, по словамъ Льва Діакона, послѣ погребенія павшихъ въ битвѣ товарищей, погружали въ воды Днѣпра чѣтуховъ и младенцевъ. Преподобный Несторъ говорить о полянахъ: „баху же тогда поганіи, жруще езеромъ и кладеземъ и рощеніемъ, якоже и прошибіи поганіи“.

И по сей день въ Бѣлоруссіи почитаются «езера, кладези и источники». Особенно поспѣшне. Нѣкоторые „ключи“, издавна пользующіеся известностію, периодически привлекаютъ къ себѣ поклонниковъ массами, въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ наши липецкія и пятигорскія воды. Ключевая вода, или, какъ ее часто называютъ, «живая», почитается высокимъ цѣ-

лебенъ и очищающимъ средствомъ, такъ же, какъ и огонь. Весной, послѣ первого грома, начинается это своеобразное паломничество „къ ключамъ“. Совершается оно въ извѣстные дни, издавна установленные: на Юрья, на Николу, на Ушестя (Вознесеніе), на Дзеватника (девятый четвергъ послѣ Пасхи), на Пяцникъ, на Дзеситуху и пр. До „русальной недѣли“ (первая послѣ Троицы) берутъ воду только для питья, а послѣ русальной и купаются, гдѣ это удобно, а также поять и купаютъ лошадей. Дѣлается это или чтобы излѣчиться отъ болѣзни, или чтобы предохранить себя отъ нея на будущее время. Плевать въ воду вообще предосудительно, а въ „живую“ въ особенности. Она такъ же, какъ и огонь, употребляется для гаданій и чародѣйствъ. Вода въ кадкѣ, употребляемая для питья, должна быть закрыта, иначе въ нее можетъ войти нечистая сила.

Земля. Подобно сказанному выше, отношение бѣлорусса къ кормилицѣ-землѣ носить также вѣсколько фетишистический характеръ. Да и можетъ ли быть иначе, когда его благосостояніе, распорядокъ его личной, семейной и даже общественной жизни во многомъ зависятъ отъ неумолимой „ власти земли“? Отправляясь въ чужую сторону, бѣлорусъ, слѣдующій обычаямъ предковъ, беретъ щепотку родной земли и, зашивъ ее въ лоскутокъ холста, вѣшаешь на груди: если придется умереть на чужбинѣ, то его прахъ все же будетъ похорониться вмѣстѣ съ родной землицей. Самая страшная клятва для бѣлорусса—это клятва, произнесенная съ землею во рту или въ рукѣ. Къ этой клятвѣ прибѣ-

гаютъ рѣдко, и если бѣлорусъ что-нибудь удостовѣряетъ, взявъ щепотку земли въ ротъ, то его земляки ему, несомнѣнно, повѣрятъ. Если же онъ солжеть, то думаютъ, что почернѣеть, какъ земля. Глубоко укоренилось въ сознаніи бѣлоруссовъ представление о землѣ, какъ о всеобщей матери; поэтому, между прочимъ, считается предосудительнымъ ругаться материцкими словами, чтобы не оскорбить чести матери-земли. Великихъ грѣшниковъ „земля не примае“, т. е. выбрасываетъ ихъ изъ могилы, не даетъ имъ упокоенія. Въ бѣлорусскихъ заклятияхъ и чаракъ земля столь же часто фигурируетъ, какъ и огонь. Есть повѣрье, что предъ наступленіемъ общественныхъ бѣдствій земля стонетъ по утрамъ, предъ восходомъ солнца. Люди, одаренные чуткимъ слухомъ и при томъ свѣдущіе въ ворохѣ, могутъ слышать этотъ стонъ и заранѣе предсказывать разныя бѣдствія: голодъ, моръ, войну и т. п., ибо стонъ земли измѣняется соотвѣтственно характеру бѣдствія. Такъ предъ голодомъ къ стону примѣшивается плачъ дѣтей, предъ моромъ — похоронныя причитанія, передъ войной слышанъ особый гулъ, какъ бы отъ топота множества ногъ и копытъ.

Хлѣбъ. Къ хлѣбу бѣлоруссы относятся съ большимъ почтеніемъ. Печь хлѣбъ должна женщина „чистая“, въ противномъ случаѣ онъ не удастся: будетъ коробиться, трескаться. Вообще это оскорблѣніе хлѣба. Крошить хлѣбъ, сорить имъ — большой грѣхъ: кто такъ поступаетъ, — не будетъ имѣть хлѣба. Лучше всего — хлѣбная крошка и корки сжигать въ печи.

Почитаніе бѣлоруссами хлѣба прекрасно иллюстри-

руется следующимъ разсказомъ, широко распространеннымъ въ Бѣлоруссіи. Вотъ этотъ разсказъ. Однъ че-ловѣкъ, во время єды, нечаянно уронилъ крошку хлѣба. Испугался онъ, сталъ ее искать .. Въ это время его гумно загорѣлось. Бѣгутъ сосѣди, кричатъ ему: гумно горитъ! Онъ спокойно продолжаетъ искать оброненную крошку. Нашелъ, извинился передъ хлѣбомъ и, перекрестившись, съ благоговѣніемъ сѣѣль его. Тогда бросился гумно тушить. Но, въ то время, когда онъ умилостивливалъ хлѣбъ, гумно его мгновенно по-тухло.

Если обвести вокругъ горящаго дома хлѣбъ, то огонь не будетъ далѣе распространяться; только надо, чтобы хлѣбъ захотѣлъ этого. Иные, обнесши хлѣбъ вокругъ горящаго дома, бросаютъ его въ огонь, полагая, что отъ этого пожаръ прекратится. Этотъ обычай намекаетъ на жертву огню; повидимому здѣсь сила не въ хлѣбѣ, какъ памѧтияли крестьяне, а въ томъ, чтобы умилостивить огонь.

Во всѣхъ семейныхъ торжествахъ, хлѣбъ занимаетъ высокое мѣсто, но эти обычаи такъ распространены и общеизвѣстны, что не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ. По хлѣбу предсказываютъ судьбу членовъ семьи. Если хлѣбъ въ печи развалится на две половины—это не къ добру: умретъ или хозяинъ, или хозяйка. Если въ мякишѣ окажется вертикальная трещина — это предвѣщаетъ близкій раздѣлъ семьи; горизонтальная трещина — вѣрный признакъ, что или дочь выйдетъ замужъ, или сынъ пойдетъ „у примы“ (въ чужую семью).

Почитаніе камней. Относительно камней сохранилось повѣрье, что въ былых временах они, подобно животнымъ, чувствовали, росли и размножались; но когда люди прогибвили Бога, онъ проклялъ и людей и землю,—и земля перестала давать прежніе баснословные урожаи, и камни перестали рости. Въ Борисовскомъ уѣздѣ, около села Краснолукъ, лежитъ болшой камень, въ которомъ, по преданію, встарину жилъ портной. Онъ всѣмъ шилъ безденежно и шилъ очень хорошо, только не слѣдовало его просить обѣ этомъ: if|просишь — и онъ постучитъ какъ разъ въ обратъ, а иногда просто изрѣжетъ матеріалъ въ куски и выбросить вонъ. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. За работу ему приносили ёсть и пить.

Не служить ли послѣднее указаніемъ на поклоненіе и жертвоприношеніе камнямъ? Оченьѣ вѣроятно. Такихъ камней, съ которыми связано то или другое преданіе,—камней, прославившихся чудотворною силой, въ Бѣлоруссіи немало. Два такихъ камня находятся въ Игуменскомъ уѣздѣ близъ села Пережира. Одинъ изъ нихъ называется Дземянъ, другой Марья. Они находятся другъ отъ друга на разстояніи, приблизительно, ста саженей. Лѣтъ двадцать тому назадъ прославился чудодѣйственною силой камень Марья: ходили слухи объ исцѣленіи паралитиковъ, хромыхъ, глухихъ и проч. Къ нему стекались на поклоненіе не только жители ближайшихъ мѣстностей, но даже издалека, изъ губерній Могилевской, Витебской, Псковской, Виленской и др. Марья въ высоту аршина два, въ ширину около аршина и въ одинъ футъ толщиною; Дземянъ нѣсколь-

ко меньше. Глаза сувѣровъ усматриваются въ томъ и другомъ подобіе человѣческой фигуры, именно подобіе подбоченившагося человѣка, хотя эти камни не имѣютъ ни малѣйшихъ признаковъ головы, шеи и другихъ частей тѣла. Къ половымъ различіямъ погло присутствіе у Марыи вѣкоторыхъ возвышеній посрѣдинѣ: они то и признаются за женскія груди. Этими камнями приносили пожертвованія: холстъ, ленъ шерсть, поросать, телять, овецъ и деньги. Шорою пожертвованія были такъ обильны, что холстъ, левъ и т. п. возами возили. Впрочемъ, въ послѣднее время популярность Марыи значительно упала, и о прежнихъ ври-
поншніяхъ и помина вѣтъ. Иногда только какая-нибудь дѣвушка, выпрашивая жениха, привѣсить къ камню кольцо или вѣсколько бусъ.

Эти два камня могутъ быть отнесены къ такъ называемымъ „каменнымъ бабамъ“. Все это камни, сработанные рукой человѣка въ подобіе человѣческой фигуры, обработанные весьма грубо. Съ ними обыкновенно связываются легенды о томъ, что это были люди, которые за грѣхи превращены въ камни.

Недалеко отъ г. Несвижа (верстъ 10—12), близъ фольварка Лозовичи, князя Радзивилла, есть три камня весьма значительной величины. Одинъ изъ нихъ торчать изъ земли, напоминая, хотя слабо, человѣческую фигуру, а два лежать рядомъ близъ первого. Относительно этихъ камней ходятъ среди окрестныхъ крестьянъ такая легенда. Жилъ въ Несвижѣ жестокій князь, который Бога не боялся, весьма народъ мучилъ. Мало того, что люди въ будни изъ силъ выбивались,

работал на барщинѣ, онъ сталъ требовать, чтобы они и въ годовые праздники на пригонъ ходили. Вотъ наступила Пасха. Сиѣгъ сошелъ, поле можно пахать. И заказываетъ войти пригонъ, а если кто не явится по заказу, то грозится вырѣзать тому три полосы со спины. Такъ злой князь приказалъ. Плачетъ народъ. Выйти на пахоту—вышли, но за работу никто не принимается. А войти похаживаетъ, да квтомъ стегаетъ непослушныхъ. Пріѣхалъ самъ князь. Тутъ войти еще болѣе стало спирѣпствовать, желая угодить князю. Вотъ и говорятъ люди войту: если ты такой умный, то попробуй самъ пахать. Войти захотѣлъ отличиться передъ княземъ, схватилъ соху за рогачъ и погналъ борозду. Но не дошелъ онъ и до половины борозды, какъ ударилъ громъ небесный — и войти съ волами окаменѣлъ. Такъ и стоять они до страшнаго суда.

Весьма распространены камни съ отпечаткомъ человѣческой ступни. Грудно сказать, что это такое: игра природы или дѣло рукъ человѣческихъ (послѣднее вѣроятнѣе), — но только такие камни пользуются большимъ почетомъ въ средѣ бѣлоруссовъ и привлекаютъ немало поклонниковъ.

Также и по сей день почитаются чудодѣйственныи такъ называемыи „перуновы стрѣлы“; это орудія каменнаго вѣка, ваходимыя въ земль. Они употребляются въ чародѣйствахъ и для лѣченія болѣзней.

Горы. Въ Бѣлоруссіи вѣтъ сколько нибудь значительныхъ горъ. То, что здѣсь называется горами, не что иное какъ холмы, болѣе или менѣе возвышенные. Словата, что они не могли поражать воображеніе бѣ-

лорусса, внушать къ себѣ суевѣрный страхъ, какъ это бываетъ въ странахъ горыстыхъ. Индуы, напримѣръ, завидѣвъ снѣговыя вершины Гималаи, со страхомъ и трепетомъ, въ пѣномъ обожаніи, простираются предъ вимъ, какъ предъ грознымъ, величественнымъ божествомъ. Это, конечно, грубый фетишизмъ, который въ чистомъ видѣ встрѣчается только среди народовъ, находящихся на весьма низкой ступени развитія. Но вообще нужно сказать, что въ горныхъ странахъ неразвитые умы, если и не поклоняются горамъ, какъ таковы, то считаютъ ихъ мѣстомъ обитанія могущественныхъ горныхъ духовъ или божествъ.

Нѣть сомнѣнія, что и славянскіе народы въ тѣ отдаленные времена, когда они обитали на своей прародинѣ, гдѣ-то около горного хребта Гинду-Кушъ, относительно горъ раздѣляли первобытный воззрѣнія родственныхъ племенъ, которыхъ и теперь являются въ недоступныхъ долинахъ и горныхъ трущобахъ Гималаи чуть-ли не горонокловниками,—во всякомъ случаѣ питаютъ суевѣрный страхъ къ горамъ.

Послѣ того какъ славяне, оставивъ свою первобытную родину, населили русскую равнину, эти вѣрованія, не находя для себя достаточной пищи на новомъ мѣстѣ, должны были, мало-по-малу, ослабѣвать, сглаживаться, терять свою яркость и опредѣленность. Однако слѣды ихъ, хотя и слабые, сохранились въ Бѣлоруссіи и доселѣ.

Такъ напримѣръ, бѣлоруссы питають суевѣрный страхъ къ «лысымъ горамъ», т. е. такимъ, вершины которыхъ лишены растительности, полагая, что онѣ

въ извѣстное время явленияются мѣстомъ сберища нечистой силы: отъ соприкосновенія съ нею овѣ и облысѣли.

Есть немало горъ, съ которыми связаны легенды и суевѣрья преданія. Они сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что на такой то горѣ стояла нѣкогда церковь или костель и провалились, поглощены горой. Между прочимъ, такое преданіе связано съ холмомъ, возвышающимся среди мѣстечка Лукомля (Могилевск. губ., Сѣнновскаго уѣзда). Этотъ холмъ, вѣроятно, старое замчище; но крестьяне говорятъ, что на немъ давнымъ давно стояла церковь и провалилась. Они уверяютъ, что на Рождество, на Пасху и нѣкоторые другие праздники, если приложить ухо къ этой горѣ, то въ ней слышенъ колокольный звонъ и пѣніе. Намъ кажется, что такія суевѣрія объясняются тѣмъ, что въ былые времена на горахъ находились языческіе капища и жертвеники; иначе—какъ-то не вижется съ христіанскимъ воззрѣніемъ, чтобы церковь, святыня, проваливалась,—и намъ никогда не удавалось получить объясненіе, почему она провалилась. «Отъ старыхъ людей слышали»—говорять въ такихъ случаяхъ. Но въ белорусскихъ історіяхъ сохранились намеки, указывающіе на то, какое значеніе имѣли горы въ обрядовыхъ празднествахъ. Такъ въ одной „волочебной“ пѣснѣ, записанной нами, между прочимъ, восхваляется хозяинъ, прославившійся своимъ чуднымъ дворомъ:

На яго дварѣ ды стояць горы,
Ды стояць горы высокія;
А на тыхъ горахъ ды лежаць брусья,
Ды лежаць брусья цесовые;

А ва томъ брусьемъ ды стояцъ стоубы,
 Ды стояцъ стоубы малеваные;
 А на тыхъ стоубахъ ды висяцъ котлы,
 Ды висяцъ котлы отливаные;
 А по-подъ котлами ды горацъ агви,
 А гарацъ агни ясненъкіе,
 Ды вдуцъ дымки синенъкіе;
 Тамъ сидзяцъ дзѣдки старенъкіе,
 Варацъ воски жоуценъкіе,
 Сучачъ свѣчи двойчастныя,
 Двойчастныя и тройчастныя;
 Сподзеютца любыхъ госційкоу
 Любыхъ госційкоу—великодничкоу

и пр. (село Погорѣлое, Игуменского уезда).

Это несомнѣнно картина языческаго жертвоприношенія, сопровождавшагося обыкновенно народнымъ пиршествомъ, картина, нѣсколько измѣненная въ христіанскомъ духѣ. Внѣшняя сторона этого обрядового торжества, обстановка его, весьма выдержаны,—отъ нея такъ и вѣтъ духомъ древности; но тутъ уже дѣдки старенъкіе, языческие жрецы, не точатъ ножей булатныхъ, не собираются рѣзать козла, какъ это поется въ известной великорусской „колядкѣ“, а варятъ „воски жоуценъкіе“ (желтые), сучать свѣчи двойчастныя и тройчастныя, т. е. языческую жертву замѣняютъ христіанской. Но намъ здѣсь, главнымъ образомъ, интересно то, что для этого торжества, для встрѣчи дорогихъ гостей-великодничковъ понадобились высокія горы, настолько понадобились, что пѣвецъ, совсѣмъ не къ мѣсту, громоздить ихъ на холмъ дворѣ, хотя,

разумѣется, и воскъ варить, и гостей встрѣтать гораздо удобнѣе на ровномъ мѣстѣ. Здѣсь пѣсни, очевидно, остается вѣрной старинныи обычаяи, въ силу которыхъ иѣкотыя языческія празднства должны были совершаться на горахъ.

И теперь въ Бѣлоруссии выкликаніе весны и другіе весенниe обряды совершаются непремѣнно на горахъ, „на юру“.

Также сохранились отголоски прежнаго поклоненія „рощеніямъ“, о которомъ упоминаетъ Густинская лѣтопись. Такъ въ Борисовскомъ уѣздѣ намъ приходилось слышать, что давныи давно, близъ Старого Борисова, большого имѣнія, иѣкогда принадлежавшаго князьямъ Радзивилламъ, расположеннаго въ мѣстности богатой лѣсами, росъ на одной полянѣ „стародавній дубъ“ очевь большихъ размѣровъ. Если кто, бывалъ, рубнетъ его топоромъ, то непремѣнно съ тѣмъ случалось несчастіе. А когда, по приказанію владѣльца, срубили этотъ дубъ, то, падая, онъ раздавилъ всѣхъ рубившихъ его, и, кромѣ того, цѣлую недѣлю свирѣпствовала страшная бура, съ громомъ и молніей, причинившая много бѣдъ.

Въ той же мѣстности и въ Игуменскомъ уѣздѣ до послѣднаго времени, среди выдѣлывателей клепки, ходило мнѣніе, что есть такія деревья, которыя рубить небезопасно: какъ ни берегись, а оно тебя придавитъ. Не совѣтуютъ рубить дерево, которое скрипитъ, ибо это вѣрный признакъ, что въ немъ человѣчья душа мучится. Срубившій такое дерево заставляетъ ее искать себѣ новаго пристанища, за это онъ можетъ

поплатиться увѣчью, а иногда и своею жизнью. Многое связано повѣрій и съ осиной. Это дерево употребляется при волхованиихъ.

Всѣ растенія, по повѣрію, разговариваютъ между собою, и есть такие люди, что понимаютъ ихъ рѣчь, и вслѣдствіе этого могутъ узнать, какая заключается въ нихъ сила: цѣлебная или ядовитая,—и въ какихъ болѣзняхъ извѣстное растеніе помогаетъ. Въ прежнія времена, говорятъ бѣлоруссы, много было такихъ людей, а теперь очень мало, но все-таки есть они.

Особенно отличаются таинственными свойствами папоротникъ и разрывы-трава *Папоротникъ*, какъ гласить повѣрье, цвѣтеть только въ ночь на Купалу (23 июня); цвѣтетъ онъ одинъ мигъ; цвѣтки его горятъ, какъ искорки. Завладѣть этими цвѣтками очень трудно, ибо нечистая сила противодействуетъ къ этому всякихъ препятствій: отводить глаза, а болѣе всего пугаетъ разными страхами, такъ что за это дѣло надо браться умѣючи, и даже не всякому чаровнику оно по силамъ. Всего чаще ушедши въ лѣсъ за этими чудными цвѣткомъ умираютъ со страха.

Собираетъ эти цвѣтки безпрепятственно только *Купальский дзядокъ*; онъ ходить съ лукопечкою и наполняетъ его цвѣтами, такъ что лукопечко горить какъ жаръ. Купальский дзядокъ—добрый. Если встрѣтиться съ пимъ и разостлать предъ нимъ белую скатерть, то она бросить на нее одинъ цвѣтокъ. Хватай, тогда скорѣе его и, разрѣзавши ладонь правой руки клади подъ кожу: оттуда нечистикъ не достанетъ. Счастливый обладатель чудного цвѣтка получаетъ даръ.

всевѣдѣція, а въ особенности знаетъ, гдѣ какіе клады лежать и какъ къ нимъ приступиться, знаетъ, какія заклятія на нихъ наложены и какъ ихъ отчаровать. Понятно что, «нечисьчики», стерегущіе клады, всѣми силами стараются отнять цвѣтокъ.

Разрывъ-трава добывается особымъ способомъ. Эту траву знаютъ только вѣщія птицы, какъ напримѣръ, сорока, сова и сойка. Найдя гнѣздо съ птенцами одной изъ этихъ птицъ, нужно въ немъ замазать глиной отверстіе, такъ чтобы птица не могла кормить своихъ дѣтей. Подъ деревомъ, на которомъ свито гнѣздо, слѣдуетъ разостлать скатерть и самому спрягаться подъ вей. Побуждаемая пискомъ голодныхъ дѣтенышей, желая освободить ихъ изъ неволи и накормить, птица полетитъ искать разрывъ-траву. Бываетъ, что она и находить ее. Тогда она прикладываетъ разрывъ-траву къ гнѣзду, и замазка съ него спадаетъ. Вотъ тогда то и пужаю смотрѣть на скатерть: не упала ли разрывъ-трава. Если вайшь ее, разрѣжь ладонь на правой рукѣ и подсунь подъ кожу траву. Тогда стоитъ только толкнуть этой рукой въ запертую дверь — она отворится, стоитъ только взяться за замокъ — онъ самъ открывается.

Крестьяне вѣрятъ, что прославленные воры имѣютъ разрывъ-траву.

Животныя. Изъ міра животныхъ сувѣрное почитаніе вызываютъ главнымъ образомъ змѣи, а изъ нихъ особенно ужи. Эти послѣдніе, въ нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, гдѣ водится мно-

го ужей, и до сихъ поръ играютъ роль домашнихъ божковъ.

По повѣріямъ, всѣ змѣи обладаютъ вѣщею силой, необыкновенною мудростю, но одинъ только ужъ склоненъ употреблять свою мудрость на пользу дома, гдѣ онъ поселился,—и если угоджать домашнему ужу, то и онъ, въ свою очередь, будетъ радѣть тому дому. Вообще поселеніе ужа въ домѣ считается хорошимъ предзнаменованіемъ: стоитъ только ужу угодить—и онъ будетъ приносить въ домъ счастіе. Но бѣда, если домашнаго ужа прогнѣтить: тогда онъ постарается жестоко отомстить. Поэтому крестьяне кладутъ своимъ ужамъ пищу и питье и вообще заботятся о томъ, чтобы не раздражать ихъ. Намъ не разъ приходилось слышать, что въ южной части Бобруйскаго уѣзда и далѣе къ югу, въ Полѣсьѣ, есть много ужей, совершенно ручныхъ, которые ёдятъ изъ одной миски съ дѣтьми, посаженными єсть на полъ, какъ это часто бываетъ у крестьянъ. Думаютъ, что ужъ имѣеть ядъ, но по добротѣ своей не пускаетъ его въ дѣло, не хочетъ жалить. Намъ передавали за вѣрное слѣдующій вѣроятный разказъ. Въ одномъ домѣ долго жилъ большой ужъ. Положилъ онъ въ хлѣву въ навозъ свои яйца. Когда копали навозъ, нашли ихъ и взяли „на пробу“, чтобы узнать, какъ относится къ этому ужъ. Скоро онъ замѣтилъ прощажу яицъ. Тогда онъ забрался въ кѣль и сталъ „плевать“ въ горшки съ молокомъ, чтобы отравить ихъ своимъ ядомъ. Это видѣла хозяйка. Отсюда заключили, что съ ужами нельзя шутить такихъ шутокъ

и немедленно возвратили яйца въ его гнѣзда. Увидѣвъ, что яйца принесены обратно, ужъ опять за-брался въ клѣтъ и, обвившись головой за ножку стѣла, а хвостомъ за молочный горшокъ, поопрокидывалъ всѣ горшки, чтобы не отравить людей цонапрасену. Убить ужа—большой грѣхъ, полагаютъ бѣлорусы, а убить гадюку—дѣло душеспасительное: за это отпускается 12 грѣховъ.

Надъ всѣми гадами есть царь. Подъ его личнымъ начальствомъ змѣи идутъ на зимнюю спаечку. Царь-змѣй идетъ впереди, а за пимъ, въ несмѣтномъ числѣ, его пресмыкающіеся подданные. Онъ по величинѣ больше всѣхъ ихъ, чешуя его огливаетъ серебромъ и золотомъ, на головѣ его корона изъ маленькихъ золотыхъ рожковъ. Трудно встрѣтить змѣй во время ихъ такого перехода, ибо они выбираютъ для этого непроходимыя для человѣка мѣста. А если удастся встрѣтить змѣиный „вырой“, и разостлать передъ змѣипыемъ царемъ скатерть, и положить хлѣбъ-соль, и поклониться ему до земли, то опъ, проопозая чрезъ скатерть, въ знакъ благодарности, сбросить съ головы одинъ золотой рожокъ. Кто имѣетъ такой рожокъ, тотъ обладаетъ необыкновенной мудростю и проницательностью, такъ что въ состояніи угадывать чужія мысли, давать подходящія объясненія, выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Кроме того, никакой ядъ не дѣйствуетъ на счастливаго обладателя змѣинаго рожка.

Другое повѣріе относительно змѣй говоритьъ, что змѣиное мясо, приготовленное такимъ образомъ, чтобы

бно лишилось ядовитости (а такой способъ приготовленія знаютъ только большие чаровники), сообщаешь тому, кто имъ питается, умѣнье понимать рѣчь животныхъ.

Къ *пѣнію* курицы по-птицему бѣлоруссы пытаютъ съевѣрный страхъ, полагая, что такое пѣвіе предвѣщаетъ бѣду той семье, чья курица,— не только предвѣщаетъ, но даже накликаетъ ее. Услышавъ, что курица поетъ пѣтухомъ, крестьяне говорятъ: на свою голову!— и тотчасъ же отрубаютъ злонѣщей пѣвуше голову, на порогъ избы. Это предохраняетъ отъ несчастія. Иные въ этомъ случаѣ поступаютъ такъ. Поймавъ ту курицу, которая пѣла, и траютъ ею, какъ аршиномъ, по прямой линіи, пространство отъ почетного угла до порога, поворачивая курицу поперемѣнно то хвостомъ впередъ, то головою,— и если на порогъ ложеть голова, то ее тутъ же отрубаютъ, и курицу, зажаривъ или сваривъ, съѣдаются; если же ложеть хвостъ, то, отрубивъ конецъ хвоста, сжигаютъ его, а курицупускаютъ на свободу. Если она снова запоетъ, тутъ ужъ сразу отрубаютъ ей голову. Вѣроятно,— это остатокъ первобытныхъ умилостивительныхъ жертвъ домовымъ божествамъ.

По возрѣніямъ бѣлоруссовъ, *спящими свойствами* отличаются: сорока, воронъ, кукушка и сова; все эти птицы обладаютъ свѣдѣніями относительно судьбы человѣка и предсказываютъ ее, только надо понимать ихъ языкъ. Чаровники и ворожбиты умѣютъ понимать ихъ, поэтому-то, между прочимъ, они и предсказываютъ будущее. У некоторыхъ чаровниковъ эти птицы состо-

ять въ услуженіи и приносить имъ всевозможныя вѣсти; Но и простые смертные могутъ кое-что предугадывать при помощи этихъ вѣщихъ птицъ. Сорокъ приносить и хорошія и дурнія вѣсти, но неважныя. Воронъ, каркающій надъ домомъ, предвещаетъ смерть одного изъ обитателей этого дома. По куковавію кукушки гадають о долголѣтіи, замужествѣ, богатствѣ. Крикъ совы надъ домомъ—дурное предназначеніе.

Съ летучей мышью, черной кошкой и чернымъ пѣтухомъ также связаны пѣкоторыя суевѣрныя представленія, но мы обратимся теперь къ самому распространенному виду фетишизма — къ *фетишизму слова*.

На первыхъ ступеняхъ развитія умъ первобытнаго человѣка не отличаетъ виолѣтъ предитета отъ его обозначенія словомъ: предметъ и его название какъ-то сливаются воедино въ сознаніи дикаря. Съ точки зрѣнія интеллигентнаго человѣка: „чтобъ имъ? — звукъ пустой”... Мы сознаемъ, что не въ названіи дѣло. Но дикарь думаетъ иначе. По его понятіямъ, сообщить другому человѣку свое имя—это запачкать въ извѣстной степени подчинить себѣ власти этого человѣка: обладая именемъ, колдунъ надъnimъ, опь можетъ причинить вредъ самомуносителю этого имени. Поэтому дикари или не сообщаютъ своихъ именъ тѣмъ людямъ, которые могли бы злоупотребить такимъ довѣріемъ, или же именуютъ имена. Къ этому порядку идей, свойственныхъ первобытному уму, слѣдуетъ отнести воззрѣнія на *тотемовъ*, т. е. на однокименные предметы. Пояснимъ это. У дикарей въ обычай давать людямъ имена одинаковыя съ названіями разныхъ предметовъ изъ міра животныхъ

или неодушевленной природы, напримѣръ: Сѣрый Волкъ, Дикая Кошка, Дубъ и т. д. Отсюда вотъ что выходитъ. Дикарь, который называется, чоложимъ, Дикая Кошка, не различая предмета отъ его названія, считаетъ всякую дикую кошку чѣмъ-то общимъ, чѣмъ-то однороднымъ съ нимъ самимъ; она для него *тотэмъ*, тезка,— и этого довольно, чтобы онъ считалъ ее предметомъ священнымъ для себя. Онъ не только не убьетъ своего *тотема*, но будетъ опасаться причинять ему какое-либо зло, хотя бы невольно. Слова, сливавшіяся въ представлѣніи дикаря въ одно цѣлое съ соотносительными предметами, во времія господства фетишистического міросозерцанія вадѣлялись такими же свойствами, какъ и самыи предметы, и были такими же фетишами, какъ и весь міръ. Въ періодъ одухотворенія и олицетворенія стихій, слово почиталось такою же стихійною силою, какъ и силы природы, и такъ же, какъ и эти послѣднія, имѣло своихъ боговъ.

Такое грубо-фетишистическое отношеніе къ слову сохранилось въ средѣ белоруссовъ до сихъ поръ— и сохранилось въ значительной степени. Такъ они вѣрятъ, что можно овладѣть всякою вещью посредствомъ особаго слова: скажи только такое слово— и вещь или животное, или человѣкъ пойдутъ за тобою, будуть дѣлать то, что имъ прикажешь. Также и въ колдоствѣ имя человѣка, которого желаютъ „сваровать“, занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Въ Бѣлоруссіи, до возсоединенія уніатовъ, а въ полѣсской ея части и въ недавніе времена, практиковалася такой обычай. Если почему-либо было неудобно

везти новорожденного къ священнику крестить, и крещеніе отлагалось на вѣкоторое время, а вмѣстѣ съ тѣмъ желали дать ребенку имя, то кумовья или родители отправлялись къ священнику одни и просили его прочитать молитвы, положенные при наречевіи имени, и произнести это имя надъ шапкой или дѣтскимъ чепчикомъ; шапку сжимали рукой, иногда завязывали, чтобы имя не улетучилось изъ вея, и, прилѣся ее домой, одѣвали на голову ребенку. Такъ какъ не многіе священники соглашались исполнять такую просьбу, то крестьяне продѣльвали этотъ обрядъ самостотельно: произносили имя въ шапку и одѣвали ее на голову ребенку.

Полагаютъ, что особенно чудесную силу имѣютъ слова, скомбинированные въ созвучія, въ рѣчь размѣренную: почти всѣ бѣлорусскія заговоры и причитанія имѣютъ извѣстный складъ, иногда размѣръ и риѳмы. Магическая сила слова можетъ быть механически передана другимъ предметамъ: стонть только произнести данные слова или цѣлый заговоръ надъ водой, хлѣбомъ, водкой и т. п. Кто проглотить „нашептанный“ хлѣбъ, воду, туть, полагаютъ, проглатываетъ и самыя слова. Если написать заговоръ на бумагу и проглотить ее самое или, сжегши, проглотить пепель, результатъ будетъ одинаковъ: слова или вселяютъ въ человѣка боль, или вытѣсняютъ ее, смотря по тому, какія это были слова. Можно „пускать слова по вѣтру“, съ цѣлью причинить кому-нибудь зло, но это не совсѣмъ удобно, потому что они могутъ попасть и не туда, куда слѣдуетъ. Есть такія слова, которымъ повинуется

нечистая сила, во такія слова злаютъ только „хорошіе чаровники“.

Выше мы попутно приводили заговоръ противъ „вочницъ“. Но чтобы дать читателю болѣе полное понятіе о „фетишизмѣ слова“, приведемъ здѣсь тѣ заговоры, которые не сопровождаются особыми чародѣйскими дѣйствіями.

Вотъ заговоръ противъ укушенія змѣи, чтобы оно не имѣло дурныхъ послѣдствій:

На синемъ мори дваванцать дубу; у;
Подъ тыми дубами дванацать папу читають,
Погавые зубы замоуляють.

Нужно проговорить трижды надъ больнымъ иѣстомъ, не переводя духа.

А вотъ другой противъ такъ называемаго золотника (болѣзни матки):

Золотникъ, золотничокъ,
Золоценечкай рожокъ!
Сядзь на своеѣ мѣсцы,
Якъ панъ на кресли.

(Изуменскаю у. с. Пережиръ).

Заговоръ противъ вывиха и полома костей:

У городзи Русалииѣ Христа распинали, пакуту давали, къ храсту пригвождали, ручки вожки ломали, косточки хрущали. Приходзила Прачестая Матка, горкія слезки проливала, Яго раны цалёвала (исцѣляла), косточки зращала, суставы скрѣпляла. Зрасцися ты,

косць, у раба (*такого-то или такой-то*) скрапицеся яго суставы, закрыйцися яго раны.

(Холопеничи, Борисовскаго уезда).

Этотъ заговоръ надо нашептывать каждый день, передъ восходомъ и закатомъ солнца, до тѣхъ поръ пока не спадеть опухоль. Впрочемъ, не ограничиваясь вѣрой въ цѣлебную силу заговора, бѣлорусскія знахарки умѣло направляютъ вывихи и дѣлаютъ перевязки поломокъ костей; и та знахарка, которая сообщила намъ вышеприведенный заговоръ, въ цѣлительную силу котораго она безусловно вѣрила, искусно направляла вывихи и налагала повязки при поломкахъ, употребляя лубки и глину вместо гипса.

Заговоры отъ кровотечевія:

Съ-падъ дуба каранистаго цекла Юрданъ-рѣка; тамъ ишоу Иисусъ Христосъ и святая Илья: вадзянне ключи закрывалися, Юрданъ-рѣка становилася. Закрыйцися жилы кровавыя! стань, не цачи, кроу чирвоная!

(Борисовскаго у.).

Ишоу панъ Езусъ празъ Юрданъ;
Рѣка стала и кроу стань.

(Новоогрудскаго у.).

Заговоръ передъ отъездомъ въ дальнюю дорогу:

Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолимся, храсту паклонимся. Учора зъ вячора соувійка играло, добрую до-

рогу проищало; сягория зъ ранку зара занялася, у неби на парози зъ сонцемъ споткалася; залатые ключи у ручки брала, дубовую дзверку одмыкала, шоуковый пологъ подымала, соунійко не небо выпущала, добрую дбогу провѣщала. Устай (или усталая) я рано—подвыйду къ ваконцу; щира я щира уздыхну до Бога: дай-же ищѣ, Боже, счастливу дрогу! Ажъ св. Юрій каня запрагае, св. Ауласъ помогае, оть бяды, нацасьци зберегае.

Заговоръ произносится предъ иконами, на колъяхъ, а также его говорятъ на дверѣ, обходя вокругъ лошади.

Приведемъ здѣсь еще иѣсколько заговоровъ, кѣтые ваются на воду. Дѣлается это такъ. Береть звахарь кружку воды, выходитъ на дворъ, становится лицомъ въ востоку и произносить вадъ водой заговоръ, потомъ поворачивается лицомъ къ югу и западу, каждый разъ произнося одно и то же. Самое лучшее—продѣливать это при восходѣ солнца. Это называется „даць воды“: самый употребительный видъ звахарскаго врачеванія въ Бѣлоруссіи. Наговорную воду пьютъ, обмываютъ ею больныя мѣста, вливаютъ въ уши и т. п.

Вотъ два заговора противъ „нутраныхъ“ болѣзней:

Чорная хмара (туча) на неба усхадзила, ясное сонце закрыла; наасила чорная хмара ижаку (иглу) и туманы, вапушала тугу (печаль, тоску) и болѣзни, чорную и бѣлую

вемочь на людзей, на живёла (животных).
А мы Господа молимъ, мы святыцеля просимъ:
пашли, Божа, цепные вѣтры, праганы чорную
хиару, тугу и балѣзы, чорную и бѣлую
пемочь, кабъ рабу (такому то) быць здоро-
вымъ, кабъ яго ножки стояли—на млѣди, кабъ
яго ручки работынку брали—кращѣли, кабъ
яго вочки весело гладѣли.

* * *

У ценимы лѣси стонцъ гора высокая, тамъ
растуць дубы вицистые, тамъ стонцъ церква
свѧтцовая, тамъ бяжицъ вода цудоуная. А
я жь тую воду брала, балючее цѣла обмывала,
шицъ давала, слауцо въмоуляла: пашла не-
мочь зъ цѣла воинъ! Кали ты трасца идзи у
балота; кали падвѣй ты—идзи на вѣцерь;
кала ты рѣянка—зарѣжся; кали ты суро-
цы—соль табѣ у вочи, кали ты съ пуду—
сама сиужайса. Пашла хира (болѣзнь) зъ
цѣла воен!

(Холопеничи, Борисовскаго у.).

Послѣдній заговоръ записанъ отъ знахарки, кото-
рая объяснила, что это заговоръ „жаноцкій“, т. е.
употребляющійся женщинами.

Заговоръ отъ „зѣду“:

Помолимся мы и поклонимся Господу Богу
и духу святому, тройцы святой языной, и
ириачистой мацери божай, и святому воскресе-
нійку христовому, честному, милосердному, и

усинъ святочкамъ, годовыиъ празничкамъ, кіавськимъ, пачерськимъ и рымськимъ и русалимъ, и Исакову и Якову, и Автояму и Хвідосіму, и святому Юру и Ягору, и святому вотчу Миколу. И святый вотча Миколочка, вы скорые помошники, вы божія угодники, вы великія молитвельники, вы же скоранько помогаетя,—гэтому рабѣ бажаму чаловѣку, зѣдъ замовляйта, и злого чаловѣка на мхи на болоты ссылаіта. И найсвеншая Марея ина стойць у храмы Господнямъ, дзяржаць ина свое ключики золотэя при столі, чаровнику и злой хвороби замыкаю губы и зубы, засылая ина яго и злую хворобу на мхи на болоты, на ницу лозу, на колючую грушу, дзѣ же быдлы не бѣгаюць, дзѣ штицы не летаюць, дзѣ вужи-гады не живуць, ташь нехай злый чаловѣкъ и злая хвороба проживая и пробывая.

(Церковны. вол. Могил. у.).

Заговоръ отъ „уроцъ“ (сглазу):

Царица водица, красная даевица, самочвѣтница и угодница, и ходзила и гуляла, ридысь-брыдысь обмывала, круты береги обрывала, жовты пяски приносила, бѣло каменьна, сиро коренъна. Обмывала царей, королей и увесь народъ христіянскій,—обмытый раба божаго (имя). Уговарю я яго уроцы стрѣшныя и попярешныя, подзивныя и посмѣшныя, женъ-

скій и мужъскій и дѣвоцкій лихъ. И ссы-
лаю, издѣлаю усю печь яго,—не самъ собою,
Господомъ Богомъ.

(*M. Рудня, Оршанс. у.*) *).

Заговоры и чародѣйства представляютъ наиболѣе интимную часть пережитковъ далекаго прошлаго. Когда мы обращались даже къ знакомымъ знахарямъ и чаровникамъ съ просьбою сообщить намъ извѣстные имъ заговоры, то почти всегда получали отказъ и увереніе, что они кромѣ того, какъ перекреститься, ничего не знаютъ. Въ силу этой интимности, въ силу того, что заговоры обыкновенно сохраняются въ одномъ какомъ-нибудь родѣ, а не пускаются въ оборотъ, не являются общимъ достояніемъ, какъ, напр., пѣсни,—въ силу всего этого въ нихъ должны наиболѣе чисто сохранигься воззрѣнія языческой старины. И дѣйствительно, въ нихъ фигурируютъ обычные предметы поклоненія первобытныхъ людей: и дубы зеленые, коренистые, „вячистые“, упоминаемые иногда ни къ селу, ни къ городу,—безъ всякой видимой связи съ остальными текстомъ заговора, и вода чудодѣйственная, и борьба двухъ началъ — свѣта и тьмы, солнца и тучи, закрывающей его и такимъ образомъ лишающей людей его живительного дѣйствія и виѣстѣ съ тѣмъ насылающей на все живое „тугу и болѣзни, черную и бѣлую не-
мочь“, тутъ и заря, отворяющая золотыми ключами

*.) Послѣдніе два заговора заимствованы изъ Бѣлорск. сборн. Е. Р. Романова, вып. V, где собранъ богатѣйший запасъ этого рода материаловъ.

небо, подымающая шёлковый пологъ и выпускающая солнце и т. п. Однако, наряду съ этими, несомнѣнно, первобытными чертами, въ нихъ заключаются и позднѣйшія наслѣдія въ родѣ обращенія къ помощи Божіей Матери и святыхъ, въ родѣ упоминанія объ Іерусалимѣ, Гордань-рѣкѣ, церкви, священникахъ. Тутъ очевидно произведена замѣна древнихъ воззрѣй човѣчества, языческихъ божествъ — христіанскими святыми. Но это никако не лишаетъ эти заговоры фетишистического характера, заключающагося въ самой сущности воззрѣй на значеніе заговоровъ, въ вѣрѣ въ ихъ чудодѣйственную силу: „что скажется, то и сбудется“. А эта вѣра крѣпко укоренилась въ народѣ. И всего печальнѣе то, что бѣлоруссы обращаются къ захарю съ просьбой „дать воды“ именно при серьезныхъ заболеванияхъ, когда обычныхъ народныхъ медикаментовъ, вродѣ пиявъ липового цвета, ватиранія компрой, тертої рѣдкой, хрѣномъ, паренъя въ банѣ крапивой вместо вѣнчика и т. п. бываетъ недостаточно.

II.

Пережитки анимизма.

Въ началѣ предыдущей главы мы коснулись процесса осмысливания вицъяго міра, выражавшагося въ перенесеніи свойствъ человѣческой личности на вицъяе предметы. На ряду съ этимъ, въ душѣ первобытнаго человѣка развивался и другой процессъ, который антропологи называютъ *анимизмомъ*.

Сущность анимизма заключается въ томъ воззрѣніи, что человѣкъ и всѣ чувственныe предметы — дейстvительны; что они состоять изъ видимой, осязаемой оболочки, за которую скрывается иѣто неуловимое, тонкое, невещественное, по всетаки существующее и тѣсно связанное съ нашимъ личнымъ существованіемъ, съ нашимъ страданіемъ и благополучіемъ.

Къ такому понятію, по мнѣнію Спенсера *), приводили дикаря наблюденія надъ облаками, которая то появляются, сгущаясь, въ извѣстныхъ очертаніяхъ, то таютъ и исчезаютъ; надъ звѣздами, появляющимиися вечеромъ и исчезающими при дневномъ свѣтѣ; надъ

*) Основ. Соціол. т. 1.

вътромъ, кото́рый качаетъ деревья, вырыгаетъ ихъ съ корнями и однако невидимъ; также наблюденія надъ такими явленіями, какъ, наприи., тѣни: онъ хутя и похожи на тѣ предметы, которые ихъ отбрасываютъ, но отличаются по уловимостью, тѣмъ, что ихъ „изъ стѣнъ не вырубить“; а также и надъ такими, къкъ отраженіе предметовъ въ водѣ, къкъ эхо и т. п. Но самое главное значение въ процессѣ выработки анимистического строя мышленія имѣли сновидѣнія. Въ виду ихъ важности въ этомъ отношеніи, мы считаемъ необходимо остановиться на нихъ нѣсколько дольше.

Представьте себѣ дикаря, которому приснилось, что онъ охотится за оленемъ, убиваетъ его, жадно пьетъ его теплую кровь, пожираетъ лучшіе куски мяса. Всъ къ нему приходятъ его знакомые; съ одниими онъ дѣлается своей добычей, другихъ отгоняетъ прочь, вступаетъ съ ними въ драку.. Онъ видитъ своихъ покойныхъ родителей, родственниковъ и сосѣдей, давно умершихъ. Словомъ, онъ живеть во снѣ полною жизнью, нѣсколько отличную отъ той, которую онъ ведеть наяву.

Какое объясненіе можетъ дать дикарь всѣмъ этимъ явленіямъ? Какіе онъ долженъ сдѣлать отсюда выводы?

Съ одной стороны, онъ лежалъ неподвижно, закрывши глаза, что удостовѣряютъ бывшіе въ хижинѣ во время его сна; съ другой—онъ ясно помнить, что онъ ходилъ, охотился, видѣлъ, болѣ, пилъ и проч. Какъ то, такъ и другое—одинаково несомнѣнно. Примирить это противорѣчіе возможно только при допущеніи, что въ немъ существуетъ другое „я“, которое

можеть оставлять свою оболочку, тѣло, и удаляться въ міръ, отличный отъ нашего, ибо въ этомъ мірѣ наблюдаются такія явленія, какихъ въ дѣйствительности не увидишь. Изъ того, что онъ видѣлъ во снѣ своихъ отсутствующихъ друзей и знакомыхъ, онъ долженъ заключить, что ихъ „я“, что ихъ души, такъ же, какъ и его душа, способны покидать свои тѣла на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Случай обмыранія, летаргіи, эпилепсіи и т. п., нерѣдко встрѣчаемые въ дѣйствительности, приводятъ докаря къ тому же заключенію и еще болѣе убѣждаятъ его въ справедливости своего предположенія. Изъ того же, что онъ видѣлъ во снѣ своего дѣда или соуда, которые давно умерли, онъ долженъ заключить, что умерть не весь его дѣдъ, а только одна грубо-вещественная его оболочка; что внутренняя сущность отжившаго предка, его душа, не умерла, а только переселилась въ особый міръ, который и души живыхъ посѣщаютъ во время сна.

Такъ возникаетъ и укрѣпляется мнѣніе объ аналогичности явленій сна и смерти, мнѣніе, что смерть есть продолжительный сонъ и что, слѣдовательно, умершие нуждаются въ удовлетвореніи потребностей, свойственныхъ живымъ людямъ. Отсюда же, мало по малу, развивается культь предковъ, общій всѣмъ первобытнымъ народамъ; а также отсюда ведутъ свое начало возрѣнія на происхожденіе нѣкоторыхъ болѣзней и средства къ лѣченію ихъ *).

*) См. обѣ этомъ Спенсера—Основ. Соціол. и Тэйлора—Первобыт. культур.

Пережитки анимистического строя и учреждения живо сохранились и въ міросозерцаніи бѣлоруссовъ. Но мы здѣсь разсмотримъ только тѣ изъ нихъ, которые связаны съ представлениями о снѣ и сновидѣніяхъ, душѣ и загробной жизни, относя въ особую главу анимистической воззрѣнія на происхожденіе болѣзней и ихъ лѣченіе.

Сонъ и сновидѣнія. Бѣлоруссы еще сохраняютъ воззрѣніе, свойственное первобытной ступени умственного развитія, что во время сна душа выходитъ изъ тѣла и посѣщаетъ разныя мѣста, въ томъ числѣ и такія, которыхъ недоступны человѣку въ бодрственномъ состояніи, какъ напримѣръ загробный міръ. Однако она не покидаетъ тѣла совершенно. По мнѣнію однихъ *) — она какъ бы вытягивается изъ рта въ видѣ неизмѣримой ленты, которая однимъ концомъ остается въ человѣкѣ, а другимъ можетъ быть, где хочетъ. Этимъ объясняется, что тѣло во время сна живо. Другие же, игнорируя послѣднее соображеніе, полагаютъ, что душа выходитъ изъ тѣла виолиѣ, но, какъ бы далеко она не отлучилась, не упускаетъ тѣла изъ виду, и если ей грозить опасность или если спящаго будятъ, то спѣшитъ возвратиться на свое мѣсто. Какъ тѣ, такъ и другие толкователи согласны въ томъ, что крѣпкій сонъ, когда человѣка трудно разбудить, зависитъ отъ крайнаго удаленія души..

Сны — это видѣнія душъ во время ея странствованія. Въ реальности этихъ видѣній бѣлоруссы начали

*) Между прочими — Розалия Осьмаковой — захарки и толковательницы сновъ (Борисовск. уѣз.).

не сочтываются. Только надо ихъ, эти видѣяія, по-
пишать. Отсюда толкованія сновъ. Одно называется
прямо, другое — аллегорически болѣе по аналогіямъ, а
точное толкуется въ обратномъ смыслѣ,—словомъ, предо-
ставляется широкій просторъ спотыкательемъ.

Приведемъ, для приѣра, нѣсколько традиціонныхъ
толкованій.

Видѣть во снѣ попа — имѣть дѣло съ нечистой
силой; видѣть погороды — къ свадьбѣ; пожаръ — счастіе,
богатство; видѣть бобы, горохъ — лить слезы; вырвать
зубъ или лишиться какого нибудь члена своего тѣла —
означаетъ смерть близкаго человѣка; если при этомъ
течеть кровь — значитъ утратить кровный родственникъ
и т. п.

Особое значеніе придается сновидѣніямъ, въ кото-
рыхъ фигурируетъ кто нибудь изъ умершихъ родствен-
никовъ. Тутъ надо стараться такъ или иначе уга-
дывать ихъ волю и исполнить ее *).

Пророческій смыслъ придается также „сояному бре-
ду“. Но такъ какъ оно часто бываетъ отрыгочею,
безсвязною, такъ что иль него, при самыхъ грубыхъ
натяжкахъ, мудрено вывести какое нибудь заключе-
ніе, то, чтобы избѣжать этого, совѣтуютъ, лишь только
насчетъся бредъ, взять сиящаго одной рукой за мизи-
нецъ и, слегка поглаживая другой рукой его руку, да-

*) Даже самое название сповидѣній указываетъ на отно-
шеніе ихъ къ загробному миру. „Видѣть во снѣ“ — по бѣло-
русски *тиризити*. Эт. слово сконъ особымъ въ бѣлорусской
рѣчи, не имѣя однокоренныхъ и производныхъ. Намъ кажется,
что не будетъ излишней симѣстью сблизить его съ древн. слав-
янск. словомъ „тиризна“.

вать ему вопросы; тогда онъ будетъ отвѣтъ связно и толково и не будетъ въ состояніи утаить что-нибудь. Между прочимъ, такимъ способомъ ревнивые мужья испытываютъ вѣрность своихъ женъ.

Понятіе о душѣ. Изъ предыдущаго отчасти видно, что бѣлорусы представляютъ себѣ душу, какъ нѣчто материальное, но болѣе тонкое, чѣмъ осозаемые предметы. Душа, по ихъ объясненію,— „духъ“, шаръ (какъ въ банѣ), который можетъ безконечно измѣнять свою форму и принимать различные образы, а равно быть невидимымъ. Многіе положительно увѣряютъ, что ови, будучи при умирающемъ, видѣли, какъ душа выходитъ изо рта въ видѣ шара *). Въ недавнія времена, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссии и теперь, тетчасъ послѣ смерти одного изъ домашнихъ, ставятъ на столѣ миску съ водой и вѣшаютъ передъ образами или около окна чистое полотенце, чтобы душа могла умыться и утереться.

Въ случаѣ долгой агоніи, когда „душѣ трудно разстаться съ тѣломъ“, открываютъ отдушину, а иногда выдираютъ изъ потолка доску, чтобы дать душѣ свободный выходъ на вольный воздухъ.

Чаровникамъ, что „душу черту запродали“, особенно трудно умирать; имъ не помогаетъ и „громничная свѣча **“), которую, обыкновенно, даютъ въ руку умирающимъ: душа ихъ, зная, что ее ожидаетъ

*) Въ Малороссіи, наоборотъ, крестьяне полагаютъ, что душа, подобная пару, существуетъ только у нехристей.

**) Освященная на „Громницы“ (2 февр.), предохраняющая отъ грома и пожара.

въ загробномъ мірѣ, не хочетъ покидать тѣла, и черти выдираютъ ее особыми крючьями.

Загробный міръ и пережитки культа предковъ.
Послѣ смерти человека душа его по сразу переходитъ въ загробный міръ: сорокъ дней она еще остается въ родномъ селѣ; и въ пихъ спачала шесть дней бродить около дома и три дня по своимъ огородамъ и полямъ. Послѣ этого срока она или отправляется на тотъ свѣтъ, куда ей предпазначено — въ пекло, въ отхлапы (иѣчто въ родѣ чистилища), въ рай — или же остается здѣсь, на землѣ, отбывать свою „шокуту“: поселяется въ деревѣ (такое дерево скрипитъ), въ животномъ и даже въ человѣкѣ. Такой человѣкъ страдаетъ всю жизнь, пока послѣвшаяся въ немъ душа не искушитъ своихъ грѣховъ.

Эти послѣдовательные переходы души во время путешествія ея въ загробный міръ сопровождаются „поминальными столами“, вѣроятными остатками языческой тризны, основанными на томъ представлении, что человѣкъ и по смерти пуждается въ пищѣ и питьѣ и что удовлетвореніе этихъ потребностей покойника есть правственный долгъ его родственниковъ, за невыполненіе которого они рискуютъ подвергнуться мести со стороны умершаго. Первый поминальный столъ устраивается въ день погребенія и приглашаются къ этому столу всѣ бывшіе на „хавтурахъ“. Обязательныя блюда — кутыя, клецки и бліди; что сверхъ этого — зависить отъ состоятельности родственниковъ покойника, но чѣмъ больше будетъ „потравъ“, кушаньевъ, тѣмъ больше чести умершему. Ни одинъ поминальный столъ

не обходится безъ водки, но пьютъ въ мѣру: ваются доильна, какъ это бываетъ на свадьбѣ, на крестинахъ, въ этомъ случаѣ было бы неприличіемъ. Пьютъ не только посторонніе, но и близкіе покойному люди, пьютъ, чтобы заглушить горе, чтобы притупить сознаніе невозвратимой потери. Застольныя бесѣды посвящаются памяти „небожчика“, при чёмъ выставляются на видъ только лучшія стороны его характера и только похвальные поступки.

Другіе церемониальные столы — шестивы, девятины, сорочины и погодки — начинъ не отличаются отъ вышеописанного, и даже шестивы и девятины въ послѣднее время рѣдко устраиваются: развѣ ужъ семья покойнаго очевь богата и жадаетъ оказать ей особыю честь. Но сорочины и погодки должны быть обязательно справляемы. Первые, если то позволяетъ время года, сопровождаются „прикладзинами“, т. е. приведеніемъ въ приличный видъ могилы и постановкою креста или памятника. Памятники ставятся изъ камня, изъ дерева, отесанного на подобіе гроба, а въ иѣ которыхъ мѣстностяхъ сооружается надъ могилою маленькій домикъ. На сорочины приглашаются только родственники и ближайшіе сосѣди. Послѣ постановки креста или памятника, женщины начинаютъ, обыкновенно, голосить по усопшему, „причитывать“, припадая къ его могилѣ. Причитанье — это слезная импровизация, въ которой, съ одной стороны, даются исходъ естественному чувству горести, по видѣтъ съ тѣмъ это обрядъ, такъ сказать, публичное выраженіе горя, связанное съ восхваленіемъ покойнаго: нѣчто въ родѣ

надгробныхъ рѣчей, принятыхъ въ образованномъ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ причитанью придается немаловажное значеніе, такъ что, напримѣръ, одинокіе люди нерѣдко скорбятъ о томъ, что на ихъ могилѣ некому будетъ плакать. Иногда роль плакальщицъ берутъ на себя постороннія женщины, но это выходитъ изъ обычая. По окончаніи голошениія для присутствующихъ устраивается трапеза тутъ же на могилѣ, когда это удобно, или въ хатѣ.

Если въ могилѣ находять человѣческія кости, то или роютъ яму въ другомъ мѣстѣ, или бросаютъ въ нее мѣдную монету на покупку мѣста у прежняго владѣльца, „кабъ небожчики не дралися“.

Погребеніе, подъ вліяніемъ духовенства и школы, въ послѣднее время болѣе или менѣе очистилось отъ лзыческихъ обычаевъ; но и теперь иногда кладутъ въ карманъ покойнику-курильщику трубку съ табакомъ, а нюхальщику — табакерку. Въ недавнія же времена кладали ножи, гребви, а мастерамъ вѣкоторые ихъ инструменты, а тѣмъ, кто любилъ выпить, и водку ставили въ бутылкахъ или „глякахъ“ (глиняные бутылки). На кладбищахъ, копая могилы, иногда находятъ эти вещи *).

Теперь въ этомъ отношеніи сталъ распространяться болѣе возвышенный взглядъ: самимъ вѣрнымъ способо-

¹⁾ Ходатъ разсказы, что копальщики змѣй находили бутылки съ водкой. Кто выпивалъ ее, то тутъ же падалъ мертвымъ, потому что водка напиталась „мертвымъ духомъ“. Намъ случалось видѣть вырытые „гляки“, но они были безъ водки, потому что пробка сгнила и водка вылилась или испарилась.

бомъ для передачи чегонибудь покойнику считается дареніе нищему. Это мнѣніе отразилось даже въ народномъ творчествѣ. Такъ въ одной сказкѣ говорится, что одинъ покойникъ, явясь на тотъ свѣтъ, былъ очень удивленъ, когда ангель подвелъ его къ пусто-му столу, тогда какъ другіе покойники имѣли передъ собой столы, уставленные разными „папитками и пачѣдками“. Онъ просить разъяснить ему: почему это такъ? что онъ за исключеніе? Ему отвѣчаютъ, что тѣ, которые имѣютъ пищу, принесли ее съ собой. Тогда онъ просить Бога отпустить его домой, чтобы застаситься пищей, такъ какъ ему нечего есть. Не умирать же ему съ голоду? Богъ его отпустилъ. Явился этотъ человѣкъ домой и приказалъ своимъ домочадцамъ приготовить самой разнобразной пищи и питья и при томъ въ возможно большомъ количествѣ. Приготовили изрядный запасъ. Все это свалили ему въ ноги. Отправился онъ и самъ па кладбище въ сопровожденіе друзей и знакомыхъ. Слѣдомъ шло иного нищихъ, которые просили у него подаянія. Но онъ, изъ жадности, ничего не хотѣлъ имъ дать. Случилось, что одинъ пирогъ, при перевозкѣ, свалился въ грязь. Постыдился онъ нести его на тотъ свѣтъ и отдалъ нищему. Чуть только легъ этотъ человѣкъ въ гробѣ, какъ и очутился на томъ свѣтѣ. Подходитъ онъ къ своему столу и видитъ, что на немъ лежитъ только тотъ грязный пирогъ, что онъ отдалъ нищему.

Въ этомъ разсказѣ, несомнѣнно, слышится протестъ противъ грубо-матеріалистического взгляда на загробный міръ. Однако прогрессъ въ этомъ отложеніи едѣ-

ланъ еще незначительный: большинство и по сей день вѣрятъ, что матери, оставившія послѣ смерти грудныхъ младенцевъ, являются ихъ кормить, и частыя боли въ животѣ ребенка приписываютъ недоброкачественности „мертвецкаго“ молока; объ этомъ же свидѣтельствуютъ и вѣрованія въ дѣлодѣй и бабъ и обряды, основанные на этихъ вѣрованіяхъ.

Такъ, по возврѣніямъ бѣлоруссовъ, весной, вмѣстѣ съ оживаніемъ природы, съ пробужденіемъ ея отъ зимняго сна, оживаютъ и души мертвыхъ и выходятъ изъ тѣсныхъ гробовъ еа вольный снѣтъ. Полагаютъ, что они нуждаются въ пищѣ и питьѣ, что они ёдятъ и пьютъ, по рѣдко: три—четыре раза въ годъ съ нихъ вполнѣ достаточно. Для удовлетворенія этой потребности и въ знакъ уваженія къ предкамъ, периодически устраиваются поминальные столы, по-бѣлорусски—«дзяды» *). Въ такие дни всѣ какъ-то торжественно настроены, полны ожиданія чего-то таинственнаго. Разговоры, о'ыковенно, вращаются около умершихъ; вспоминаются обстоятельства ихъ жизни, вскусы, привычки; чисто случайныя явленія приводятся въ связь съ обитателями загробнаго міра: сидеть, напримѣръ, птичка на окно, какъ ужъ въ ней видѣть душу покойника, который чего-то хочетъ отъ родныхъ, о чёмъ-то напоминаетъ имъ. Начинаются догадки, предположенія... Старики, которые уже хранятъ „сорочку на смерть“, видятъ въ этомъ знаменіе своей близкой

*) Въ Бѣлоруссии „дзяды“ спрavляются въ субботу предъ мясопустною неделей, во вторникъ на Фоминой, на канунѣ Троицы и 24 октября (Дмитровскіе дзяды).

кончины: „Это такой то, говорять они, за мной являлся; нужно готовиться въ дальнюю дорогу“... Въ этотъ день обязательно чистятъ избу, словно бы къ приему дорогихъ гостей.

«Дѣдующій» поздно вечеромъ. Покрываютъ столъ белой скатертью, кладутъ хлѣбъ-соль, ставятъ кутью; предъ образами зажигается свѣча,— и всѣ молятся за усопшихъ. Послѣ сего хозяинъ выходитъ за дверь и призываетъ предковъ, «дѣдовъ», раздѣлить со всѣми домочадцами обрядовую трапезу, которая доходитъ до 7 блюдъ. Бдѣть «покладающіяся», т. е. проголять ложку «потравы» и предоставляютъ то же сдѣлать дѣдамъ — кладутъ для нихъ свои ложки. Но, принимая то вниманіе, что дѣдовъ можетъ быть больше, чѣмъ кладется ложекъ, хозяева отливаютъ и откладываютъ всякой пищи на окна и подъ столъ.

Есть обычай — ничего не убирать со стола послѣ этой вечери, чтобы «дѣдамъ» было что Ѵѣсть, когда они соберутся ночью.

Бабы справляются на канунѣ дѣдовъ. Но этотъ обычай распространенъ весьма мало; мы наблюдали его только въ Лепельскомъ уѣздѣ. По существу обрядовая сторона «бабъ» вичье не отличается отъ «дѣдовъ», только блюда готовится меньше.

Радоуннїца, или „побожчицкій великий день“ (вторникъ на Фоминой недѣлѣ) отличается отъ другихъ дѣдовъ тѣмъ, что въ этотъ день поминальная трапеза устраивается преимущественно на могилкахъ. Въ этотъ день хозяйки обязательно пекутъ „грибки“, т. е. толстые блины изъ пшеничной муки, на маслѣ и яйцахъ; запа-

саются водкой; къ этому прибавляются кулики, яйца, сырь, масло и другіе остатки пасхальныхъ яствъ. Все это, завязанное въ скатерть, погружаютъ въ землю, покрываютъ скатертью могилу, которая къ этому дню проволится въ породокъ, и разставляютъ на ней привлекательное. Что не съѣдѣть, оставляютъ на могилѣ; на нее же льютъ водку, если покойника любилъ выпить, сыплютъ табакъ, если онъ былъ курильщикъ или пюхальщикъ. Иные, слѣдуя болѣе возвышенному взгляду, всѣ остатки отдаютъ иѣшамъ, оставляя на могилѣ только пасхальное яйцо.

Вампиры. Самый чудовищный порождение первобытного анимизма, несомнѣнно, является вѣра въ вампировъ или, по бѣлорусскому произношенію, вунару, упырей. Эти чудовища страшно кровожадны; особенно они любятъ кровь человѣческую, но, при случавъ, не брезгаютъ и кровью животныхъ.

Только люди, знавшіеся при жизни съ нечистой силой, превращаются по смерти въ вампировъ. Поначалу они приходятъ въ дома своихъ бывшихъ недруговъ, а иногда даже друзей и родныхъ, ложатся на грудь избранной жертвы, припадаютъ губами къ ея сердцу и высасываютъ горячую кровь. Увидѣвъ "вунара", можно узнать, кѣмъ онъ былъ при жизни, ибо основная черты онъ сохраняетъ и послѣ смерти, только у него зубы раздуваются отъ частаго сосания, а языкъ дѣлается остерь, какъ змѣиное жало. Его - то вунарь и запускаетъ въ грудь человѣка и потомъ изъ ракки высасываетъ кровь. Рана остается небольшая, такъ что ее и не замѣтишь, тѣмъ болѣе, что вам-

пиръ ее искусно засасываетъ. Только по блѣдному лицу — такъ говоритъ повѣрье — можно узнать жертву алчности вампира. Тогда нужно пригласить сѣдущаго человѣка, знахаря, чтобы узнать, кто этотъ вундеръ. Впрочемъ, для смѣльчака — это дѣло нетрудное. Нужно на ночь спрятать подъ сосудъ зажженую восковую свѣчку, стараясь, чтобы свѣчка не потухла. А послѣ полуночи — когда разгуливаетъ нечистая сила — нужно, по временамъ, приподнимать сосудъ и освѣщать комнату. При внезапномъ освѣщеніи вундеръ виденъ. Тогда бей его на отмашь осиновымъ полѣномъ, заранѣе, конечно, приготовленнымъ. Такимъ образомъ его можно „отвадить“ отъ этого дома. Но чтобы окончательно прекратить его ночныхъ похожденія, для этого повѣрье рекомендуется присмотрѣтися, на кого изъ умершихъ известныхъ чаровниковъ онъ похожъ. Узнавши, надо раскопать гробъ этого чаровника, отрубить ему голову и положить ее между ногъ, а тѣло прибить къ землѣ осиновымъ коломъ. Это считается радикальнымъ средствомъ противъ вампира.

III.

Пережитки олицетвореній.

При пограничі сповидѣній и нѣкоторыхъ другихъ факторовъ, первобытный человѣкъ, какъ мы видѣли, научился одухотворять предметы, находить за ихъ чувственной, матеріальной оболочкой неуловимую, несознанную сущность,—словомъ, пришелъ къ заключенію о двойственности какъ его самого, человѣка, такъ и всего вѣшняго міра.

Это весьма важный шагъ впередъ въ процессѣ развитія человѣческой мысли и въ дѣлѣ выработки міросозерцанія. Вожень онъ и самъ по себѣ, и по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ. Достаточно обратить вниманіе на то обстоятельство, что фантазія, подъ влияніемъ сповидѣній, создавая міръ грезъ, наполняя его причудливыми образами, тѣмъ самымъ шевелила застывшій мозгъ дикаря, пробуждала его коснѣющуу мысль, призывала ее къ дѣятельности. Работа мысли не пропадаетъ даромъ: она даетъ въ результатѣ или увеличеніе запаса запапій, большую точность ихъ, или улучшеніе мыслительной способности; всякий шагъ на этомъ пути облегчаетъ слѣдующій, иногда его обу-

словливаетъ. Пробужденная мысль первобытнаго человѣка, подчиняясь данному ей толчку, начинаетъ углубляться въ раскрывающейся предъ ней міръ, проникаетъ въ него дальше и разностороннѣе, чѣмъ это было возможно при одномъ грубо-материалистическомъ отношеніи къ предметамъ наблюденія. Если прежде, въ періодъ фетишизма, дикарь зналъ отдельныя предметы, легко поддачъ единичные признаки, то на дальнѣйшей ступени развитія, по мѣрѣ накопленія наблюдений, онъ сталъ поддачъ болѣе общіе признаки, видовые и родовые,— и умъ его, поднятый анимистическими строемъ мышленія на высшую ступень, получилъ некоторую способность къ отвлеченіямъ: онъ разбиль наблюданія явленія на группы, сообразно ихъ общимъ признакамъ, и создалъ соответствующія понятія видового и родового. Прежде, положимъ, первобытный человѣкъ зналъ березу, сосну, лубъ,— теперь онъ знаетъ *дерево*. Прежде, положимъ, онъ зналъ *свой огонь*, приносилъ ему жертвы, попросту — кормилъ его, бросая въ очагъ часть своей добычи, въ благодарность за то, что онъ его обогрѣвѣлъ; но замѣтивъ тождество между *свѣчимъ огнемъ* и *всякимъ другимъ*, онъ сталъ поклоняться *огню вообще* и приносить ему жертвы. То же самое можно вывести и относительно другихъ предметовъ, которымъ поклоняются дикии.

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе накопленія все большаго и большаго количества наблюдений, при чемъ предполагается, что умъ человѣческій ихъ переваривалъ, группировалъ, обобщалъ; вслѣдствіе педагогического вліянія старшихъ поколѣній, болѣе опытныхъ,

На младшихъ; вслѣдствіе, наконецъ, такихъ факторовъ, какъ естественный подборъ и борьба за существованіе, изъ которыхъ первый подхватывалъ улучшенія въ органѣ мышленія, передавая ихъ по наслѣдству, закрѣпляя ихъ въ потомствѣ, а второй давалъ побѣду умнѣйшему, болѣе приспособленному къ борьбѣ,— вслѣдствіе всего этого мысль человѣческая, въ рядѣ поколѣній, все болѣе и болѣе совершенствовалась, становилась способной къ болѣе широкимъ обобщеніямъ и отвлеченіямъ.

Отсюда въ процессѣ выработки міросозерцанія вотъ что выходитъ. Человѣкъ, подмѣтивъ единобразіе известнаго класса явленій, зтключающіе о единствѣ воли ихъ производящей. Но волю онъ знаетъ только въ личностяхъ; поэтому онъ создаетъ личныхъ дѣятелей, управляющихъ этими явленіями. Подобно тому, какъ вѣкогда онъ переносилъ на предметы виціяняго міра свойства своей личности, такъ и теперь воображаемыхъ дѣятелей природы онъ творитъ по образу и подобію своему, надѣляя ихъ свойствами, присущими человѣку. Такъ наступаетъ стадія *политизма*, олицетворяются стихіи, являются „ово боги небесніи, а другіи земніи, а другіи польстіи (полевые), а другіи водніи“.

Характеръ этихъ олицетвореній, ихъ свойства, ихъ размѣры, ихъ сила зависятъ, какъ показалъ Бокль *), главнымъ образомъ, отъ общего вида природы, среди которой обитаетъ данный народъ. Такъ напримѣръ въ странахъ, наполненныхъ высокими горами,

*) Истор. цивилиз. въ Англіи, т. I.

вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, подвѣрженныхъ частныи землетрясении и вулканическимъ извержениямъ; въ странахъ, гдѣ протекаютъ большія рѣки, причиняющія страшныи наводненія, и иногда образующія шумныи водопады, гдѣ свирѣпствующая опустошающія ураганы, гдѣ разстильность пыши, могучая, недоступна для человѣка, гдѣ множество ядовитыхъ змѣй, кровожадныхъ звѣрей, словомъ, гдѣ жизнь дикаря въ постолиной опасности,—изъ такихъ справахъ, умъ первобытного человѣка, подзвѣляемъ величиемъ природы, цѣпелъ, мало развивается, а фантазія, возбуждаемая разнообразными явленіями къ дѣятельности и не регулируемая, не сдерживаемая въ падлежащихъ предѣлахъ разсудкомъ, на прогнивъ, чрезмѣро развивается. Дѣло понятное. Съ одной стороны, сопоставляя, сравнивая свои слабыи силы съ силами величественной природы, человѣкъ, невооруженный знаніемъ, долженъ притти къ печальному сознанію своего безсилія, а при такихъ условіяхъ у него едва ли могутъ пробудиться попытки къ ближайшему изслѣдованію природы, къ подчиненію ея своей власти, ибо сознаніе своего безсилія—плохой помощникъ во всякомъ дѣлѣ, въ томъ числѣ и въ дѣлѣ изслѣдованія природы, проникновенія въ ея тайны. Съ другой стороны, исполненіе грозныхъ явленій природы порождаетъ страхъ передъ ними, а страхъ возбуждаетъ фантазію, иногда до болѣзенности. Естественно, что воображеніе, пораженное страхомъ, олицетворяя грозную, могущесвенную стихію, придаетъ своему сознанію соотвѣтственно грозный, могущественный, даже чудовищный образъ.

Совершенно противоположное мы видимъ на крайнемъ съверѣ. Чрезвычайное однобразіе природы этого края, а слѣдовательно и скучность впечатлѣній отъ вышеиной дѣйствительности, обусловило бѣдность миѳологического творчества его обитателей. Таинъ машина природы, такъ сказать, придавила своей ледяной рукой творчество своихъ пасынковъ, парализовало его.

Среднее между двумя этими крайностями представляетъ наше природы умѣренныхъ странъ, особенно тѣхъ мѣстностей, где нѣть высокихъ горъ, вулкановъ и частыхъ землетрясений, где растительность не столь пышна и недоступна, какъ въ страшахъ тропическихъ, где крупныхъ хищниковъ и другихъ вредныхъ животныхъ гораздо меньше, где климатъ здоровѣе, словомъ — где природа представляется заботливою матерью, которая не балуетъ своихъ дѣтей излишней роскошью, не изнѣживаетъ ихъ, но и не пугаетъ своей суроностью или недоступностью. Въ такихъ страшахъ умъ человѣческій менѣе запуганъ, критическая мысль болѣе развита и равновѣсіе между развитіемъ ума и фантазіи не нарушено, а вслѣдствіе этого и образы миѳологического творчества обитателей такихъ мѣстностей лишены чрезмѣрной чудовищности и колоссальности, болѣе подходитъ къ размѣрамъ человѣческой личности.

Въ зависимости отъ природы бѣлорусского края, не блещущей, какъ извѣстно, яркими красотами, величественностью, могуществомъ, недоступностю, и оли-

цетверенія ся силъ и другія созданія мифологического творчества бѣлоруссовъ, поскольку они сохранились въ памяти и воображении этого народа, также не отличаются величиемъ, особенно же могуществомъ, пластичностью своихъ формъ, отчетливостью очертаний; напротивъ, почти все они бѣдны, расплывчаты, недостаточно определены. Надо полагать, что они потускнѣли отъ временій, поистерлись, какъ стирается старая монета отъ долговременного употребленія; но, въ силу вынесказанныхъ основаній, можно думать, что и въ бытъ времена они не отличались особенной яркостью и рельефностью. — Отъ некоторыхъ мифологическихъ созданій сохранились лишь незначительные обрывки, клочки, по которымъ нельзя составить цѣльного представления.

Чуръ. Такъ напримѣръ бѣлорусскѣе заклятие, употребляемое для огражденія отъ нечистой силы: «Чуръ ияне!» — представляетъ, какъ думаютъ, обращеніе къ покровительству божества Чура или Щура. Название отдаленного предка, производное отъ Щуръ, именно — ирашуръ, употребляемое и теперь не только у бѣлоруссовъ, но и у великоруссовъ и малоруссовъ, даетъ основаніе предполагать, что Чуръ — божество родовое, предокъ, родоначальникъ, который и по смерти „радѣеть“ своему роду и охраняетъ его членовъ отъ злыхъ духовъ враждебныхъ родовъ и вообще отъ всякой нечистой силы. Другое производное бѣлорусское слово отъ этого же имени „зачуратися“ значитъ призвать Чура и тѣмъ оградить себя отъ нечистой силы, а

также значить провести черту углемъ или мѣломъ *) или чѣмъ-нибудь другимъ на землѣ или на полу, за которую, согласно повѣрію, никакая нечистая сила не можетъ перейти. Такъ „чураются“ всѣ тѣ, которымъ приходится иметь дѣло съ нечистой силой, особенно съ вампирами; такъ „чураются“ въ подобныхъ же случаихъ герои народныхъ сказокъ. Изъ этого можно заключить, что Чуръ, вѣроятно, считался охранителемъ границъ родовыхъ владѣній, что онъ не позволялъ другимъ духамъ проникать за черту, за свою межу. Это мнѣніе отчасти подкрѣпляется смысломъ другого бѣлорусского глагола: „отчураться“, что вообще значить—не касаться, считать себя непричастнымъ, а въ частности значить отказаться отъ батьковщины. Даже и въ первомъ случаѣ, когда желаютъ выразить окончательный, рѣшительный отказъ отъ чего-нибудь, то употребляютъ выраженіе: „отчураться хаты и таты“. Это наводить на мысль, что первоначальный смыслъ слова выражалъ отказъ отъ родового имущества и рода, означалъ, такъ сказать, выходъ изъ-подъ власти и вѣдѣнія Чура. Вотъ, кажется, и все, что сохранилось въ языкѣ народа относящагося къ Чуру, но въ воображеніи народа не осталось о немъ никакого представленія.

Пережитки вѣрованій въ усадебныхъ божествахъ.
Болѣе посчастливилось въ этомъ отпошениіи другимъ

*) Угли для этого надо выбирать изъ печи, вытопленной въ Страстной четвергъ до восхода солнца, или брать съ „каганца“, когда справляется „женитьба комина“, а мѣль рекомендуютъ употреблять тотъ, которымъ пишутъ кресты на косикахъ въ день Крещенія.

первобытнымъ божествамъ, которыхъ мы назвали бы усадебными, ибо подвѣдомственная имъ область ограничивается крестьянской усадьбой; впрочемъ, даже и эта тѣсная сфера размежевана между ними довольно точно и опредѣленно. Мы говоримъ о дымовомъ (домовомъ) или хатникѣ, єуникѣ или гуменикѣ, лазыни-кѣ и хлѣуникѣ. Первые три божества разнятся только названіемъ, да сферою своего вліянія, а по своему характеру и даже по своему виду, или, вѣрѣ, по тому виду, которымъ ихъ надѣляютъ бѣлоруссы, сходны между собою. Есть основанія полагать, что хатникъ, єуникъ и лазыникъ (отъ лазыня — бапя) — это олицетворенія первобытнаго домашняго фетиша — огня.

Хатникъ или дымовый напоминаетъ собою великорусскаго домового. Въ возрѣніяхъ бѣлорусса онъ падаетъ всѣми качествами домовитаго хозяина. Тѣ, кому онъ „здавауса“, какъ выражаются бѣлоруссы, т. е. представлялся, привидѣлся,—говорять, что онъ имѣть видъ старенькаго дѣдка, съ сѣйдой бородою и длинными сѣдыми волосами; одѣть онъ въ „насou“ (бѣлорусск. холщевый кафтанъ), а другое говорить— въ бѣлую рубаху; подпоясанъ онъ „дягой“ (ременемъ поясомъ), а по другимъ версіямъ—лыкомъ. Сшить онъ на печи или подъ печью, поэтому его иногда называютъ **подпечникомъ**. Встаетъ онъ рано и пугаетъ пѣтуха, толкая его. Пѣтухъ, съ испугу, хлопаетъ крыльями и кричить, чѣмъ будить хозяевъ на работу. Иногда домовой, какъ говорятъ многочисленные

рассказы и повѣрья о немъ, вздуваетъ огонь и идѣть въ кѣть или въ „свиренъ“ (амбаръ) и прогушиваеть хлѣбъ, пересыпая его горстями; заглядываетъ въ хлѣбъ и задаетъ корму лошадямъ и коровамъ, гладить ихъ и холитъ. Такія ухаживанія „господаря“ (другое название домового) очень благодѣтельны: зерно „споршитъ“ отъ пересыпаній домового, скотъ становится бодрымъ и выносливымъ отъ его поглаживаній. „Господарь“ любить дружную семью, онъ не терпить сварливыхъ бабъ и иногда строго наказываетъ зачинщиковъ семейныхъ несогласій: ночью, во время сна, онъ наваливается зачинщику на грудь и душить его. Иногда же онъ любить и пошалить, когда въ хорошемъ расположении духа, когда всѣ дѣла идутъ хорошо и хорошее предвидится въ будущемъ: тогда онъ пляшетъ на „лавѣ“ въ хатѣ или въ кѣти или въ сѣпахъ. Когда же семѣ предстоять несчастія, онъ, предчувствуя это, начинаеть завывать по ночамъ и этимъ предупреждаетъ хозяина. Съ домовымъ нужно жить въ мирѣ, нужно умѣть ему угоджать, а это требуетъ известнаго искусства со стороны домохоззина. Прогнѣвшъ домового — и онъ не только не будетъ „спирѣть“, но даже можетъ покредить въ хозяйствѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи (Борисовскій и Лепельскій уѣзды), при закладкѣ новаго дома, подъ однимъ изъ угловъ отрубаютъ голову пѣтуху, которую и зарываютъ тутъ же въ землю или просто кладутъ подъ угловой камень. Пѣтуха же зажариваютъ для обычной закуски при закладкѣ всякаго новаго зданія. Иногда этотъ обрядъ совершается при

закладкѣ печи *). Это несомнѣнно остатокъ прежнихъ жертвъ домовому; тѣмъ болѣе, что въ древности куръ часто приносили въ жертву богамъ, какъ объ этомъ, между прочимъ, упоминается въ словѣ Христо-любца: „Куры имъ (богамъ) рѣжутъ“.

Къ отголоскамъ первобытныхъ жертвоприношеній домовому также надо отнести повсемѣстно распространенный въ Бѣлоруссіи обычай затыкать въ углы и щели дома человѣческие волосы, вычесанные или остриженные, и ногти. Въ настоящее время домовые, какъ видно, менѣе кровожадны, если, вмѣсто животрещущаго мяса и теплой крови, довольствуются такими неудобоваримыми вещами, какъ волосы и ногти.

Намъ кажется, что домовой представляеть съ одной стороны антропоморфизацію огня, домашнаго очага, на что указываетъ название „дымовый“ **), а также то обстоятельство, что его мѣстопребываніе главнымъ образомъ пріурочивается къ печи, къ очагу. Правда, по тѣмъ же вѣрованіямъ, живетъ онъ и въ клѣти; но клѣти въ Бѣлоруссіи въ большинствѣ слу-

*) Пониманіе значенія этого обряда утеряно бѣлоруссами: совершается онъ просто по традиції. Намъ, впрочемъ, объяснили зачѣмъ отрубаютъ голову пѣтуху при закладкѣ печи: „чтобъ куры плодилися“. (Зимой ихъ держатъ въ подпечникѣ).

**) Впрочемъ, можетъ быть, что это искаженное произношеніе великорусского „домовой“; это название (дымовый) малоупотребительно въ Бѣлоруссіи: домовой больше смытъ подъ именемъ *гостодаря*, *хатника*, *подпечника*, иногда — *запечника*. Но если даже это только неправильное произношеніе великорусского слова, то и оно характерно, такъ какъ показываетъ, что домового, хатника народъ ставить въ непосредственную связь съ огнемъ.

чалевъ устраиваютъ теплыя, съ печами, чтобы можно было пускать туда зимній приплодъ домашнихъ животныхъ и ставить все то, что не должно замерзать (такія клѣти вазываются *истопками, издобками*; отъ слова — топить, теплоиво), и тамъ, въ клѣти, его помѣщаютъ на печи или подъ печью, что не только не опровергаетъ нашего предположенія, а скорѣе подкрѣпляетъ его. Съ другой стороны — на домового, вѣроятно, перенесены нѣкоторыя черты Чура, обоготовленаго родопачальника, ибо домовой, по повѣріямъ, отличается такими атрибутами, которые свойственны родовому божеству: домовой, напр., убаюкиваетъ раскричавшихся дѣтей и надсматриваетъ за ними, если они предоставлены самимъ себѣ *).

Евникъ и Лазыникъ. Но за то отъ домового отдѣлились евникъ и лазыникъ, которые тоже, несомнѣнно, „огненнаго происхожденія“, тоже олицетворенія огня. Они получили свои особы, слишкомъ ужъ узкія, области: первый — евнию (овинъ), второй — лазыню (баню). Бѣлорусскій овинъ и баня, по своему устройству, очень мало отличаются другъ отъ друга, и овинъ верѣдко замѣняетъ баню. Так же мало отличаются другъ отъ друга и ихъ оберегатели, такъ что мы можемъ считать евника и лазыника родными братьями и ближайшими родственниками домового.

Евникъ живеть въ овинѣ, въ печкѣ или на печкѣ; по видности онъ отличается отъ домового только темъ, что этотъ послѣдній „сдается“ въ бѣломъ „на-

*) Отсюда, вѣроятно, пословица: Богатому чортъ дѣтей колышетъ.

совъ“, а евникъ черевъ (надо полагать—отъ постойной копоти безтрубой печи), только глаза, какъ угли горать. Тотъ и другой съ рѣшительно хозяйственными ваклонностями: евникъ по ночамъ подметаетъ гумно, вѣтъ зерно, придаетъ ему „спорю“, а у знающихъ хозяевъ даже молотить по утрамъ.

Когда насаживаютъ евню, т. е. кладутъ снопы для просушки, то бросаютъ снопъ въ огонь; также по окончаніи молотбы, оставляютъ снопъ ржи въ сараѣ, чтобы евнику „была запатка“. Если прогнѣвить его, то онъ начнетъ бросать снопы въ огонь и сожгть овинъ,—такъ объясняютъ белорусскіе крестьяне частые пожары овиновъ, происходящіе отъ дурной насадки сноповъ.

Лазыникъ любить париться и мыться; ему оставляютъ для этой цѣли вѣникъ и воду. Свои омовенія онъ совершаєтъ послѣ полуночи, а потому не любить, чтобы кто-нибудь оставался до этого времени въ банѣ. Если же кто остается такъ долго, то лазыникъ начинаетъ бросать съ печи камни, стараясь убить дерзновеннаго.

Хлѣвникъ. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается хлѣвникъ. Домовой и евникъ всегда желанные гости, съ ними дружать, имъ угождаются. Они сравнительно нрава безобиднаго, заботятся о пріумноженіи хозяйства, если живутъ въ ладу съ хозяиномъ. Но не таковъ хлѣвникъ и не таково отношеніе къ нему. Какъ только обнаруживаются, что онъ завелся, сейчасъ же стараются его выжить, избавиться отъ него. И не диво! по повѣрью—онъ портить скотъ; онъ ъздитъ по

ночамъ на лошадяхъ въ конюшнѣ, а отъ такой ъзды лошадь быстро худѣеть слабѣеть и, если не избавить ее въ время отъ хлѣвника, то вскорѣ околѣваетъ. Иногда онъ ъздитъ поперемѣнно то на одной, то на другой лошади, а иногда привязывается къ какой нибудь одной излюбленной. Лошадь бѣется, мечется, старается сбросить хлѣвника, но это ей не удается. Она ржетъ, зоветъ на помощь хозяина; войдетъ онъ — никого вѣтъ, только лошадь взмылена и не можетъ отдыщаться. То же бываетъ и съ коровами,—и на нихъ хлѣвникъ ъздить. Коровы бѣгаютъ по хлѣву, мычать, быстро тощаютъ и перестаютъ давать молоко.

Хлѣвникъ почему-то боится сороки, и опытные кучера вѣшаютъ эту вѣщую птицу надъ дверями конюшни. Но ворожбитка и лѣкарка и. Холощеничъ Борисовск. уѣзда, Розалія Осьмакъ, отъ которой мы заимствовали значительную часть нашихъ материаловъ, сообщила намъ, что самое вѣрное средство изгнать хлѣвника — слѣдующее. Нужно свить изъ «посконы» *) кнутъ (пугу),—свить въ три „стволки“; на концѣ завязать три узелка; отъ нихъ на разстояніи одной пяди еще три, а черезъ пядь и еще три. Этотъ кнутъ навязать на осиновое «шугавье». Въ ночь, когда настаетъ „молодзикъ“ (новолуніе), передъ воротами хлѣва поставить жаровню съ осиновыми горячими углами; впрочемъ, могутъ быть угли и другіе, но осиновые какъ будто бы лучше. Когда все это готово, тогда, вѣявиши корову или лошадь за хвостъ, нужно гнать ее

*) Конопля съ тычинковыми цветками.

черезъ хлѣвъ къ двери, стегая пастиашь кнутикомъ и стараясь перегнать черезъ жаровню. И такъ перебрать всѣхъ коровъ и лошадей. При этомъ слѣдуетъ приговаривать: „Пошла, хира (немочь, болѣзнь, погань) пазувѣй вѣцеръ“!

Или же:

Якъ у насъ Юръя
Кони пасець,
Статокъ сциражець,
Нячистую силу
Прочь отгоняиць,
Хлѣуника и цмока
Вожахомъ пориць,
Приговариваиць:
Хира у лѣсь! (3) *).

Если ва которомъ нибудь животномъ и сидѣль хлѣвникъ, то, отъ соединенного воздѣйствія клута изъ „посконныхъ“ волоконъ, который разсѣкаетъ его тѣло до крови, огня, котораго онъ боится, и, накопецъ, заговора, которому придается чудесная сила, онъ не дерзаетъ возвратиться вспять и оставить стадо въ покоѣ.

Изъ сказаннаго видно, что хлѣвникъ едва-ли былъ когда нибудь богомъ-покровителемъ стадъ. Атрибуты Волоса, скотъяго бога, перенесены на св. Георгія, котораго народъ и считаетъ покровителемъ стадъ, защитникомъ отъ волковъ, вовколаковъ, хлѣвниковъ, гадовъ, вѣдимъ-коровницъ, отбирающихъ у коровъ молоко; тог-

*) Этотъ же заговоръ произносить пастухи, обходя стадо, когда въ первый разъ выгоняютъ его изъ пастбища.

да какъ хлѣвникъ является силой враждебной, недоброжелательной, причиняющей вредъ стаду, силой, противъ которой необходимо бороться при помощи св. Юрыя и огня-очистителя. Искуснымы считается тотъ пастухъ или конюхъ, который умѣеть умилостивить св. Юрыя и изгнать, въ случаѣ надобности, хлѣвника.

Также очевидно, что хлѣвникъ не представляетъ, такъ сказать, разновидности домового, ибо домовой, какъ мы видѣли выше, любить лошадей и коровъ, ласкаетъ ихъ, холить и отъ его ухаживаній скотъ улучшается, тогда какъ хлѣвникъ, разъ онъ поселился въ хлѣву, приноситъ животнымъ только вредъ. И прототипъ домового, огонь, имѣеть свойство изгонять его. Домовому надлежитъ быть въ каждомъ порядочномъ домѣ, а хлѣвнику появляется случайно или насыщается лихими людьми.

Змѣй-денъгиносецъ. Чтобы покончить съ домашней «нечистой силой», намъ еще необходимо сказать нѣсколько словъ о змѣй-носителѣ-денегъ.

Про каждого сколько нибудь богатаго крестьянина въ Бѣлоруссіи говорятъ, что „ему змѣй гроши носицъ“, и вы встрѣтите немало людей, которые самолично, воочію, видѣли-де этого змѣя; при томъ вамъ укажутъ чей онъ, т. е. какому богачу принадлежитъ. Но всего интереснѣе то, что такие змѣи, по разсказамъ, производятся искусственно. На этотъ счетъ существуетъ такое новѣрье. Если черный пѣтухъ проживетъ семь лѣтъ, то къ концу седьмого года свесеть особыго вида яйцо, напоминающее, будто бы, по формѣ раковину обыкновенной улитки. Это яйцо нужно по-

сить подъ мышкой три года. Тогда вылупится изъ него маленький змѣенышъ. Его нужно холить, держать въ теплѣ, кормить яичницей (это его исключительная пища) иничѣмъ не раздражать. Выросши, онъ станетъ летать, отыскивать клады и носить деньги своему хозяину. Живетъ змѣй въ клѣти (истоцкѣ), никому не показывается. Туда ему хозяинъ или хозяйка каждодневно носятъ свѣжую яичницу. Но ее почему-то нельзя солить:ничѣмъ такъ не прогнѣшишь змѣя, какъ посоливши ему яичницу. Зт; это онъ сжигаетъ все хозяйствое добро и самъ улетаетъ. Вообще онъ, разсердившись, истребитъ пожаромъ. Если кто-нибудь увидитъ его несущаго деньги и оскорбитъ неприличіемъ, то онъ деньги разсыпаетъ, а своего хозяина почему-то сожжетъ.

Каковъ видъ у этого змѣя?

Мы предлагали этотъ вопросъ тѣмъ лицамъ, которыхъ, по ихъ словамъ, видѣли его. Отвѣты получались разные. Но большинство того мнѣнія, что онъ похожъ на обыкновенного ужа, только гораздо больше его,— весь золотой, горитъ, какъ жаръ, и имѣеть крылья. Другие уподобляютъ его человѣку, который, впрочемъ, можетъ летать.

Намъ часто приходилось слышать въ деревнѣ: Змѣй полетѣлъ. Это былъ какой нибудь блестящій метеоръ.

Сопоставляя все вышесказанное, мы затрудняемся, гдѣ искать предковъ змѣя. Что это одинъ изъ пепнатовъ, изъ домовыхъ, не подлежитъ сомнѣнію: это только особый видъ домового; это — клѣтникъ, потому

что въ хатѣ онъ не живетъ, а только въ кѣти. Возможно, что онъ представляетъ дальнѣйшую эволюцію ужей-фетишъ; но съ другой стороны—слишкомъ бросается въ глаза его „огненный характеръ“: онъ и самъ какъ жарь горить, и когда летить, то оставляетъ огненный слѣдъ, и разсердившись, сжигаетъ хозяйствое добро, такъ что послѣднее заставляетъ предполагать въ немъ одно изъ олицетвореній огня. Чтобы примирить эти противорѣчія, намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ предположить, что это созданіе народной фантазіи представляетъ слияніе двухъ фетишъ: огня и ужа; такимъ образомъ и получилось представлениѳ объ „огненномъ змѣѣ“, какимъ его воображаетъ бѣлорусскій народъ. А если вѣрно предположеніе, что домовикъ, котораго бѣлоруссы воображаютъ въ человѣческомъ видѣ, есть олицетвореніе огня, тогда становится понятнымъ и уподобленіе змѣя-дѣпьгоносца человѣку.

Олицетворенія стихій. Выше мы видѣли, что усадебная божества, за исключеніемъ однаго Чура, довольно отчетливо представляются воображенію бѣлорусса. Но нельзя того же сказать о стихійныхъ божествахъ, (лицетвореніяхъ силъ природы, болѣе удаленныхъ отъ непосредственныхъ, такъ сказать, домашнихъ интересовъ бѣлорусского крестьянина).

Напримеръ отъ *Перуна*, бога небеснаго огня (следовательно, родственника домового),—бога, какъ говорятъ лѣтописи, пѣкогда главенствовавшаго на славянскомъ Олимпѣ,—отъ этого громоноснаго и дождящаго бога сохранилось очень немного. Перунъ убивается,

посылая свои каменные стрѣлы въ клубахъ огня; стрѣлы убивають, а огонь сожигаетъ. Свои удары онъ направляетъ болѣе всего на чертъ; а чертъ любить прятаться во время грозы подъ деревомъ, поэтому опасно становиться подъ деревья, чтобы укрыться отъ дождя: вместо черта Перунъ можетъ убить человѣка. При громѣ и молвѣ надо креститься, чтобы отогнать отъ себя черта.

Намъ не разъ приходилось слышать такое объясненіе происхожденія грома и молніи. Перунъ держитъ въ рукахъ два чрезвычайно громадныхъ жернова, третью ими и ударяетъ одинъ о другой; трепещь и ударами синь производить громъ и извлекаетъ молнію, подобно тому, какъ извлекаютъ искры, ударяя сталью о кремень. Осколки жернововъ, отскакивающіе при ударахъ, летятъ на землю и по ражаютъ, какъ стрѣлы. Мы уже имѣли случай говорить, что перуновыми стрѣлами народъ называетъ каменные топоры и ножи.

Водзянікъ или *Водзяній* живеть въ „живой“ водѣ, т. е. только-что пробившися изъ-подъ почвы. Каждый „виръ“ (водоворотъ, а также источникъ въ рѣкѣ или озерѣ) имѣеть своего водяника; они же обитаютъ въ криницахъ бездонныхъ, въ глубинѣ рѣкъ и озеръ, вообще въ такихъ мѣстахъ, которыхъ зимою не замерзаютъ: это — по объясненію народа — ледъ таетъ отъ дыханія водяника. Сохранилось до сихъ поръ воззрѣніе, что водяникъ требуетъ человѣческой жертвы, и невольные утопленники считаются жертвами его хищничества: онъ тянетъ ихъ къ себѣ на дно. Въ Бѣлоруссіи указываютъ много мѣсть, на которыхъ, по

предавію, были нѣкогда озера, и въ нихъ обитали слишкомъ жадные водяные. Они очень часто таскали людей „у виръ“. Тогда окрестные жители обращались къ какой нибудь знахаркѣ, и она, отыскавъ виръ, смѣло вырала на дно, затыкала жерло — главный источникъ озера — „горохвінамі“ и закладывала сверху каменіемъ. Вода въ озерѣ мало-по-малу изсякала, и водяной переселялся куда-нибудь въ другое мѣсто.

Русалки. Въ водѣ же живутъ и русалки. Онѣ, впрочемъ, могутъ считаться „земноводными“, потому что обитаютъ въ водѣ только съ осени до „русальной недѣли“ (первая послѣ Троицы). Тогда онѣ выходятъ изъ воды и поселяются на вѣтвяхъ деревьевъ, особенно на березахъ. Русалки качаются на ихъ гибкихъ вѣтвяхъ, подзываютъ прохожихъ: „человѣкъ! человѣкъ! ходи колыхаться!“ А если кто сдуру подойдетъ къ нимъ близко, то онѣ защекочутъ его до смерти.

Представляются онѣ воображенію бѣлорусса красивыми женщинами, съ распущенными длинными волосами. Пока русалки не выйдутъ изъ воды, т. е. до русальной недѣли, считается опаснымъ купаться, потому что или болѣзнь какая нибудь приключится, или русалки къ себѣ затащатъ въ глубь рѣки и утонутъ.

Существуетъ повѣріе, что души дѣтей, умершихъ до крещенія, превращаются въ русалокъ.

Лѣшій. Надѣ лѣсами и всѣмъ, что въ нихъ, властвуетъ лѣшій. Это, кажется, наиболѣе величественный образъ, созданный фантазіей бѣлорусса. Оно и понятно: въ природѣ его страны, за исключеніемъ грозовыхъ явлений, дремучіе лѣса были наиболѣе вели-

чественны, таинственны, болѣе всего поражали воображеніе своимъ заунывнымъ шумомъ при легкомъ вѣтре и трескомъ ломающихся деревьевъ, стономъ, пронзительными воцлами, дикимъ хохотомъ и другими странными звуками, которые наполняютъ лѣсъ во время бури или урагана. Подъ вліяніемъ впечатлѣній изъ жизни могучихъ лѣсовъ своей родины бѣлорусъ и создалъ образъ своего лѣсовика или лѣшаго. Онъ ростомъ въ уровень съ деревьями того лѣса, въ которомъ разгуливается. Онъ можетъ увеличиваться и уменьшаться, принаравливаясь къ величинѣ деревьевъ. Онъ чрезвычайно силенъ: когда разыграется въ лѣсу во время бури, то съ корнемъ вырываетъ могучіе дубы, на куски ломаетъ вѣковыя сосны, въ лоскъ кладетъ множество деревьевъ, застилая свой путь въ лѣсу, чтобы никакая сила не могла пробраться по его слѣдамъ къ его логовищу. А живеть онъ въ такъ называемомъ „маточникѣ“—это средина пущи, совершенно недоступная для обыкновенного смертнаго. *Маточникъ* окружень непроходимымъ лѣсомъ, запруженъ массою валежника и сверхъ того—его облегаютъ засасывающія болота, которыя не замерзаютъ и въ самыя суровыя зимы. Тамъ-то и живеть лѣшій со своими звѣрями и птицами. Всѣ крупные звѣри туда идутъ умирать: они только знаютъ таинственный тропы, которыми можно пробраться въ маточникъ.

Когда лѣшій разгуливаетъ по своимъ владѣніямъ, его сопровождаютъ стада звѣрей и стаи птицъ, особенно совы, филины, вороны и сороки. Голова его покрыта длинными кудрями, такъ что напоминаетъ вер-

хушку сосны; громадное туловище одѣто въ звѣринныя шкуры — волчья и медвѣжья — шерстью павывороть; руки и ноги толсты и крѣпки, какъ стволы дубовъ, глаза горятъ, какъ у волка или совы. Онъ „ржецъ“, хохочетъ, когда весель; волкомъ воетъ, когда печаленъ; рычитъ, какъ медвѣдь, когда золъ, а по временамъ дико взвизгиваетъ. Онъ плашетъ въ ладоши, и отъ этого трескъ идетъ по лѣсу. Въ рукахъ онъ держитъ иногда громадную дубину, которую ударяетъ по деревьямъ; оттого-то, какъ полагаютъ, и слышится въ лѣсу грохотъ. По другой версіи — въ рукахъ у него длинный бичъ, которымъ онъ хлопаетъ, подгоняя своихъ спутниковъ.

Такой лѣшій водится только въ большихъ лѣсахъ и пущахъ; съ нимъ очень ужъ опасно встрѣчаться. А въ малыхъ лѣсахъ и лѣшій бываетъ поменьше; впрочемъ и ему пальца въ ротъ не клади: можетъ изрѣдно напугать человѣка и волками затравить.

Подвѣй — это тотъ духъ, который кружится въ вихре. Онъ поражаетъ людей особой болѣзнью, которая тоже называется подвѣемъ: набѣжать вихрь на человѣка — и свернеть ему голову набокъ, отниметъ языкъ, а нето скрючить руку или ногу. Поэтому надо спасаться отъ вихря. Когда онъ кружится, надо показывать ему кукишъ: этого подвѣй не любитъ и промчится стороной, не набѣжавъ на человѣка.

Другихъ олицетвореній изъ области атмосферическихъ явлений белоруссы не знаютъ.

IV.

Пережитки солнечного культа.

Достигнувъ извѣстной степени умственного развитія, первобытный человѣкъ, наблюдая явленія природы, не могъ не замѣтить той зависимости, въ которой находятся растенія отъ солнечной теплоты и свѣта. Когда-же такъ или иначе было сознано, что безъ теплоты и свѣта не можетъ быть растительной жизни, то отсюда не трудно сдѣлать выводъ, что безъ растеній не возможна жизнь животныхъ, а безъ тѣхъ и другихъ не возможна жизнь человѣка. Это сознаніе, на ряду съ другими причинами, въ разборѣ которыхъ мы не намѣрены вдаваться, повело къ обоготворенію солнца, какъ источника теплоты и свѣта, какъ плодотворнаго начала, *дождь-бога*, дающаго изобиліе плодовъ земныхъ и самую жизнь; а обоготвореніе повело къ созданію культа, въ которомъ выражалось въ извѣстныхъ формахъ отношеніе человѣка къ обоготворяемому свѣтилу.

Культъ солнца быль тѣмъ болѣе развитъ и его религіонное въ міросозерцаніе народа тѣмъ глубже и значительнѣе, чѣмъ больше народъ освоился съ мирны-

ми земледѣльческими занятіями и зависѣлъ отъ нихъ, а не отъ войны и грабежа.

Наши предки, какъ извѣстно, вынесли свои вѣрованія изъ своей первобытной родины — арійскаго на-горья, страны вѣчнаго солнца и лазурнаго неба, гдѣ имъ были уже извѣстны пачатки земледѣлія. А такъ какъ и осѣви на новыхъ мѣстахъ они продолжали заниматься земледѣліемъ, тѣ понятно, что культь бога земледѣлія и мирныхъ искусствъ, солнца, игралъ въ ихъ міросозерцаніи и въ обрядовой сторонѣ ихъ жизни важную роль, о чёмъ свидѣтельствуютъ памятники нашей древней письменности и многочисленные пережитки.

Бѣлоруссы, какъ народъ преимущественно земледѣльческій, въ своихъ воззрѣніяхъ, обрядовыхъ пѣсняхъ и празднествахъ сохранили немало такихъ характерныхъ особенностей, которые являются видимымъ отраженіемъ древнаго солнечнаго культа. Правда, въ бѣлорусской рѣти не сохранилось прежнихъ именованій, приписываемыхъ солнцу, въ родѣ Сварожича, Хорса Даждьбога, Ярилы, по древнія празднства въ честь солнца, связанныя съ весеннимъ и осеннимъ равноподенствиемъ, съ зимнимъ и лѣтнимъ солнцестояніемъ, и теперь отбываются въ Бѣлоруссіи. Они, конечно, приворожлены къ христіанскимъ праздникамъ, но связаны съ такими воззрѣніями и сопровождаются такими обрядами, которые ничего общаго не имѣютъ съ христіанскимъ значеніемъ праздника. Таковы коляды, масленица и великаны, купала и богачъ.

Общая черта всѣхъ этихъ празднствъ — ихъ открытый, общественный характеръ; они празднуются „сборъ-

дружиной", толпой; это не то что „дяды", которые спрашиваются каждой семьей отдельно.

Коляды. Трудно сказать, что означало слово *коляда*. Было ли это название божества, или познание празднества, посвященного некоторому божеству, или то и другое вместе,— на этот счет только можно думать больше или меньше острумных догадок: ученые изслѣдований, поскольку они касались этого вопроса, не дают ничего положительного и убедительного. Но наблюдая обряды и суетрія, связанные съ этимъ празднествомъ, изслѣдуя колядные пѣсни, можно прийти къ заключенію, во-первыхъ, что коляды служили началомъ года, во-вторыхъ, что празднованіе ихъ имѣло тѣсную связь съ хозяйственной стороною жизни народа, съ его земледѣльческими воззрѣніями и вътрьихъ, имѣло, въ некоторой степени, связь съ брачными или вообще половыми отношениями народа.

Все это даетъ основаніе отнести коляды къ числу празднествъ солнечнаго культа.

А такое празднество могло возникнуть только тогда, когда первобытный человѣкъ настолько обогатился наблюденіями, настолько развилъ свой умъ, что могъ установить связь между важнейшими явленіями выше-наго міра, могъ понять, хотя бы и несовершенно, грубо-эмпирически, соотношеніе между ними; когда онъ уже имѣлъ представленія о прошломъ и заглядывалъ въ будущее, а не только жилъ интересами текущаго дня. Для этого, какъ показали наблюденія надъ жизнью дикарей, человѣкъ долженъ былъ пройти долгій путь.

Но когда была замѣчена правильная послѣдовательность временъ годъ и установленна зависимость пхъ отъ того или иного положенія солнца на небѣ, было естественно считать началомъ года то время, когда солнце какъ-бы возрождается, поднимается въ вышѣ и выше, светить дольше, когда днѣ увеличиваются, а ночи уменьшаются; празднованіе же колядъ почти совпадаетъ съ этимъ временемъ. Затѣмъ, разъ установлена связь между солнцемъ и плодородiemъ, естественно было придать празднству въ честь солнца земледѣльческій характеръ. А такъ какъ эта связь поимѣетъ первобытныи умомъ въ томъ смыслѣ, что солнце скопми любовными ласками оплодотворяетъ землю, отсюда могло возникнуть представленіе, что любовь, половое влечение, находится въ зависимости отъ солнца, есть слѣдствіе его влиянія. Отсюда *любовный* (въ половъ смыслѣ) характеръ празднства. Впрочемъ, должно сказать, что эта сторона солнечнаго культа довольно слабо выражена въ колядныхъ обрядахъ; она соредоточена главнымъ образомъ въ празднованіи купалы.

Бѣлоруссы употребляютъ слово *колядка* въ двухъ значеніяхъ: какъ название празднства и какъ название продуктовъ, приготовляемыхъ къ колядамъ изъ свинины: колбасъ, сала, окороковъ, — все это въ собирательномъ смыслѣ называется колядою. Напримеръ, выражаются такъ: дай ему немногого коляды, разумѣя кольцо колбасы, кусокъ сала и т. п.; или же: у него всю коляду украли, — при чемъ также разумѣются

продукты, приготовленные изъ свиного мяса. Въ этомъ же смыслѣ поется въ колядной пѣснѣ:

Бѣала Коляда по ляду,
Разсыпала коляду.

А въ первомъ смыслѣ, въ смыслѣ празднества, название коляды присваивается тремъ днямъ: кануну Рождества — это постная колада; кануну нового года — это богатая колада, иначе тоустал, тлустая (жирная), щедрыкъ; и кануну Крещенія Господня — это ющеская колада или голодная. Но въ некоторыхъ мѣстностяхъ подъ словомъ колады разумѣются все времи съ 24 декабря по 6 января. Иногда вместо колада употребляютъ слова *кутица*, т. е. название гл. влаго блюда, сблизительно приготовляемаго на каждую коладу, присваивають самому дню. Но какого нибудь личнаго существа, называемаго коладой, народъ не представляетъ; по крайней мѣрѣ намъ не удалось подмѣтить сколько нибудь ясныхъ признаковъ того, что такое представление существуетъ, хотя это и можно бы думать, судя по вышеприведенному отрывку пѣсни.

Какъ безъ блиса — не масленица, такъ безъ колбасы, жирной верещаки — не колады, — и каждый хозяинъ старается заколоть къ этимъ праздникамъ откорыленного кабана, а нето и двухъ, кто посостоятельнѣе. Странное дѣло: какъ ни блудутъ крестьяне посты, но при разборѣ убитой свиньи многіе не могутъ устоять отъ соблазна, чтобы не полакомиться „свѣжинкой“, особенно бѣлоруссы-католики, которые менѣе строго относятся къ соблюденію постовъ.

Пластанье колядной убояны—это цѣлый обрядъ, которому бѣлоруссы придаютъ важное значеніе въ смыслѣ гаданія, главнымъ образомъ, на счетъ урожаевъ будущаго года. Сначала кабану дѣлаютъ крестообразно надрѣзъ на груди; потомъ перерѣзываютъ горло и собираютъ кровь въ особый сосудъ (изъ крови, смѣшанной съ зукой, пекутъ блины). Если кровь льется обильно, нецѣрвной струей—это значитъ, что лѣто будетъ дождливое; отсюда выводъ, что павозъ надо запахивать, а по сѣять „подъ пристилку“. Длинная грудобрюшная преграда—по бѣлорусски *коса*—предвищаетъ долгое лѣто; если она быстро суживается къ концу—это знакъ, что только первые посѣвы будутъ удачны. Наблюдаютъ, какихъ зеренъ больше въ требухѣ, полагая, что такой родъ хлѣба будетъ наиболѣе урожайнымъ. Такъ гадаютъ старики, отцы семействъ, озабоченные на счетъ урожаевъ будущаго года, а дѣвушки, заинтересованные больше по части жениховъ, получаютъ въ свое разпоряженіе печень и, всматриваясь въ ея блестящую поверхность, стараются увидѣть тамъ отраженіе своей будущей судьбы.

Во всемъ этомъ нельзя не усмотрѣть связи съ языческими жертвоприношеніями, которыя, какъ известно сопровождались гаданіями по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Весьмаѣроятно, что у нашихъ предковъ на коляды—время зимняго солнцеворота, именно кабанъ принеслся въ жертву солнцу, и по внутренностямъ животнаго гадали о тѣхъ предметахъ, которые, по первобытнымъ воззрѣніямъ, находились зависимости отъ этого божества. Какъ мы увидимъ

далѣе, всѣ коляды сопровождаются гаданіями, при чём эти послѣдніе распадаются на три отдѣла: гаданія, таъ сказать, хозяйственныя, земледѣльческія; гаданія о суженомъ, любовныхъ; и гаданія вообще о грядущей судьбѣ: „про животъ, про смерть, про весь родъ человѣчъ“. Всего естественнѣе было гадать о будущемъ въ началѣ года, а это отчасти указываетъ на то, что коляды считались именно началомъ года; также естественно гадать объ урожаяхъ и люборныхъ дѣлахъ въ то время, когдаправляли праздникъ именемъ бога земледѣлія, плодородія и любви, какогорыбесомнѣвно считалось селене. Въ дальнѣйшемъ мы найдемъ еще подтвержденія всему этому.

На постную коляду (24 декабря) приготовляютъ кутью съ сытѣй, поливку съ грибами или гыбой, олады съ медомъ или макомъ, блинчи, рыбу жареную, клѣцки, кисель,— словомъ, чтобы было по большемъ блюдъ, но никакъ не меньше семи,— число, которое въ обрядовыхъ трапезахъ имѣть, повидимому, символическое значеніе.

Вечеромъ, какъ только покажутся звѣзды, когда уже все въ избѣ прибрано, выметено, вычищено, кладутъ на столъ сѣва, сверху покрываютъ скатертью, кладутъ хлѣбъ-голь и ставятъ кутью. Всѣ молятся Богу. Затѣмъ хозяинъ беретъ кутью и, вышедши на дворъ, обносить вокругъ дома, если это возможно, или кругомъ двора, потомъ, подойдя къ окну, стучать трижды. Изъ избы хозяйка или старшій въ семьѣ спрашивается: «хто тамъ». Хозяинъ отвѣчаетъ: „самъ богъ идзецъ, кутцю насыдъ“— и послѣ этой

оригинальной церемоніи входитъ въ хату. Кутыя ставится на столъ, и начинаютъ ъесть всѣ изъ одной миски, не сиѣша, наблюдая, чтобы всѣ брали по очереди, по старшинству. Описанный обычай существуетъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ; въ другихъ мѣстностяхъ зовутъ морозъ кутю ъесть, при чёмъ просить его, чтобы онъ не поморозилъ всходовъ. Всѣ ъедятъ до отвала; нельзя ни одного блюда преминуть.

Послѣ вечери гадаютъ. Вытягиваются изъ — подъ скатерти стебельки сѣна и по длини заключаются, какъ ленъ будеъ — длинный или короткій. Ищутъ въ сѣпѣ зернышкъ, и если пайдутъ, скажемъ, ячменное зерно — значитъ ячмень уродится. Вытягиваются колючіе травы и походству ихъ колосковъ съ колосьями хлѣбныхъ растеній заключаются какои хлѣбъ будетъ наиболѣе урожайнымъ. Частыя звѣзды па небѣ въ эту ночь означаютъ, что будетъ много грибовъ и ягодъ. Парни и дѣвушки топятъ воскъ и лютъ въ воду, стараясь по отлившимся фигурамъ угадать свою судьбу. Дѣвушки, захвативъ краюху хлѣба, выбѣгаютъ на „смалище“ (мѣсто, где обжигали кабана) и, кушая хлѣбъ, слушаютъ, въ какой сторонѣ раздастся звукъ — говоръ, лай собаки и т. п.—туда ей выйти замужъ. Гадаютъ и па другія коляды. Наканунѣ нового года лютъ олово или свинецъ въ воду и по фигурамъ гадаютъ. Уединившись въ компатѣ или въ клѣти, смотрать чрезъ кольцо на пламя свѣчи, надѣясь увидѣть суженаго или то, что будетъ. Есть и другой подобный способъ гаданія. Надо, запервшись ночью въ банѣ и поставивъ передъ собой зеркало, а

по бокамъ ого двѣ свѣчи, смотрѣть въ зеркало, не мигая, не отрывая глазъ и не осматриваясь по сторонамъ. Кто не трусливъ и выполнить всѣ условія точности, тотъ увидитъ-де все, что ему предстоитъ важнаго въ будущемъ. Въ вечеръ передъ Крещеніемъ считаютъ колыа въ заборѣ; перебираютъ ихъ всѣ до конца, приговаривал: колъ—колица, колъ—колица; если на послѣдній придется—колъ, значитъ выйдетъ замужъ, а если колица—значить не выйдетъ. Веруть дрова въ охапку и, принеся ихъ въ избу, считаютъ четное или нечетное число погоньиевъ захвачено; выводъ тотъ, что если четное число, то выйти замужъ. И много другихъ есть способовъ гаданія.

На богатую коляду приготовляютъ множество блюдъ, при томъ все скромныхъ, жирныхъ, тѣгда какъ на крещенскую коляду всѣ блюда постные и приготовляются ихъ менѣе, потому то она и называется *голодной*. Особыми обрядами, кромѣ гаданий, о которыхъ мы уже упоминали, они не отличаются.

Колядные обычаи и игры. Рождественская коляды начинаеть и кончаеть хозяйственный годъ. Но обычаю, заведенному изстари, съ этого дня напоминаютъ батраковъ на годъ; такъ и уговариваются: отъ колядъ до колядъ. Но обычай требуетъ, чтобы батракъ, отбывшій свой срокъ, не былъ удаленъ до втораго дня Рождества. При расчетѣ его одаряютъ *колядой*: колбасами и саломъ. Бездомные батраки или гуляки отправляются въ корчму, чтобы кутнуть на остатки полученнаго жалованья.

На коляды, послѣ вечери, господари „сѣютъ бобъ“ по избѣ и по двору, чтобы хлѣбъ родился какъ бобъ. А хозяинки кормятъ куръ кутѣй въ обручѣ, чтобы они держались своего дема, не клали яицъ гдѣ попало. Въ теченіе двухъ недѣль между первой и послѣдней колядой, даже въ будни, нельзя производить никакихъ серьезныхъ хозяйственныхъ работъ, кромѣ какъ присмотрѣть за скотомъ — задать корму, пашонть — да приготовить обѣдъ. А вечеромъ и совсѣмъ ничего нельзя дѣлать. Эти вечера зовутъ *святыми*, а въ ihnenъ мѣстахъ *кризами*, вѣроятно вслѣдствіе того новѣрія, что если въ эти вечера работать, то приплодъ домашнаго скота будетъ рожаться уродливымъ. Особенно нельзя шить и прѣсть; отъ первого, не только домашнія животныя, но и дѣти могутъ родиться слѣпыми, а отъ втораго можетъ свиться колтунъ въ волосахъ. Въ эти вечера крестьяне собираются по изbamъ, которыя по цѣсториѣ, и проводятъ время въ бесѣдахъ, играхъ и забавахъ. Старики разсказываютъ подросткамъ сказки, поучительныя бывальщины, примѣры, загадываютъ загадки. Таковъ обычай. Такжѣ въ обычай грызть въ эти вечера орѣхи, играть въ четь и нечетъ.

Взрослые молодые люди, собравшись отдельно, справляютъ *женитбу Терешки*. Это спеціально колядная игра. Другія игры, какъ напримѣръ „ящуръ“ или „ящерь“, игра въ „Бога и чорта“, хотя устраиваются въ колядные вечера, но не обязательно: въ эти игры играютъ и въ другое время и при томъ играютъ больше дѣти и подростки; а въ *женитбу*

Терешки играютъ исключительно на коляды и при томъ взрослые парни и дѣвушки.

Женитьба Терешки — это игра-пляска, сама по себѣ не сложная. Она интересуетъ взрослыхъ молодыхъ людей главнымъ образомъ потому, что здѣсь веширупужденно обнаруживаются вхъ вкусы и взаимные влечения. Порядокъ игры таковъ. Сначала устраивается въ въ сладчину вышивка и закуска, между прочимъ — для большей развязанности. Потомъ выбираются сватъ, — разбитную вдову, солдатку или дѣвушку, которая побойчье. Это та же *пани-матка* малорусскихъ вечерницъ. Она ставить играющихъ въ два ряда, по одной сторонѣ парней, по другой — дѣвушекъ, и начинаетъ сватовство. Береть одного изъ парней за руку и, вышедши съ нимъ на средину, запѣваешь особый куплетъ, подплясывая въ тактъ напѣва:

Цярешка валочитца,
Бо жавитца хочетца;
Енъ туды — сюды зирвецъ,
Гдэй милу свою найдзецъ.
Валочитца, выглядяе,
Хто къ яму любось мае.

Скрипачъ при этомъ наигрываетъ подходящій мотивъ, а стоящіе по сторонамъ плещутъ въ ладоши и въ отвѣтъ дѣвушки поютъ:

Цярешка, Цярешечка!
Къ моей хаци стежечка
Битая, топтаная;
Я у мамки кахавая.

Пройдя раза три — четыре взадъ и впередъ, сватъ выхватываетъ одну изъ дѣвушекъ и вручаеть ею парию. Сватъ пока отходитъ въ сторону, а эта пара начинаятъ плясать подъ пѣніе хора:

Царешка хадзіу, блукау,—
Енъ жаны шукай, шукай,
Кабъ была пригожая,
Хоць куды дысь гожая.
Узкую сабѣ дзѣвоочку
Икъ тую пралесочку,
Тонкую, високую,
Лицомъ бѣлолицую.

Но тутъ дѣвушка, если ей соеватанный парень не нравится, ловкимъ движеніемъ увертывается отъ него и убѣгаеть въ рядъ своихъ подругъ. *Мужъ* старается ее поймать, а дѣвушки закрываютъ. При этомъ поется:

Царешку бѣда стала:
Съ кимъ яго жана спала?
Подъ дубомъ зялененькимъ
Съ казакомъ молодзенъкимъ.

Парень ви съ чѣмъ отходитъ на свое мѣсто. Если же молодые люди чувствуютъ другъ къ другу вѣкоторую склонность или не желаютъ обращать на себя вниманія, то они отходятъ въ сторону и становятся рядомъ, отдельно отъ тѣхъ, которые еще не женились.

Тогда сватъ снова выступаетъ на сцену и такимъ же порядкомъ, какъ выше описано, соединяетъ новую пару. И такъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не переже-

нить. Все это пересыпается остротами, шутками, прибаутками какъ по адресу сватыи, когда она сдѣлаетъ неудачный выборъ, такъ и по адресу „молодыхъ“, если есть къ тому поводъ, особенно, если парень человокъ и не сумѣетъ удержать дѣвушку. Зубоскальть больше парни: дѣвушки заняты пѣсіемъ.

Когда всѣ переженены, тогда съ двухъ противоположныхъ сторонъ выступаютъ двѣ пары и начинаютъ плясать, а остальные поютъ:

Мая-жъ ты занулечка,
А я-жъ твой мужулечка!
Мы-жъ будземъ на свѣци жиць,
Мы-жъ будземъ дзяцей пладзиць;
Мы-жъ будземъ гарѣлку пиць,
Мы-жъ будземъ дзяцей жаниць
и пр....

Въ это время дѣвушки снова ускользаютъ отъ парней, а тѣ ихъ ловятъ, ищутъ. Когда такъ про-пляшутъ всѣ пары, та же процедура повторяется снова, съ тою только разницей, что уже убѣгаютъ парни, а дѣвушки ихъ ищутъ, при чеиъ и куплеты соответственно измѣняются, которые, надо сказать, довольно многочисленны и, смотря по мѣстностямъ, варьируются на разные лады.

Эта игра въ женитьбу служитъ какъ бы прелюдіей къ предстоящему брачному сезону, и многія шарочки впослѣдствіи дѣйствительны соединяются брачными узами. Но мы остановились на этой игрѣ потому, что въ ней, повидимому, отразились пережитки древнихъ

брачныхъ отпашеній и обычаяхъ, имѣвшихъ, вѣроятно, связь съ празднованіемъ колядъ, съ культомъ того божества, въ честь которого совершилось это празднество.

Ящуръ или *ящеръ* Теперь къ эту игру играютъ только дѣти да подростки. Играютъ зимой въ хатѣ, весной — на лужайкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣвочки сплетаютъ вѣнки изъ цветовъ и одѣваютъ ихъ на головы, а зимой, на святкахъ или въ мясоѣдъ, вместо вѣнковъ, довольствуются обыкновенными платками. Сначала дѣвочки выбираютъ изъ мальчиковъ „ящура“. Онъ покрывается большимъ платкомъ, завязывая концы его на шѣ, такъ что выходить пѣчто въ родѣ мантіи.

Ящуръ усаживается на чѣмънибудь, а вокругъ него дѣвочки, взявшись за руки, образуютъ коло *тапокъ*, хороводъ, и, кружась то въ одну сторону, то въ другую, напѣваютъ:

Сядзиць, сядзиць, ящуръ,—
Ладо, ладу,
Ладо, ладу!—
Въ арѣховомъ кусцѣ — *)
Ладо, ладу,
Ладо, ладу! **)
Арѣшечки луша;
Еиъ женитца хочиць;
Ты женился, ящуръ,

*) Варіантъ: Посяродъ гароду (огорода),
У зяленомъ кусцѣ и пр.

**) Въ такомъ же порядкѣ припѣть повторяется послѣ каждой строчки.

Бери сабъ панву,
 Каторую хочешь;
 Панву (такую-то) Марильку,
 За бѣлую ручку,
 За русую коску,
 За золото - персыцень.

Тогда „ящуръ“ встаетъ и снимаетъ съ указанной дѣвочки вѣнокъ или платокъ и кладетъ возлѣ себя. А въ пѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ, взявъ дѣвочку за руку, нѣсколько разъ кружитъ вокругъ себя и тогда снимаетъ вѣнокъ. Всё это повторяется до тѣхъ поръ, пока ящуръ не поснимаетъ всѣхъ вѣнковъ.

Тогда начинается выкупъ вѣнковъ. Одна изъ дѣвочекъ выходитъ изъ круга и, кланяясь яшурѣ, поетъ:

Пане ящеру, паночикъ,
 Атдай жа мой вѣночикъ!
 Зиму (?), лѣто хадзала,
 Ручки-пожки сдѣрала,
 По красочцы збирала,
 У вѣночикъ звивала;
 Я атъ татки ховалася,
 Я атъ мамки тулялася.
 Пане ящуру, паночикъ,
 Атдай жа мой вѣночикъ!

Яшуръ требуетъ выкупа. „Поцѣлуй мяне, говорить, дыкъ атдамъ“. Или же, если ему дѣвушка не нравится, то заставляетъ ее плакать, плясать, больше просить и т. п., какъ это, напримѣръ, дѣлается при

игрѣ въ фанты. Дѣвочка, получивъ вѣнокъ, плашетъ вокругъ ящура и поетъ:

Я свой вѣничекъ выплакала,
Я свой вѣничекъ выпросила,
Я свой вѣничекъ выскакала,
Я свой вѣничекъ выкупила.

А хоръ одпѣваеть:

Ладо, ладу,
Ладо, ладу.

Когда всѣ вѣнки выкупятъ, то или прекращается игра, или начинаютъ ее снова, выбравъ новаго ящура.

Какъ мы сказали, теперь это дѣская игра, по повидимому въ ней скрытъ какой-то пережитокъ древняго обычая или обряда, уже утратившаго для взрослыхъ свое значеніе и смыслъ. Можно догадываться, что это былъ обычай любовнаго характера; на это намекаетъ сущность игры: женитьба ящура, выкупъ вѣнковъ, поцѣлуи и т. п. Затѣмъ, что это отголосокъ далекаго прошлаго, указываетъ припѣвъ: Ладо, ладу, а также название самой игры, созвучное со словомъ щуръ. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что яшуръ по-бѣлорусски вовсе не значитъ ящерица, равно какъ этимъ именемъ не называютъ извѣстной лѣшадиной болѣзни; оно сохранилось только какъ название игры.

Колядовщики. На первый и второй день Рождества Христова, а въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ также на богатую коляду, ходять по домамъ колядовщики. Это толпа молодежи, которая, подходя подъ окна, если не препятствуетъ погода, или же войдя въ хату,

пѣснями славить хозяевъ и за это получаетъ коляду т. е., какъ мы уже объясняли, сало и колбасы. Колядовщики напоминаютъ пасхальныхъ волочебниковъ, и пѣсни ихъ носятъ отчасти тотъ же земледѣльческий характеръ, что и волочебныя, (о нихъ будетъ рѣчь—впереди) только эта сторона въ волочебныхъ пѣсняхъ болѣе ярко выражена. Но въ нѣкоторыхъ колядныхъ пѣсняхъ есть и особенности; это именно сравненіе хозяина съ мѣсяцемъ, жены его—съ солнцемъ, а дѣтей съ звѣздами,—сравненіе, котораго намъ не приходилось встрѣчать въ волочебныхъ пѣсняхъ. А сами колядовщики тѣмъ отличаются отъ волочебниковъ, что первѣдко водятъ козу, чего волочебники не дѣлаютъ. Въ такомъ случаѣ, т. е. если ходятъ съ козой, то поютъ только одну пѣсню, приспособленную именно къ этому обычаю.

Коза снаряжается такъ. Берутъ козью голову, пасаживаютъ ее на палку и пришиваютъ въ кожухъ; а если нѣть настоящей головы, то дѣлаютъ ее изъ дерева, окрашиваютъ въ блѣдый цвѣтъ, выводятъ глаза, прилаживаютъ рога и т. п. Кожухъ, вывороченный шерстью вверхъ, одѣваетъ какой нибудь ловкій парень—и коза готова. Толпа колядовщиковъ, вводя козу въ хату, затягиваетъ обычную пѣсню:

Богъ - помочь таму,
Хто у гэтымъ даму!
Мы у госьци идземъ
И казу видземъ.
Го-го! каза,

Го-го! шѣра!
Гдзѣ каза ходзицъ,
Тамъ жито родзицъ,
Гдзѣ каза нагой,
Тамъ жита каюй,

Г'дзѣ каза рогомъ,
 Тамъ жита стогомъ.
 А ваша каза
 Была у бару,
 Грызла тамъ кару
 Съ козеяятками;
 Спѣкала воука
 Съ воучепятками;
 Якъ хвацицъ ваучикъ
 Казу за бачокъ,
 А ваучепятки —
 За козеятки.
 Ледзъ-ня-ледзъ коза
 Ать воука у цекла,
 У сяло пришла.
 А ты, козынка,
 Топпи ноженькой,
 Не бойся ваука,—
 Ешь ня зѣбѣ цябе;
 А бойся, каза,
 Старого дзѣда:
 Еть цябе згубицъ,

Скуру облушицъ.
 Вже бяре ёнъ мечъ,
 Каѣ козыньку сѣчъ.
 Поцекла юшка (кровь)
 Зъ праваго вушка;
 Козынька пала —
 Здохла, пропала.
 — Гасподарочки,
 Сличный паночикъ!
 Гаспадыничка,
 Якъ маливочка!
 Ты взьмиключи
 Залаценъкіе;
 Запѣли свѣчку,
 Пайдзи у клѣтку:
 Приняса казѣ
 Рѣшето авса;
 Рѣшето авса,
 На верхъ килбаса
 И кусокъ сала,
 Каѣ каза устала.

(Игуменск. уѣз.).

Во время пѣнія, коза пеуклюже поварачивается изъ стороны и въ сторону, въ соответствующихъ мѣстахъ цѣсни притопыvаетъ ногами, постукиваетъ рогами, кланяется, падаетъ и лежитъ, словно мертвая, а въ концѣ мгновенно оживаетъ, вскакиваетъ на ноги. Въ этомъ и вся штука. Что же касается пѣсенъ, подъ которые пляшетъ коза, то все онѣ по складу совер-

шепно одинаковы, поются однимъ напѣвомъ, но по содержанію разнятся. Нѣкоторые изъ нихъ представляются какъ бы отрывками разныхъ пѣсень,—отрывками, сложенными вмѣстѣ только вслѣдствіе сходства разнѣра, но безъ всякой логической связи между частями и безъ общаго смысла. Мы привели здѣсь наиболѣе типичающую и цѣльную изъ нихъ и привели потому, что въ ней сквозять, хотя слабо, намеки на древнее жертвоприношеніе: именно упоминаніе о старомъ дѣдѣ, который собирается погубить козу. Этотъ дѣдъ иѣсколько намекаетъ на языческаго жреца; въ такомъ случаѣ въ козѣ можно бы видѣть жертвенное животное, и тогда весь обрядъ получилъ бы смыслъ. Но, въ виду бѣдности содержанія этого рода пѣсень, трудно сдѣлать какой-либо опредѣленный выводъ, тѣмъ болѣе, что есть варианты, указывающіе на то, что дѣдъ хочетъ содрать кожу съ козы затѣмъ, чтобы сдѣлать дуду.

Масленица. Празднованіе масленицы сопровождается тѣми же катаньями съ горъ, катаньями на тройкахъ (это какъ бы прощаніе съ зимой, со снѣгомъ, съ санной дорогой), близами, что и въ Великороссіи; но есть и особенности или специально свойственные Бѣлоруссіи, или сохранившіяся въ ней отчетливо.

На Авласа (Власія, 11-го февраля), празднованіе котораго часто совпадаетъ съ масленицей, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи спраивается «конское свято»,—задаютъ лучшій кормъ лошадямъ, но ничего на нихъ не работаютъ, и объѣзжаютъ молодыхъ лошадей. Если у лошади или коровы въ этотъ день по-

пурый видъ—это признакъ, что она не выживетъ тода: или волкъ съѣсть, или околѣтъ.

Въ смежныхъ уѣздахъ разныхъ губерній—въ Борисовскомъ, Сынновскомъ и Демельскомъ—существуетъ масленичный обычай „возить бабу на почастунокъ“ (угощеніе). Это выполняютъ внуки, которые или сами заилягаются въ саночки и съ торжествомъ везутъ свою бабку-шовитуху къ себѣ на блявы, или прѣѣзжаютъ за ней на лошадяхъ, что въ послѣднее время чаше практикуется.

Въ той же мѣстности въ поездѣльниѣ и во вторникъ первой недѣли великаго поста жепщицы „цѣпляютъ колодки“ холостякамъ, требуя отъ нихъ угощенія за то, что тѣ не женились. Колодку надо працѣпить незамѣтно, и если это выполнено, то угощеніе, состоящее изъ вышивки и закуски, должно быть непремѣнно поставлено. Цѣпляютъ колодки и женатымъ но это считается отступленіемъ отъ обычая. Кромѣ того, компаніи жепщицъ „важутъ неженатыхъ“, т. е. крутятъ имъ платкомъ руки, и въ такомъ видѣ приводятъ въ корчму, заставляя купить водки, меду или пива и закуски, и только тогда развязываютъ, когда ихъ требование выполнено.

На масленицѣ, по вечерамъ, девушки собираются на улицѣ пить „масленичныя“ цѣпи, содержание которыхъ распадается на два отдѣла. Содержаніе одной части: призывъ весны, ожиданіе наступленія ея и полевыхъ работъ; другой—жизнь замужней женщины съ ея радостями и горестями. Послѣднія первѣкоются подъ окнами „молодыхъ“, которые въ этотъ

„насօдъ“ повѣнчались. Приводимъ найболѣе типичную изъ этихъ пѣсенъ:

На вулицѣ дѣвушки гуляли *)
 Про мяне молоду гукали:
 Што у мяне молодой мужъ лихій,—
 На вулку гулаць не пустіу;
 А хоць пустіу—позненько:
 Усъ дѣвочкі розпенько.
 А я выйду и гукну,
 Усихъ дѣвокъ созаву,
 Звонкаго музыку я найму
 И буду гулаць до свѣту
 Ажъ до позваго абѣду!
 А дамоу итци баюся,—
 Дзевератоньку кланюся:
 „А ты, дзевератка,—большій братъ,—
 Завядзи мене до дому!
 Пошію кашульку до долу,
 Даімъ табѣ хусту шаукову“.
 А почку тое лихій мужъ:
 „А я табѣ, шельма, бокъ набью,
 До долу кашульку самъ знашу,
 Шаукову хусту самъ сотру.

„Молодые“ иногда приглашаютъ дѣвушекъ въ хату и угожаютъ имъ. Тогда въ хатѣ они поютъ шуточныхъ или укоризненныхъ пѣсни по адресу прииди-

*) Послѣднее слово каждой строчки повторяется 2 раза.

чивой свекрови или свекра, какъ бы застуپаись за свою бывшую подругу. Напримеръ:

На дворѣ бабы сядѣли,
Кулакомъ замлю пробили,
Про нявѣсточекъ судили:
А моя нявѣстка шельма была:
Цѣлую клѣтку добра звела!
А тамъ лобра много было:
Орѣхова чашка крупъ было,
Желудова чашка меду было,
Машокъ и рагожа платця было,
Въ стянѣ иголка большъ долота

и т. д.

На „Сороки“ (40 мучен. Севастійскихъ, 9 марта) молодежь собирается по гумнамъ, гдѣ къ этому дню устраиваются качели; приносятъ съ собой печенье—„жаворонковъ“—и цѣлый день проводятъ въ качаны на качеляхъ, распѣвая „весновскіе“ пѣсни, выкликая весну:

Благослови, Боже,
Заму замыкаци,
Вясену выкликаци.
Дай же намъ, Боже,
Жита и пшаницы,
Зяленой травицы.
Дай же намъ, Боже,
На хлѣбъ-жита родъ,
А на статоцъ (на стадо) плодъ,
На людзей здороуе.

Встарину, по разсказамъ, пѣніе весновскихъ пѣсенъ, не прекращалось въ теченіе всего Великаго поста, во въ послѣднее время, подъ вліяніемъ духовенства и болѣе сознательнаго отношенія къ христіанской вѣрѣ, въ Великій постъ пѣвецъ рѣдко слышится, а во вторую его половину почти совершенно прекращается. Но послѣ Пасхи, когда очистится отъ снѣга земля, молодежь обоего пола, по вечерамъ, собирается на пригоркахъ и тамъ пѣснями призываетъ весну. И такъ продолжается до Николина дня.

Не можемъ не привести одной изъ этихъ пѣсень, записанной нами въ Борисовскомъ уѣздѣ:

Дзякуй табѣ, Боже,
 Што зиму скончали,
 Што вясны дождали!
 Помажи намъ Боже,
 У добрый часъ начаци
 Вясну выкликаци!
 Придзи, придзи, весна,
 Придзи, придзи, красна,
 Къ намъ у таночикъ (хороводъ)!
 Привяси намъ збожжа (зернов. хлѣба),
 Привяси намъ красокъ (цвѣтовъ),
 Кабъ намъ звицъ вяночицъ!
 Ёдзицъ весна, ёдзицъ,
 На золатомъ *) кони
 Въ зяленомъ саяни,
 На сосѣ (сохѣ) сѣдзючи,

*) Въ бѣлорусскихъ сказкахъ очень часто упоминается о конѣ „золотая шерстинка—серебряная шерстинка“.

Сыру зямлю аручи,
 Правой рукой съючи,
 А смыкомъ скародзючи.
 Вязець, вязець весна,
 Вязець, вязець красна
 Ясные дзянёчки,
 Частые дождочки,
 Зялени травы,
 Красные цвяточки
 Намъ на вяночки

Въ основаніи этихъ призываовъ лежать, прежде всего, пережитки мифологическихъ вѣрованій народа, но эти вѣрованія поддерживаются также факторами психологического и экономического порядка. Во-первыхъ, всякому живому существу присуще стремленіе къ свѣту и теплу. А во-вторыхъ, надо имѣть въ виду, что къ веснѣ частенько крестьянъ постигаетъ безхлѣбница и корыни для скота бываютъ на исходѣ. Въ это время иногда и зажиточные мужики „солому сѣкуть—пироги пекутъ, сѣною подмазываютъ“, какъ поется въ бѣлорусской „веснянкѣ“. Это, разумѣется, гипербола, по въ иные годы она довольно близко подходитъ къ трезвой дѣйствительности. Въ такомъ случаѣ, какъ не ждать весны, когда она приносить съ собой „шматку-матку, дзигеля-батьку, щавель-братку, крапивку сестрицу“—травы, которыми питается весной отощавшій, полуголодный народъ. На его счастье красное солнышко работаетъ, борется съ чарами лютой зимы, топитъ ледяную кору, покрывающую землю, пробуждаетъ ручьи и погоды отъ зимняго сна. Злое чудо-

вище, зима, противится доброму солнышку, не поддается, посыаетъ свои послѣдніе морозы и метели, но изо дnia въ день ослабѣваетъ, словно бы изнемогая въ борьбѣ. И народъ, съ участіемъ слѣдившій за этой стихійной борьбой, живо заинтересованный въ ея скорѣйшемъ окончаніи, начинаетъ, по обычаю своихъ предковъ, выходя на взгорки, „выкликаетъ“ весну. И вотъ наконецъ она, какъ бы послушная призывамъ, одѣтая въ зеленый саянъ, вѣдетъ на золотомъ конѣ, въ сопровожденіи ясныхъ теплыхъ днѣй, осыпая свой торжественный путь цветами... Счастливая пора — гора любви, пора цветовъ!

Но для крестьянина этого мало. Онъ, конечно, знаетъ, что цветы красивы, но, какъ мы видѣли, болѣе помышляетъ о шпиткѣ-маткѣ, дзяголѣ-батькѣ и проочихъ травяныхъ кормильцахъ. Онъ еще далекъ отъ осуществленія своего завѣтнаго идеала человѣческаго благосостоянія, который въ томъ заключается, чтобы мужикъ могъ вдоволь поѣсть хлѣба съ березовикомъ. Обыкновенно такъ бываетъ, что есть березовый соекъ, да хлѣба пѣть; или же есть хлѣбъ, да березовику пѣть. Поэтому для белорусса весна не только „краса природы“, но главнымъ образомъ — время полевыхъ работъ, отъ которыхъ зависитъ все его благосостояніе. Поэтому его фантазія спабжаетъ весну аттрибутами земледѣлія: она сидить на сохѣ, хотя это и не совсѣмъ-то удобный экипажъ; она бороздитъ маты-сыру землю, сѣетъ хлѣбъ, и смыкомъ, первобытной бороной, устраиваемой изъ суковатыхъ словныхъ плаюкъ, связанныхъ вмѣстѣ, скородить посѣянное. Она посы-

лаеть частые дождики, столь необходимые для посевовъ. А въ золотомъ конѣ нетрудно видѣть одпо изъ уподобленій солнца, приносящаго весну.

Хотя въ настоящее время намъ не приходилось наблюдать особаго обряда встрѣчи весны, кромѣ простыхъ выкликаций, по, по рассказамъ, „за унілцкіхъ часовъ“ такие обряды совершались. Намъ передавала старуха-крестьянка, отъ которой мы записали вышеупомянутую весеняпку, что она въ молодости была участницей слѣдующаго обряда встрѣчи весны, обряда, въ то время распространеннаго почти по всѣмъ деревнямъ Борисовскаго уѣзда. Весной, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, подъ вечеръ, молодежь обоего пола собиралась на полѣ, предназначенному подъ яровые посѣвы. Раскладывали костры, приглашали „музыку“ — большую частію дударя (въ то время дудари были очень распространены въ Борисовскомъ уѣздѣ) и приступали къ выбору изъ дѣвушекъ „весноуки“. Въ выборѣ принимали участіе и парни и дѣвушки. Требовалось, чтобы избранница была красива и работяща. Ее украшали вѣнкомъ изъ весеннихъ травъ и цветовъ и сажали на „смыкъ“, застланный сверху плавуномъ; въ вѣрху вирягались молодые люди и возили „весну“ по полю вокругъ огней, при чемъ дѣвушки пѣли, подъ аккомпанементъ дуды, вышеупомянутую песню. После этого тутъ же возлѣ костра устраивались «танцы», хороводы. Молодежь, взявшись за руки, кружилась вокругъ «весновки», сидящей на беронѣ. Потомъ начинались обыкновенные танцы, въ которыхъ приглашала участію и «весновка». Необходимо было

безъ выпивки и закуски, при чечь первую доставляли парни, а вторую девушки.

Великодни. Къ особенностямъ празднованія Пасхи въ Бѣлоруссіи надо отнести хожданіе по домамъ „волочебниковъ“ для прославленія хозяевъ и собираянія „даровъ“. Хоръ волочебниковъ составляется не только изъ бѣдняковъ, но и людей зажиточныхъ, что лишаетъ волочебниковъ нищенскаго характера. Во главѣ хора стоитъ „почиальникъ“ — запѣвало, и музыка; кроме того есть еще „мѣхопоша“,носитель и хранитель „даровъ“, а остальные называются „подхватниками“. Погодйдя подъ окно со всему громадой, почиальникъ поетъ, сопровождаемый скрипачемъ, волочебную пѣсню, а подхватники послѣ каждого стиха выкрикиваютъ хоромъ припѣвъ: Христосъ воскрѣсть Сынъ Божій или: Зеленый садъ вишневый и др. Подаютъ имъ деньги, лайца, сыры, сбожже и кое-что изъ пасхальныхъ яствъ, въ изобиліи приготовляемыхъ къ этому торжественному дню. Изъ собраннаго устраивается общее для всѣхъ волочебниковъ угощеніе.

Въ содержаніи волочебныхъ пѣсень, слышанныхъ нами и записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, вѣтъ ничего такого, что указывало бы на христіанское значеніе праздника Пасхи, если не считать припѣва: „Христосъ воскресъ“, замѣняемаго вирочемъ и другими припѣвами, въ родѣ — „Зелена елка, зелена“, или: „Спѣвайте, молойцы, спѣвайте“.

„Великодніи“ начинается земледѣльческій годъ, и пѣсни великаны почти сплошь посвящены воспѣванію земледѣльческаго труда; даже волочебниковъ въ

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи (Новогрудск. и Слонимск. уѣзды) называютъ *ралешниками*, (отъ слова *ралля*, *оралья* — пахота), т. е. пѣвцами земледѣлія. Въ нихъ поется о томъ, какое участіе припимаютъ въ земледѣльческомъ труде „святые святочки“: какъ Сороки въ поле соху волокли, а святая Благовѣщенія запорывала; какъ св. Юрій, Божій ключникъ, землю отмыкаетъ, росу выпущаетъ; св. Борисъ „ляды палицъ“, а св. Микола по межахъ ходить — жито родить, св. Ушесъця (Вознес. Госп.) поле подметаетъ, св. Девятыникъ жито ровняеть, а Десятуха „краску“ даетъ, а Пятишка „краску“ снимаетъ; св. Петро косы острать, сѣно косить, св. Павла „грабли робицъ“, св. Илья, славная жнея, жито зажинаеть въ снопы вяжетъ, а Прачистая съ поля возитъ т. д. Большая половина этихъ пѣсенъ представляетъ «земледѣльческій календарь» въ родѣ приведенного. Другая часть пѣсенъ восхваляетъ хозяина и его домочадцевъ, при чемъ выставляется на видъ ихъ трудолюбіе и вытекающее отсюда благосостояніе: какъ на небѣ зори часты - густы, такъ у него (хозяина) на полѣ конны часты-густы; у него въ гумбѣ навезисто и намолотисто *), въ клѣти насыписто, въ мельнице — намелисто, въ дежѣ - хлѣбница — подыходисто и т. п. Обыкновенно этого рода прославленія оканчиваются пожеланіемъ быть „вясельмъ, якъ хороша весна, здоровымъ, якъ крипична вода и богатымъ, якъ сырья земля“.

Нигдѣ въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ не отводится

*) Особая форма бѣлорусск. нарѣчія и имени прилаг. съ усѣчен. оконч.; значитъ: много навезено, насыпано и т. д.

столь почетное мѣсто земледѣльческому труду, какъ въ волочебныхъ, и это, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ что въ нихъ почти не затрагивается христіанское значеніе Пасхи, по нашему мнѣнію, указываетъ, что эти шѣсни нѣкогда относились къ празднству нехристіанского происхожденія, къ празднству, которымъ наши предки означивали наступленіе „великихъ дней“, господства солнца, начала полевыхъ работъ, послѣ преобладающей зимою ночи,—дней, вѣроятно, посвящавшихся солнцу и другимъ земледѣльческимъ божествамъ, особенности которыхъ перенесены на святыхъ христіанской церкви, по христіанскому воззрѣнію ничего общаго не имѣющихъ съ тѣми свойствами, которыми имъ приписываются народомъ.

Празднованіе Пасхи не ограничивается трехя днами, какъ это установлено церквю, а продолжается гораздо долѣ: среда пасхальной недѣли празднуется „отъ граду“, и она такъ и называется „градовая середа“, четвергъ —отъ грома, пятница— отъ засухи, суббота— отъ падежа скота,— какъ видить читатель все это празднства, имѣющіе отношеніе къ земледѣлію. Нужно еще замѣтить, что название „великодни“ относится не къ одной Пасхѣ *), а ко всѣмъ празднствамъ, начиная съ Пасхи и до Миколы включительно. Юрій и Микола такъ и называются „святочками - великоличками“. При томъ на одного и другого перенесены свойства земледѣльческихъ божествъ:

Святый Юрій, Божій ключникъ,

*) Если белоруссы хотятъ указать именно на Пасху, то употребляютъ выраженіе „великъ-день“.

Землю одмыкае — росу выпущае;
 Росу выпущае, — статокъ выгоняе;
 Статокъ выгоняе, слоуцо вымоуляе:
 Кабъ тому статку не было упадку,
 Отъ того змѣя грамучаго,
 Отъ того гада бягучаго,
 Отъ той вѣдзьмы кароуницы.
 А св. Микола, старая особа,
 По межахъ ходзить — житцо родзить, —
 Ядронистое, колосистое —
 Зерня къ зерню — колосокъ у землю;
 Колосы гнутца, у землю бьютца и т. д.

(Село Погорѣлое, Ичум. упѣза).

Сообразно съ этими воззрѣніями, совершаются и обряды. На Юрья, до восхода солнца, каждый хозяинъ выгоняетъ освященой вербой свой скотъ въ поле на „Юрьеву росу“. Онь беретъ съ собой освященное яйцо, соль, кости отъ пасхальныхъ лествъ и угли съ домашняго очага. Все это зарывается по четыремъ угламъ поля, чтобы предохранить его отъ града, засухи и „заломовъ“. Потомъ скотъ гоитъ домой, и хозяйки сдаются его общему пастуху съ подпасками, который обыкновенно напимается къ этому времени и съ этого дня всушаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей. При этомъ пастуху приносятъ хлѣбъ, сыръ, масло и яйца *). Пастухи, выгнавъ стадо на поле, разводятъ огонь,

*) Въ Бѣлоруссіи пастухи 4 раза въ лѣто ходятъ за сбормъ въ свою пользу, который, въ большинствѣ случаевъ, платится натурою. Его кормятъ и одѣваютъ хозяева по педѣлямъ или сколько придется по расчету.

жарить яичницу себѣ на закуску, и, прежде чѣмъ приступить къ ъдѣ, обходить стадо съ хлѣбомъ и солью и съ горящими головнями въ рукахъ, при чѣмъ старшій пастухъ произноситъ заговоръ, который мы привели при описаціи обряда изгнанія „хлѣвника“.

Потомъ приступаютъ сами къ угощенню и коровъ кормятъ хлѣбомъ съ солью.

Въ недавнія времена, если цѣлая деревня или кто нибудь изъ ея обитателей были постигнуты неурожаемъ, то, чтобы обеспечить хороший урожай въ будущемъ году,правлялась мильтщина: въ первомъ случаѣ всей деревней, а во второмъ—отдельнымъ хозяиномъ Мильтчину такжеправляли въ благодарность за хороший урожай предыдущаго года.

Мильтчина—это „бесѣда“, пирушка, устраивавшаяся въ Николиѣ лѣтъ (9 мая) или наканунѣ, „на Николиаго батьку“ (Іоанна Богослова). Если ногода позволяла, то мильтчина устраивалась въ полѣ, а въ противномъ случаѣ въ домѣ. Всей-ли деревней она устраивалась на общія средства или однімъ хозяиномъ, но на эту „бесѣду“ приглашались всѣ односельчане, даже пиндіе, прохожіе и проѣзжіе. На празднике, угощившись водкой и медомъ, гости затягивали пѣсни въ честь св. Николая, которая такъ называются мильтскими. Теперь мильтчину справляютъ только пастухи да конюхи.

Намъ кажется вѣроятнѣмъ предположить, что это также остатокъ прежнихъ празднествъ въ честь земледѣльческаго божества.

Купала. Едва ли есть другое народное празднество,

болѣе богатое пережитками языческой старины, чѣмъ празднованіе купалы, въ ночь съ 23 на 24 іюня; къ этому празднеству относится много любопытныхъ возврѣвій, легендъ, преданій и обрядовъ.

Мы уже упоминали о цѣѣтніи папоротника въ ночь на купалу, о Купальскомъ Дѣдушкѣ, собирающемъ таинственные цвѣтки, дающіе всевѣдѣніе, въ томъ числѣ и средство къ нахожденію кладовъ. Кроме того, на купалу „солице играетъ“, т. е. распадается на нѣсколько солицъ, которые то разбѣгаются въ стороны, то соединяются въ одно солнце. Травы и цвѣты, собранныя въ этотъ день, приобрѣтаютъ особую силу — цѣлительную или чародѣйную.

Въ этотъ день дѣвушки и замужнія женщины разсыпаются по полямъ и лугамъ для сбора травъ и цвѣтовъ, которые на слѣдующій день приносятся въ церковь для освященія. Такія травы употребляются какъ лѣкарственное средство. Особенное значеніе придается „купалкѣ“. Къ сожалѣнію не можемъ привести ботаническаго названія этого растенія. Кажется, что это гапипсилус acris. Оно принадлежитъ къ стрилю сложноцвѣтныхъ и имѣть бѣлые пушистые цвѣтки, напоминающіе „барашки“ ивы, но имѣютъ чашелистики. Эти цвѣтки, подобно одуванчикамъ, при солнечномъ свѣтѣ подымаются свои головки и раскрываютъ свой пушистый вѣнчикъ. Ими пользуются для гаданий: втыкаютъ въ образамъ „купалку“, и если она на слѣдующій день окажется развернувшейся, это означаетъ исполненіе желания и на оборотъ. Растенія въ купальскую ночь разговариваютъ между собою, ходить

другъ къ другу въ гости, даже пляшутъ, только для обыкновенныхъ очей это не видно.

Клады на купалу выходятъ изъ-подъ земли па поверхность, „купаются и сушатся“; они въ это время „здаются“, представляются людямъ въ разныхъ образахъ, чаще всего въ видѣ огня или жара, который, при приближеніи къ нему, мгновенно исчезаетъ. Чтобы овладѣть кладомъ, надо знать какое заклятие на него положено. Заклятия же кладутся страшныя, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: кто мертвымъ заарець (будетъ пахать), той гдѣя гроши споживець; или: что тутъ сына забьець, той гдѣя гроши споживець и т. п. По поводу первого заклятия рассказываютъ, что его наложилъ было одинъ старикъ, пряча передъ своею смертью деньги, чтобы они не достались его дѣтямъ, которыхъ онъ не любилъ. А невѣстка и подслушала его заклятие. Какъ только умеръ старикъ она позвала своего мужа и рассказала ему о заклятии. Дѣлать нечего: не прощадить же деньги! Тотчасъ надѣлъ отцу хомутикъ, запрягли его въ соху и стали бороздить сѣни, гдѣ былъ зарытъ кладъ: деньги сами и вынырнули изъ земли. Другой же, зарывая деньги въ гумниѣ, заклиналъ ихъ такъ: кто голѣву положиць, той мое гроши возьмиць. Ему казалось, что его сокровище окажется навсегда недоступнымъ для людей. Ань вѣть. За нимъ подсматривалъ зять и воспользовался его оплошностью — тѣмъ, что онъ не упомянулъ — какую голову надо положить. Принесъ зять пѣтуха, отрубилъ ему голову на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ кладъ, и тотчасъ же безпрепятственно добылъ деньги.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ указываютъ гору, на которой, по преданію, стоялъ замокъ, въ подвалахъ которого скрыты несмѣтныя сокровища. Но владѣлецъ замка наложилъ на нихъ мудреное заклятие: никакъ ими овладѣть нельзя. Въ давнія времена, на кушалу, эти деньги „пересушивались“: земля разступалась, были видны желѣзныя рѣшетки, а за ними блестѣло золото, пересыпаясь въ „акваркахъ“. Какъ ни ломали рѣшетки—не поддаются. Пробовали на длинныя жерди наматывать тряпки; макали ихъ въ горячую смолу и погружали въ боченки съ золотомъ: пристануть червонцы къ смолѣ, а какъ станешь вытаскивать шалку вонъ, они всѣ и попадають. Народъ просто съ ума сходилъ, такъ что ксензы, для прекращанія соблазна, наложили новое заклятие, и кладъ явился пересталь.

Въ эту ночь снится вѣціе сны. Вотъ одинъ образчикъ. Снилось мужику, что онъ на такомъ-то мосту найдеть деньги. Онъ и пошелъ туда искать ихъ. Искалъ, искалъ—не нашелъ. Зашелъ къ мельнику, что возль моста жилъ, и разсказываетъ, какой онъ странный сонъ видѣлъ, повѣрилъ этому сну и обманулся. Мельникъ ему и говорить: „Не всякому сну вѣрь. Вотъ и мнѣ нѣсколько разъ снилось, что у такого-то (называетъ имя нашего искателя), живущаго тамъ-то, подъ печью деньги зарыты. Тогда догадался пашъ искатель, что значиль его сонъ. Пришелъ домой, стала рѣть подъ печкой и нашелъ деньги.“

Въ этотъ же день, по повѣрію, „вѣдьмы-коровицы отбираютъ молоко у коровъ“, „портятъ статокъ“. У „порченой“ коровы или удой уменьшается, или

молоко дѣлается жидкимъ, лишеннымъ сливокъ; это значитъ, что молоко и сливки „отобраны“ вѣдьмой и перенесены на ея коровъ; у нихъ, вслѣдствіе этого, молоко становится такъ густо, что во время доенія „сбивается“ въ комочки масла.

Для этого вѣдьма въ купальскую ночь ходить по огородамъ, собираетъ цѣдилкой росу въ подойникъ, даетъ ее пить своимъ коровамъ и обмываетъ имъ росою вымя. Отъ этого пропадаетъ молоко у коровъ тѣхъ хозяевъ, у которыхъ такимъ образомъ собрана роса. Еще собираютъ камни по чужимъ дворамъ и употребляютъ ихъ для „паренья“ молочныхъ горшковъ. Поэтому заботливые хозяйки всю купальную ночь стерегутъ свои огороды, чтобы „коровница“ не собрала на нихъ росы.

Какая связь между собираемъ росы и убылью молока? Намъ объясняли, что роса это „сокъ земли“, дающій растеніямъ питательность; что роса можетъ быть живительная и вредоносная. Первымъ свойствомъ она особенно отличается на Юрья, потому-то и выгоняютъ скотъ на Юрьеву росу. На купалу же она „молочная“: повѣrie говоритьъ, что въ былья времена случалось, что если намочить цѣдилку въ купальской росѣ, то съ нея лилось настоящее молоко. Объясненіе, очевидно, недостаточное, но другого народъ не знаетъ; первоначальный смыслъ этого воззрѣнія, кроющейся въ особенностяхъ первобытнаго мышленія, въ настоящее время утерянъ.

Вѣдьмы могутъ портить росу и тѣмъ вредить скоту. Для того, чтобы узнать вредная ли роса или

нѣть, захарки вывѣшиваются на ночь тряпичку и утромъ пробуютъ — какова роса на вкусъ: если сладковата, значитъ порчевая, и тогда нельзя выгонять скота на пастбище, пока не обсохнетъ роса, иначе скотъ можетъ заболѣть или въ молокѣ будетъ показываться кровь.

На Купалу, чтобы предохранить коровъ отъ порчи, прогоняютъ ихъ чрезъ огонь, разложенный у воротъ. Если же и это не поможетъ, и молоко будетъ отобрано, тогда варятъ цѣдилку въ „купальскомъ зельѣ“ и отваръ даютъ пить коровамъ. Такимъ вывариваниемъ цѣдилка достигается и другая цѣль: вѣдьма, отбравшая молоко, должна отъ этого исчезнуть, если только ей ничего не одолжить въ теченіе трехъ дней.

Купала вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ огня. Въ купальскую ночь молодежь обоего пола собирается на полянку „въ житнюю смѣшку“; тамъ раскладываютъ огонь; приносятъ съ собой водку, купленную въ складчину; дѣвушки жарятъ яичницу изъ принесенныхъ яицъ. Когда все готово, садятся вокругъ огня и закусываютъ. Потомъ зажигаютъ старое колесо, облитое дегтемъ и насыженное на жердь. Этую жердь вбиваютъ въ землю такъ, чтобы колесо высоко горѣло. Когда одно колесо сгоритъ, зажигаютъ другое и такъ далѣе, если только они припасены — и пляшутъ вокругъ колеса, взявшись за руки, подъ пѣніе купальскихъ пѣсень или „купалокъ“. Прежде всего поется пѣсня очевидно сложенная въ честь солнца:

Купальская ночка короткая,—соунійка, соунійка!

Соунійка рано усходзила—соунійка, соунійка! *)
 Рана уснадзила поле освяцила;
 Дэ́вокъ, хлопцоу будзила,
 Работку давала—у поле посыпало,
 Кабъ хлопчики огни палили,
 Поле свяцили, жита пильновали,
 Кабъ вёдзьмы заломоу не ломали,
 У кароу малака не 'тбирали.
 Отбери, Божа, таму ручки-ножки,
 Выдаари, сова, со лба вочкі,
 Кабъ яны свѣту не бачили,
 Яснаго сонца на видзѣли!
 А дэ́вочки кабъ жита зажинали,
 Краски-цвяточки сбирали,
 Ваночки звивали,
 На галовоньку клали,
 У таночку скакали,
 Хлопцоу привабляли.

Послѣ этого парни и дѣвушки, по парно и въ одиночку, прыгаютъ черезъ огонь, чтобы очистить себя и предохранить отъ „немочей, порчи и заговровъ“.

На этомъ, повидимому, кончается одна часть праздничного обряда, посвященная очевидно лѣтнему солнцу и его земному замѣстителю—огню (надо сказать, что все это совершается по традиціи, безъ сознательного пониманія значенія обряда), и начинается другая часть, напоминающая одно изъ тѣхъ праздествъ любви, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, когда описываетъ

*) Слова: соунійка, соунійка,—повторяются послѣ каждой строчки.

обычай Съверянъ, Радимичей, Вятычей и Кривичей: „браци (браковъ) не бываху въ нихъ, но игрища, межю селы. Схожахуся на игрища, на плясаніе, и на вся бѣсовськая игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщащеся“.

Мы уже говорили, какъ связывается въ понятіи народа въ одно цѣлое представлениe о солнцѣ, какъ началъ плодородія, съ одной стороны — и любви съ другой. Несомнѣнно, что эта связь устанавливается посредствомъ аналогіи между плодородiemъ земли и дѣтоворожденіемъ. Подобно тому какъ плодородіе земли въ представлениe народа является послѣдствиемъ живительнаго дѣйствія солнца, какъ бы оплодотворяющаго землю, такъ и чувство любви и дѣтоворожденіе, при помощи уподобленія, подводится подъ дѣйствіе, какъ часть къ общему, того же начала, дающаго жизнь всему, — солнца. Кроме того, весной, лѣтомъ, т. е. во время господства солнца, происходитъ, какъ известно, спаривание животныхъ, что первобытная мысль могла приписывать вліянію солнца.

Какъ бы тамъ ни было, но дальнѣйшіе обряды празднованія купалы сохранили ясные слѣды любовнаго культа. Такъ въ Борисовскомъ уѣздѣ, послѣ описанного нами, дѣвушки съ вѣнками на головахъ изъ цвѣтовъ и ржаныхъ колосьевъ, становятся въ перемежку съ парнями, составляя, такимъ образомъ, новый хороводъ. Тѣ изъ дѣвушекъ, которыхъ сосватаны, запасаются „рушинками“ или кусками тонкаго холста, своего издѣлія. Всѣ кружатся, и дѣвушки поютъ пѣсню, въ которой выхваляютъ достоинства однихъ парней и

оси́зываются недостатки другихъ: у такого-то голова, какъ ведро,—воду носить, волосы, какъ помело,—печь выметать; языкъ, какъ лопата,—хлѣбъ сажать; носъ какъ „копачъ“—навозъ разбрасывать; руки, какъ грабли—сѣно согребать; ноги, какъ „кочережки“,—жаръ загребать. А у такого-то кудрявая голова,—дѣвушекъ приманивать, ясные очи, дѣвушекъ высматривать, румяные губы—дѣвушекъ цѣловать и т. д.

Потомъ выходить на средину хоровода одна изъ дѣвушекъ сосватанныхъ (ивогда, впрочемъ, выходять вмѣстѣ всѣ сосватанные или обручевные) и закрываетъ себѣ лицо, „чубромъ“, покрываючи изъ холста. Тогда поютъ:

Ишла купалка саломъ, саломъ,
Закрыши вочки чубромъ, чубромъ,

Довала хлопцамъ чаломъ, чаломъ, (въ это время дѣвушка кланяется на всѣ стороны).

Стали людзи дзивитися

Стала купалка сваритися:

Ахъ вы, людзи, вы дзіуные!

Чи вы на вулку не ходзили,

Чи вы купалки на видзѣли,

Чи вы цвяточкоу не сбирали,

Чи вы вяночкоу не звивали

Чи вы у таночикъ не ходзили,

Чи вы дзѣвокъ не зводзили?

Потомъ купальщица начинаетъ выбирать себѣ парня „до пары“. Въ прежнія времена брали того, кто попадется; теперь же умудряются выбрать или жениха или того, кто нравится, потому что парни обыкно-

венно подаютъ голосъ, перебрасываясь шутками, часто очень нескромными. Намъ приходилось слышать отъ „ревнителей старины и отеческихъ преданій“ порицаніе такому новшеству: „бяри того, кто попадзетца: на тое стародавній звычай!“

Избранники снимаютъ съ купальщицъ покрывало и новязываютъ себѣ на руку или черезъ плечо, какъ это дѣлается на свадьбѣ. Это имъ дарь, „на рукавы“, какъ говорится въ Бѣлоруссіи. Въ это же время поютъ:

На мори вуточка купалася,
На бережку сушилася;
Млада Ганнулька зажурилася,
Што яе дары не прадзены,
Хоць прадзены, не снованы,
Хоць снованы, дыкъ не тканы,
А хоть тканы,—не балены,
Хоць балены,—не качаны,
Хоць качаны,—не рѣзаны,
Хоць рѣзаны,—но дзѣляны.
А хтожъ тые дары дариць будзе?
Будзе дариць млада Ганнулька:
Таму-саму по локцику,
Свайму суженьку на. мѣручи.

Потомъ поются другія купальскія пѣсни, которыя, по своему содержанію очень напоминаютъ „масляничныя“ пѣсни. Тутъ нарѣканія на свекра, на мужа, которые непускаютъ молодую „на купалійка, дѣвоцкое гуляційка“; тутъ преподаются совѣты за кого выходить замужъ—за старого или молодого; какую

выбирать себѣ невѣсту — богатую или бѣдную и т. п. А также поется баллада, распространенная въ Бѣлоруссии во множествѣ вариантовъ, о томъ, какъ братъ женился на сестрѣ и какъ они обратились въ „братья“ — цветокъ Иванъ-да-Марья. Пѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока колесо сгоритъ и костры потухнутъ. Тогда парни бросаются хватать дѣвушекъ. Попадается свалка: женихъ отбиваетъ свою невѣсту, если она выбрала другого; поклонники одной и той же дѣвушки начинаютъ оспаривать ее другъ у друга; дѣвушки вырываются изъ рукъ тѣхъ парней, которые имъ не нравятся; другое же счастливые пары стараются, подъ шумокъ, убраться подальше въ рожь, если они не успѣли этого сдѣлать прежде; наконецъ, такъ или иначе, вопросъ улаживается, и всѣ „пары“ расходятся по ржи, въ двоемъ коротать ночку, встрѣчать восходъ солнца.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ этотъ обрядъ даренія „рукавовъ“ совершался съ тою особенностью, что невѣста дарила *всѣхъ* парней.

Въ другихъ мѣстностяхъ мы этого обычая совершенно не встрѣчали. Просто жгутъ костры, иногда изъ разныхъ отбросовъ и негодныхъ вещей, поютъ пѣсни, прыгаютъ чрезъ огонь, и, пользуясь темнотою, мало по малу, расходятся влюбленныя пары.

Изъ того, что мы описали, можно подумать, что купалка праздникъ «свободной любви». Можетъ быть оно когда-нибудь такъ и было. Но въ послѣднее время это не болѣе, какъ обрядъ, и отношения молодыхъ людей слишкомъ далеко не заходятъ. Могутъ, конечно,

быть исключений, но они случаются и помимо купальскихъ обрядовъ и случаются всего чаще тамъ, где бытовой укладъ жизни бѣлорусса пошатнулся: въ мѣстечкахъ, городахъ, вблизи желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ. Гдѣ же крѣпокъ коренной строй жизни бѣлорусса, тамъ этого почти не бываетъ. Въ такихъ мѣстахъ женихи года по два спать на однихъ съновалахъ съ невѣстами и однако это почти не отражается на нравственности молодыхъ людей. Главная причина такой сдержанности—сила общественного мнѣнія деревни. Въ Бѣлоруссіи широко распространено свадебный обычай „сводить“ жениха и невѣstu и потому презъявлять гостямъ рубаху. Если не окажется доказательствъ „честности“, то это покрываетъ позоромъ семью невѣсты и для нея самой влечетъ многія непріятныя послѣдствія. Обычай, конечно, въ высшей степени грубый, дикій, варварскій, но его влияніе велико.

Однако надо отмѣтить, что въ дослѣднее время многіе женихи, изъ числа побывавшихъ въ школѣ, нѣрѣдко протестуютъ противъ этого постыдного обряда; но невѣсты все еще консервативны, —конечно, только тѣ изъ нихъ, которыхъ могутъ публично щегольнуть тѣмъ, что они „блюли“ себя. Иногда даже плачутъ, если имъ отказываютъ въ этомъ варварскому тицеславію, особенно въ томъ случаѣ, если было на счетъ ихъ „честности“ какое-либо сомнѣніе. Въ этомъ онѣ всегда встрѣчаютъ настойчивую поддержку въ старомъ поколѣніи, которое, съ одной стороны, довольно ревниво относится къ сохранившему старину, а съ другой—не желаетъ лишиться „солидной горѣлки“.

Намъ кажется, что въ описанныхъ нами обрядахъ съ достаточной ясностью отразился древній обычай умыканиіа невѣстъ, а въ обрядѣ даренія парней и слѣпого выбора «пары», — намекъ на первобытое общинаое право мужчинъ на всѣхъ женщинъ, принадлежащихъ къ данной общинѣ. Это нѣчто въродѣ выкупа, освобожденія себя отъ принадлежности всѣмъ мужчинамъ общини, для того, чтобы внослѣдствіи принадлежать исключительно одному, какъ о томъ поется въ купальской пѣснѣ:

Дружочки на одну почку,
А сужаньку на увесь вѣкъ.

Не случайно, конечно, принаровлена къ праздновавшю Купалы и баллада „о браткахъ“, столь распространенная въ Бѣлоруссії, какъ ни одна пѣсня. Вѣроятно она служить отголоскомъ того далекаго прошлаго, когда было въ обычая супружеское сожительство въ ближайшихъ степеняхъ родства. На это также намекаютъ нѣкоторые обряды бѣлорусского свадебнаго ритуала, какъ напримѣръ, обрядъ выкупа женихомъ у брата невѣсты ея косы, съ которой обыкновенно соединяется понятіе о дѣвичествѣ.

*Богачъ *).* Въ Игуменскомъ уѣздѣ „Богачомъ“

*) Такъ какъ описание празднованія „богача“, сколько намъ известно, впервые появляется въ печати, то, въ видахъ дальнѣйшаго дополненія нашего описанія, считаемъ нужнымъ указать, что мы наблюдали эти празднества въ Игуменскомъ уѣзде, гдѣ оно бытуетъ во многихъ деревняхъ, преимущественно Погорѣльской вол. Также „богачъ“ празднуется въ Волковыскомъ уѣзде, Гродненской губерніи.

называютъ Рождество Богородицы (8-го сентября); послѣднее название почти не извѣстно народу *).

Въ жизни земледѣльца это самое счастливое время—время сравнительного довольства, когда и убѣдника есть хлѣбъ на столѣ, а у богатыхъ, „какъ князья скирды широко сидѣть, поднявъ головы“. Отсюда понятно, почему народъ называетъ „богачомъ“ праздники, совпадающій со временемъ окончательной уборки хлѣба и хозяйственнаго обилія. Но есть факты, заставляющіе думать, что „богачъ“—одно изъ земледѣльческихъ божествъ до-христіанскаго періода, одно изъ видоизмѣненій несторовскаго Даждь бога солнца, бога изобилія, богатства, на что указываетъ и самое имя его. Представленіе обѣ этомъ богѣ стерлось въ памяти народа, но указанія на то, что онъ, этотъ богъ, нѣкогда занималъ мѣсто въ вѣрованіяхъ бѣлорусса, сохранилось въ обрядахъ. Хотя „богачемъ“ называются собственно Рождество Богородицы, но празднованіе „богача“ спрѣвляютъ не только въ этотъ день, а и въ другіе праздники, близкіе къ осеннему равноденствию. Если, напримѣръ, въ деревнѣ есть церковь или часовенька въ память святаго, празднуемаго въ это время, то и празднованіе „богача“ приурочивается къ этому дню.

Главную роль въ обрядѣ этого празднества играетъ „богачъ“ или „богатце“. Это „лубка“ ржи со вставленной въ нее восковой свѣчой. „Богачъ“ стоитъ въ

*). Въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи этотъ праздникъ называется Малая Прачистая, въ отличіе отъ Усценія — Большой Прачистой.

течение цѣлаго года въ домѣ очереднаго хозяина, въ почетномъ углу, подъ иконами. Въ этотъ день свѣча зажигается. Приглашается священникъ для служенія молебствія, которое и служится прежде всего въ томъ домѣ, гдѣ стоитъ „богачъ“. Потомъ хозяинъ, вслѣдъ за священникомъ песятъ „богача“ въ слѣдующій дворъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ хозяева. Для встрѣчи ставятъ въ дворѣ столъ, покрытый бѣлой скатертью и установленный „лубками“ ржи, пшеницы, ячменя или другаго хлѣба. „Богачъ“ ставится на столъ къ хлѣbamъ, и служится краткое молебствіе. Священникъ и все его сопровождающіе приглашаются въ лату для угощенія, при чемъ „богачъ“ ставится на покути. И такъ обходить по очереди все дома. Зерновый хлѣбъ, которымъ встрѣчали „богача“ идетъ въ пользу причта.

На другой конецъ села сгоняютъ весь скотъ, и когда обойдутъ все дворы, то обносятъ „богача“ во кругъ скота. Послѣ этого относятъ его въ домъ къ очередному хозяину, гдѣ онъ и остается цѣлый годъ. Онъ, по повѣрію приносить, въ домъ богатство и счастье.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рожь и воскъ для „богача“ собирается со всей деревни и подиѣняется только тогда, когда „богачъ“, по очереди, обойдетъ всю деревню или же когда свѣча сгоритъ. А въ другихъ мѣстностяхъ рожь и свѣча подиѣняются ежегодно очереднымъ хозяиномъ, при чемъ рожь для этого вымолячиваются изъ первого, „зажиночнаго“ спона *).

*) Первый спонъ (зажиночный), подобно дожиночному вѣнку, посемѣнило въ Бѣлоруссии пользуется особымъ значеніемъ; его каждый хозяинъ, привезя домой, ставитъ въ почетномъ углу. Это соблюдается и тамъ, гдѣ „богача“ совсѣмъ не празднуютъ.

Въ послѣднемъ случаѣ подмѣненная „богачоват“ рожь смыкается съ обыкновенной и употребляется на свѣтепа. Приготовленіе смѣчи сопровождается общей вечерей всѣхъ участниковъ и особыми пѣснями, напоминающими „дожинковыя“.

Не есть ли это соединеніе зерноваго хлѣба, символа благосостоянія, со свѣчою, символомъ свѣтоноснаго начала, не есть ли это прообразомъ солнца Даждь-бога, источника свѣта и вѣстѣ съ тѣмъ покровителя земледѣлія, слѣдовательно бога обилія и благосостоянія? Вѣдь трудно придумать болѣе подходящую символизацію солнца, согласно первобытному представлению о немъ, какъ о богѣ земледѣлія. Кроме того, то обстоятельство, что празднованіе „богача“ болѣе или менѣе совпадаетъ со временемъ осеннаго равноденствія, также отчасти указываетъ на принадлежность этого празднества къ солнечному культу, и если это вѣрно то такимъ образомъ заполняется пробѣлъ въ циклѣ празднествъ въ честь солнца. Одно изъ этихъ празднествъ несомнѣнно должно было справляться осенью. Если коляды посвящались зимнему солнцу, масленица и великодни—весеннему, купала—лѣтнему, то было бы не понятно отсутствіе празднества въ честь осеннаго солнца, тѣмъ болѣе непонятно и необъяснимо, что въ это именно время первобытный человѣкъ видѣлъ плоды его благодѣтельного влиянія.

Надо еще замѣтить, что по-бѣлорусски слово „богачъ“ не употребляется въ томъ смыслѣ, какъ въ русскомъ языке—въ смыслѣ богатый человѣкъ. Въ этомъ смыслѣ бѣлорусы употребляютъ „богатырь“ или при-

лагательное — богатый. А „богачъ“ употребляется только въ вышеуказанномъ смыслѣ, т. е. какъ народное название Рождества Богородицы и лукошка съ зерновымъ хлѣбомъ и свѣчой; послѣднее, впрочемъ, не всюду называется „богачемъ“.

V.

Олицетвореніе зла.

Вообще человѣкъ субъективенъ, а первобытный человѣкъ въ особенности. Поэтому всѣ явленія виѣшнаго міра онъ разсматриваетъ по отношенію ихъ къ самому себѣ и дѣлить ихъ на полезныя и вредныя для него, человѣка. На дальнѣйшей ступени своего интеллектуального развитія, когда человѣкъ уже успѣть выработать начала нравственности, различеніе добра и зла, онъ склоненъ относить полезное для себя къ болѣе общей категоріи добра, а вредное къ категоріи зла.

Древнимъ славянамъ, какъ народу арійского корня, было не чуждо подобное подраздѣленіе; такъ мы встрѣчаемъ у нихъ бѣль-боговъ и черно-боговъ, и послѣдователѣ, вѣроятно, имѣли болѣе или менѣе демонической характеръ, противились благимъ начинаніямъ бѣль-боговъ. Но славяне не стояли на такой высокой степени развитія, чтобы въ ихъ вѣрованіяхъ это разделеніе достигло той определенности и того значенія, какъ въ религії Зороастра. Съ принятіемъ же христианства боги того и другого порядка еще болѣе смѣ-

шались, ибо съ точки зрењія христіанства тѣ и другіе—бѣсы. Однако бѣлорусы еще и до сихъ поръ дѣлаютъ различіе между домовыми и олицетвореніями стихійныхъ силъ съ одной стороны и между чертами съ другой; по крайней мѣрѣ такое различіе сказывается въ возврѣшиахъ бѣлорусса на тотъ и другой родъ нечистой силы.

Чортъ—это, такъ сказать, принципіальный противникъ всего благаго, это чистое олицетвореніе зла. И водяной, и лѣшій, и другіе стихійные боги могутъ дѣлать зло, но могутъ и не дѣлать его; а чортъ не можетъ: такова ужъ его натура. Если онъ и дѣлаетъ иногда будто бы добро, такъ это только въ видахъ достиженія большаго зла. Опь неотступно слѣдитъ за человѣкомъ, норовить воспользоваться всякой возможностью, чтобы причинить ему вредъ, ввести его въ грѣхъ, погубить его душу. Онъ особенно силенъ и наязчивъ, когда воля человѣка слаба, сознаніе смутно, такъ напримѣръ, когда человѣкъ пьянь. Тогда чортъ, сиѣло выступаетъ на борьбу съ нимъ и не скрывается а принимаетъ свой настоящій видъ. Каковъ же этотъ настоящій видъ? Нѣчто въродѣ изображенія сатировъ: на головѣ рога, козлиная бородка, двухкопытныя или однокопытныя ноги, коровій хвостъ, на рукахъ длинныя когти, тѣло покрыто шерстью. Кто изъ чертей поважнѣе, тотъ, вдобавокъ, еще хромъ и горбатъ. Чортъ также часто принимаетъ образъ козла. Въ этомъ видѣ онъ любить подшучивать надъ простодушными людьми. Когда разразится гроза или дождь, чортъ

прикинется козликомъ и начинаетъ жалобно блеять. Сердобольный человѣкъ, возметъ его въ полу и несетъ домой, чтобы отогрѣть. А черту только этого и надо: съ крещеной душой ему безопаснѣй отъ грома, да и приятно заставить человѣка поднести себя. Чѣмъ дальше идетъ человѣкъ, тѣмъ козликъ становится тяжелое. Человѣкъ, изнемогая подъ тяжестью, еле дышеть, а козлика жаль бросить—такъ онъ жалобно блеетъ. Но вотъ уже и домъ. Тутъ козликъ, выпрыгнувъ изъ полу, расхохочется дикимъ голосомъ, сдѣлаетъ неприличіе—и только его гидѣли.

Чортъ любить сбивать путниковъ съ дороги, сбрасывать колеса съ осей во время ъзды, заводить пьяныхъ въ болота или въ проруби.

Черти бываютъ большаго и меньшаго калибра, но величественнаго образа сатаны, какъ онъ рисуется воображению поэтовъ, народъ не знаетъ: бѣлорусскій чертъ вообще мелкотравчатый. Мы уже говорили, что болѣе могущественными чертами считаются тѣ изъ нихъ, которые хромы и горбаты. По поводу пріобрѣтенія или этихъ уродствъ существуетъ предавіе, что черти когда-то воевали съ ангелами, были побѣждены ими и сброшены съ неба на землю. Летѣли они, какъ черная туча, какъ снѣгъ, летѣли долгое время. Мелкие черти во время паденія отдалились сравнительно дешево—получили легкіе ушибы и только; а крупные, какъ болѣе тяжелые, поломали ноги, понабивали горбы. Такъ и остались они навсегда хромыми и горбатыми. Кромѣ того, во время небесныхъ войнъ многие изъ нихъ получили тяжелыя раны и увечья. А глав-

ный чортъ, который всѣми ими предводительствовалъ, былъ закованъ ангеломъ въ цѣпь и посаженъ въ каменную гору *). Когда этотъ чортъ поворачивается въ горѣ или въ ярости начинаетъ рвать цѣпь и метаться, то земля дрожитъ, горы трескаются. Цѣпь его чрезвычайно толста, но каждый годъ грѣхи людей перѣѣдаются ей, какъ ржа желѣзо. Случается, что къ Пасхѣ она становится тонка, какъ волосъ, но все таки держитъ чорта. Лишь только запоютъ «Христосъ воскресе» на пасхальной заутрени, она снова становится такою же толстой, какъ была прежде. Но когда грѣхи людей до того умножатся, что перѣѣдять цѣпь совершаенно, тогда будетъ кончина міра: дьяволъ освободится и все разрушитъ; если же люди постараются поменьше грѣшить, то міру и конца не будетъ.

Бѣлоруссы воображаютъ, что на днѣ неприступной трясины возсѣаетъ старшій чортъ и оттуда разсылаетъ подвластныхъ ему чертей для искушения люда, выслушиваетъ отчеты о ихъ дѣятельности, подаетъ имъ совѣты, какъ достичь болѣе успѣшныхъ результатовъ, и наказываетъ лѣнивыхъ. Между ними существуетъ довольно длинная іерархія, но честности въ ихъ средѣ вѣтъ и въ поминѣ; напротивъ, подчиненные всячески норовятъ обмануть начальниковъ, увильнуть отъ задавной работы, особенно если она тяжела и непріятна, и избѣжать наказанія. Такія черты ихъ характера силошь и рядомъ встрѣчаются въ тѣхъ бѣлорусскихъ сказкахъ, гдѣ фигурируютъ черти. Пред-

*) Этого чорта нерѣдко называютъ цмокомъ. Цмокъ собственно значить драконъ.

полагаются у нихъ и половая и возрастная различія: есть черти, чертовки и чертеныта. Однако чортъ не прочь вступить въ половую связь и съ обыкновенной смертной. Отъ такого общенія рождаются чудовища и уроды, не имѣщіе никакого подобія человѣческаго. Тотчасъ же послѣ рождения они исчезаютъ съ взгомъ и хохотомъ.

Чортъ—источникъ зла на землѣ. По космогоническому преданію, широко распространенному въ Бѣлоруссіи, онъ, участвуя въ созданіи земли, внесъ въ нее все злое.

Вотъ это преданіе.

Въ началѣ вода покрывала землю. Богъ приказалъ чорту вырнуть на дно и достать оттуда горсть земли. Чортъ спустился на дно, захватилъ горсть земли, но не всю отдалъ Богу, а спряталъ часть во рту. Богъ взялъ въ руки горсть земли, благословилъ ее и бросилъ на воду,— и земля стала расти, разширяться, покрывать воду гладкимъ и ровнымъ, какъ токъ, слоемъ. Но стала расти и та земля, что была у чорта во рту, стала раздирать ему ротъ. Чортъ, корчась отъ боли, сталъ кататься по землѣ и выплевывать изо рта землю. Долго онъ катался такъ и плевалъ. Оттого поверхность земли сдѣлалась гористой, и земля мѣстами отравилась чортовой слюной. Поэтому, когда Богъ, подготовляя землю для человѣка, посыпалъ жито (ржь), пшеницу, ячмень, просо, яблони, груши и цѣлебныя травы, то мѣстами выросъ пурпур, «кастеръ», лебеда, блекотъ (бѣлена), застыръ (терновникъ) и всѣ другія вредныя растенія. Потомъ

Богъ создалъ полезныхъ животныхъ: лошадей, коровъ, овецъ, собакъ... Но вѣкоторыя изъ нихъ, не умѣя различать полезныхъ травъ отъ вредныхъ, наѣлись ядовитыхъ и превратились въ волковъ, россомахъ, медвѣдей и прочихъ вредныхъ животныхъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока животные не научились различать полезныя травы отъ ядовитыхъ. Слѣпиль Богъ изъ глины человѣка, дохнулъ на него, и человѣкъ зашевелился, ожилъ. Чортъ это все видѣлъ. Онъ улучилъ мишуту, когда человѣкъ спаль, дохнулъ на него,—и вселился въ человѣка также и злой духъ, и человѣкъ получилъ склонность ко злу.

(М. Холопеничи, Борисовск. уѣзда)

Этотъ разказъ циркулируетъ въ Бѣлоруссіи въ нѣсколькихъ вариантахъ; мы выбрали самый типичный, въ которомъ наиболѣе ясно и послѣдовательно приведена идея, что все зло на землѣ отъ черта. Но не довольствуясь этимъ искояннымъ зломъ, онъ употребляетъ всѣ усилия, чтобы его увеличить, чтобы больше и больше причинять вреда людямъ, чтобы въ конецъ погубить ихъ души. Въ этомъ отношеніи и сами люди являются ему ревностными пособниками, вступая въ связь съ нечистой силой.

VII.

Сообщники нечистой силы.

Въ любой мѣстности Бѣлоруссіи вамъ укажутъ людей обоего пола, которые, какъ говорять бѣлоруссы, „знатца зъ печистикомъ, свояки чорту, свою душу ему запродали“. Называютъ ихъ разно: чароушками и ча-роуницами, (иногда, по рѣдко, колдунами), захарини и захаркими, ворожбитами, вѣдзымаками и вѣдзынами, возкулаками и пр. Всѣ эти названія упоминаются въ памятникахъ нашей древней письменности, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ другихъ, несохранившихся въ современномъ бѣлорусскомъ говорѣ, какъ напримѣръ— кудесникъ, волхвъ, вѣщаая женка. Въ этихъ памятникахъ они употребляются какъ синонимы: вѣдунъ, знахарь, колдунъ, кудесникъ—все это названія, указывающія на *высшее вѣдѣніе*. Такъ называли людей одаренныхъ необыкновенною мудростью, даромъ предвидѣнія, пророчества, поэтическаго творчества, обладающихъ знаніемъ священныхъ заклятій, жертвенныхъ и очистительныхъ обрядовъ, умѣнемъ совершать гаданія и врачевать недуги. Въ настоящее время народъ дѣлаетъ нѣкоторые различія между этими назва-

віими, смотря по тому, съ какого рода нечистой силой виѣютъ дѣло данные чаровники, съ какою цѣлью употребляютъ они свое таинственное знаніе и по другимъ причинамъ. Быть вѣдьмой, вѣдьмакомъ, вовколакомъ, съ точки зрѣнія бѣлорусса, болѣе предосудительно, чѣмъ быть просто чаровникомъ: разные чаровники бываютъ. Вѣдьмой, вѣдьмакомъ, вовколакомъ бѣлоруссы ругаются, какъ чѣмъ-то позорнымъ, во этого не замѣчается относительно слова чаровникъ, ворожбить и захарь. Слыть захаремъ даже почетно. Захари и захарки употребляютъ свои познанія больше на пользу ближнаго, а вѣдьмаки и вѣдьмы почти никогда. Чаровникомъ называютъ вообще того, кто умѣеть совершать чары, то-есть такие суевѣрные, таинственные обряды, заклинанія, которыми подчиняются стихійныя и другія силы. Впрочемъ, не всякий чаровникъ умѣеть совершать *всѣ* эти чары, а только тотъ, который душу чорту продалъ. Большинство же изъ нихъ знаютъ только что-нибудь одно. Въ этомъ и различіе между большими, «важными», «настоящими» чаровниками и малыми, узкими специалистами.

Професіональное колдовство. Въ послѣдніемъ смыслѣ считаются чаровниками тѣ люди, которые по своимъ знаніямъ поставлены въ близкое общеніе съ тою или другою стихіею, каковы кузнецы, мельники, лѣсники, настуки, пасѣчники, пивовары и др. Предполагается, что каждый изъ нихъ хорошо изучилъ свойства той „нечистой силы“, съ которой приходится имѣть дѣло вслѣдствіе своей профессіи. Плохъ быль бы тотъ мельникъ, который не зналъ бы, какъ уг-

дить водяному; или тотъ пастухъ, который не умѣлъ бы изгнать хлѣвника. Поэтому мельника съ „вѣтрака“ приглашаютъ лѣчить „подвѣй“ (шараличъ); мельники съ водяныхъ мельницъ умѣютъ „дать воды“, т. е. нащептывать на воду заговоры для излѣченія болѣзней или съ цѣллю насыщанія ихъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, опираясь на помощь своего нечестика, могутъ производить чары, не относящіяся прямо къ предмету ихъ профессіи. А при томъ никто, конечно, не воспрещаетъ, наприм., мельнику, изучить ремесло лѣсника или ворожбита, онъ можетъ быть и вовколакомъ, и жена его можетъ быть отличной вѣдьмой. Но все это необязательно. А вотъ угодить водяному, чтобы онъ давалъ постоянно достаточное количество воды, чтобы мельница не стояла, когда много „зазову“, — все это мельникъ долженъ знать или пусть не берется не за свое ремесло. И мельникъ съ вѣтраной мельницы долженъ умѣть „запречь вѣтеръ“ и, само собою разумѣется, тѣхъ духовъ, которые производятъ вѣтеръ, вихрь, бурю и т. п. Онъ долженъ все предусмотрѣть: не насиловать вѣтра, чтобы тотъ не разсердился и на долго не улегся; долженъ умѣть вызвать его въ затишье, когда надо молоть, а также умилостивить бурю, чтобы она не поломала мельничныхъ крыльевъ.

Опытный мельникъ съ водяной мельницы, при первыхъ заморозкахъ, когда вода покрывается тонкой скорлупой льда, опускаетъ водяному подъ колесо кусокъ сала, „кабъ колесы не скрипѣли“, какъ объяснялъ это старый мельникъ, Григорій Порѣцкій (Хо-

лощепичи, Борисовск. уѣзда); а когда убивают свинью, то бросаютъ и цѣлое стегно. Впрочемъ, неразборчивый водяной иногда довольствуется и частью свиныхъ кишокъ, покрытыхъ кишечнымъ жиромъ. Не принеси мельникъ этой жертвы водяному, то не наберешься смазки для колесъ: водяной будетъ вылизывать ее изъ бука и слизывать съ осей, а кроме того и бѣдъ можетъ причинить не мало.

Мельникъ съ вѣтра, чтобы поднять затахшій вѣтеръ, взирается на «шапку» своей мельницы и бросаетъ горстями муку „на узвѣй вѣцерь“, какъ говорятъ белоруссы.

Лѣсникъ, въ свою очередь, долженъ умѣть умилостивить лѣшаго, а не то онъ можетъ наслать на него какого нибудь опаснаго звѣря, который, чего доброго, можетъ поранить или растерзать. И вотъ, въ искупленіе себя, взамѣнъ своего тѣла, лѣсникъ добровольно приносить часть его въ жертву лѣшему,—часть, впрочемъ, самую безобидную.

Замѣнять цѣлое частью въ такихъ случаяхъ—дѣло обычное у некультурныхъ народовъ. Такъ нѣкоторыя дакія племена, избивавшія въ прежнія времена на могилахъ своихъ вождей ихъ женъ и рабовъ для загробныхъ услугъ, теперь допускаютъ вѣкотрій компромиссъ въ этомъ отношеніи; именно выбиваютъ обреченныя по одному зубу или отрѣзываютъ мизинцы, волосы, ногти и бросаютъ въ могилу.

Такъ поступаютъ и наши «знающіе на рѣчахъ» лѣсники. Отправляясь на Благовѣщеніе въ лѣсъ, они несутъ съ собою кусокъ хлѣба съ солью; въ него вти-

скусаютъ немнога своихъ волосъ, а иногда и ногтей. Прица на опушку лѣса, становятся лицомъ къ востоку и приговариваютъ, кружка хлѣбъ около головы:

Усо зimu морозы трещали,
Бури выли, вѣтры шумѣли,
Сосны и ели скрышѣли;
Вауки хадзили, галасили—
Бѣсьцы прасили:
Чи ты дай голову авеччу,
Чи чалавѣччу.
На святое Благавѣщенія
Уси звары на вырай пашни;
Вауки выюць, свинья стогнуць,
Мядзвѣдзи мармоучуць,
Зубами скрыгочуць,
Бѣсьцы хоочуць:
Чи ты дай галаву авеччу,
Чи чаловѣччу!

— Досыць маихъ валасоу! — трижды восклицаетъ лѣсникъ, и послѣ этихъ словъ, бросаетъ хлѣбъ, на отмашь, далеко въ сторону. По другому варианту въ концѣ приговариваютъ: „Апричъ (кромѣ) маей галавы!“

Тутъ будеть кстати сказать пѣсколько словъ о заговариваніи ружья.

Бѣлорусскіе крестьяне увѣрены, что искусные лѣсники, благодаря знанию особыхъ заговоровъ, могутъ стрѣлять безъ промаха, могутъ пропустить кому нибудь шейный платокъ, не тронувъ шеи, а другимъ могутъ «портить» ружья такъ, что они будутъ «живить»: такимъ ружьемъ какъ ни подстрѣли. даць, а

она улетить или убѣжитъ. Иные такъ, дескать, „заговорять“ ружье, что послѣ выстрѣла дробь остается въ стволѣ или выстрѣль не попадаетъ въ цѣль, или, наоборотъ, весь зарядъ будетъ попадать въ мелкую дичь, такъ что она будетъ никуда негодна.

Опытные люди совѣтуютъ держать дробь во рту, когда заряжаешь ружье, чтобы ее «не заговорили». А при томъ—нужно знать соотвѣтствующіе заговоры. Въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ изъ нихъ:

На синемъ мори,
 На беражочки,
 На жутиль пясочку,
 Стоить дубъ зяленый,
 Къ зяилѣ вахиленый.
 А съ того дуба
 Якъ узнималъся
 Шуры да буры,
 Вѣгры кавуры (?);
 Якъ нанасили
 Гляускоу (глухарей), цацерекъ,
 Гусей и вутокъ,
 Малаго птаства,
 Якъ цемной хмари (тучи);
 Якъ наганяли
 Лисицъ и зайцеу,
 Ласей и дзикуоу (кабановъ)
 Миѣ на потребу
 (Или—Сколько мнѣ треба).
 Ой, ляцице пташки
 И шѣрыя вутки

Ка мнѣ стральцу - малайцу!
Бѣжице лисицы
И шѣрыя зайцы
На мою стрѣльбу (ружье)!
А моя стрѣльба
Рученая--вучепая,
Кабъ маху не давала,
Усякое живела
На иѣсти клала.

Этотъ заговоръ произносится, когда входитъ охотникъ въ лѣсъ, чтобы тянула къ нему дичь *).

«Настоящіе» чаровники. Всѣ указанные нами виды профессионального колдовства, если оно не выходитъ изъ очерченныхъ нами рамокъ, немногими въ Бѣлоруссіи считается дѣломъ предосудительнымъ; напротивъ, большинство смотритъ на все это, какъ на высшее знаніе данной профессіи, существенно необходимое для ея успешнаго выполненія. Но чтобы быть заправскимъ чаровникомъ, обладающимъ высшей степенью могущества, нужно продать черту свою душу. Для этого надо порвать всякую связь съ церковью и совершить нѣчто чрезвычайно кощунственное: во время причащенія не проглатывать св. Таинъ, а удержать ихъ во рту; потомъ вынести ихъ «на розстаньки» (перекрестокъ дорогъ), положить на одномъ изъ крестовъ, которые

*) По части профессионального колдовства кузнецоў, пасѣчниковъ и пр. у насъ не имѣется материаловъ; что же касается пастуховъ и колдовства, связанного съ ихъ занятіемъ, то мы попутно сообщали о немъ при описаніи обрядовъ изгнанія хлѣвника и празднованія Юрья.

почти всюду въ Бѣлоруссіи ставятся на перекресткахъ, и выстrelить въ св. Причастіе. Въ это время, какъ говорятъ, видится Христосъ Распятый.

Можно предполагать, что если на подобный поступокъ и рѣшались, то развѣ только въ глубокой древности, когда христианство боролось съ язычествомъ. Этимъ актомъ, вѣроятно, знаменовалось отреченіе отъ христианства и окончательный возвратъ въ прежніи вѣрованія, къ прежнимъ богамъ. Нынѣ же почти всюду въ Бѣлоруссіи такъ много распространено рассказъ о томъ, что большинство стрѣлявшихъ въ Св. Причастіе (если только это когда нибудь дѣжалось) сходили съ ума, превращались въ дикихъ звѣрей и тому подобнымъ подвергались наказаніямъ, что едва ли кто-нибудь рѣшился совершить такое кощунство.

Кто совершить такой поступокъ, тому-де до его смерти будетъ служить чортъ, исполнять всѣ его приказанія. Что скажетъ такой чаровникъ, то и сбудется.

По народнымъ воззрѣніямъ, желаніе „сcharовать“ кого-нибудь является у чаровника стихійно, непроизвольно, иногда помимо его сознанія. Онъ тогда чародѣйствуетъ, когда „кроу яму вочи залъець“, когда „нячистая сила къ галавѣ падступиць, у галаву удариць“, — такъ народъ выражаетъ ту мысль, что чаровникъ дѣйствуетъ какъ бы въ изступленіи, въ полузабытьи. Будучи въ такомъ состояніи, онъ долженъ непремѣнно кого-нибудь „сcharовать“. Тогда ему на глаза не попадайся — за ничто пропадешь.

Извѣстные чаровники пользуются среди населенія наружнымъ почетомъ, въ большинствѣ случаевъ —

неискреннимъ. Во время семейныхъ торжествъ — свадебъ, крестинъ — ихъ сажаютъ на почетныя мѣста, обращаютъ на нихъ исключительное вниманіе, особенно усердно угождаютъ, чтобы не раздражить ихъ и тѣмъ не повредить будущему счастію новобрачныхъ или новорожденнаго. Такое отношеніе къ своей особѣ чаровникъ принимаетъ какънѣчто должно, вполнѣ заслуженное и не стѣспляется угрожать хозяевамъ или тому, кѣмъ овь недоволечь, что счаруетъ. — “Ну, будзеце жь вы мяне помниць”. — „Я вамъ дамся у цамка!“ — говорятъ въ такихъ случаяхъ чаровникъ. Присутствующихъ при этомъ охватываетъ страхъ. Навлекшіе неосторожно гаѣвъ одного чаровника, стараются разрѣшить его чары при помощи другого. Бываютъ случаи, что впечатлительные люди, при угрозѣ чаровника повредить имъ, падаютъ въ обморокъ, а иногда серьезно заболѣваютъ нервнымъ разстройствомъ. Это еще болѣе увеличиваетъ славу чаровника и сселяетъ суевѣрный страхъ къ нему.

Вѣдьмы и вовколаки. Мы уже имѣли случай упомянуть, что, изъ числа сообщниковъ нечистой силы, самой дурной репутацией среди Бѣлоруссовъ пользуются вѣдьмы. Это, во-первыхъ, объясняется тѣмъ, что вѣдьма, по понятіямъ народа, — чортова любовница, что она находится въ непосредственной связи именно съ чортомъ, а не съ какою-нибудь другою, болѣе безобидною, нечистой силою. Во-вторыхъ, въ Бѣлоруссіи были нерѣдкостью, даже въ прошломъ вѣкѣ, публичная сожженія вѣдьмъ, что, несомнѣнно, должно было ухудшать ихъ и безъ того дурную славу въ народѣ.

Правда, въ Бѣлоруссіи формально не существова-

ло священной инквизициі и потому сожженія вѣдьмъ производились не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ и обставлялись далеко не такъ торжественно, какъ въ Западной Европѣ; но и того, что по этой части творилось у насъ, было достаточно, чтобы произвести сильное впечатлѣніе на умы. Насколько проста была у насъ процедура этихъ изувѣрческихъ актовъ, видно изъ письма управляющаго имѣніемъ графа Тышкевича, письма, относящагося къ половинѣ прошлаго столѣтія. Вотъ что пишетъ нашъ доморощенный инквизиторъ:

„Ясневельможный панъ! Съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія сжегъ я шесть чаровницъ: три сознались, а остальная — нѣть. Две изъ нихъ престарѣлая, третья тоже лѣтъ пятидесяти, да къ тому же одинадцать дней оаѣ всѣ просидѣли у меня подъ чаномъ, такъ, вѣрно, и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рожь въ двухъ мѣстахъ заломана. Я собираю теперь съ десяти костеловъ святую воду и буду на ней варить кисель: говорить, нечестиво всѣ колдуны прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа! Вотъ и г. Эпернетти, по нашему примѣру, сжегъ женщину и мужчину... Этотъ несчастный ни въ чёмъ не сознался, за то женщина созналась во всемъ и съ великимъ отчаяніемъ пошла на тотъ свѣтъ *)“.

Авторъ этого письма, какъ видите, говорить о сожженіи восьми человѣкъ, какъ о дѣлѣ самомъ простомъ, самомъ заурядномъ, ни на минуту, повидимому,

*) Афанасьевъ. Поэтич. возр. слав. на прир., т. III.

не сомневаясь въ своей правотѣ. Судя по этому наивному тону, отъ котораго вѣеть безсознательной жестокостью, холоднымъ ужасомъ, немногое требовалось, чтобы попасть на костеръ ..

Почва, которая порождала столь печальные явленія, какъ вѣдовство и многочисленные процессы вѣдьмъ, и у насъ, и въ западной Европѣ, была одна и та же. Это, впервыхъ, повальное невѣжество, благодаря которому и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ народа упорно держались остатки древнихъ вѣровавій; во-вторыхъ, чрезмѣрное закрѣпощеніе крестьянъ. Крѣпостное состояніе давило народъ экономически, держало его въ постоянной нищетѣ, изнуряло непосильнымъ трудомъ... Оно особенно тяжело отзывалось на положеніи женщины, во-первыхъ, потому, что она физически слабѣе мужчины, а во-вторыхъ потому, что она была закрѣпошена вдвойнѣ: и мужу, и помѣщику. Чрезмѣрный трудъ, горе, болѣзни въ конец расшатывали организмъ женщины. На этой почвѣ легко возникло первое разстройство, которое проявлялось въ разныхъ формахъ и при томъ дѣйствовало заразительно, какъ напримѣръ, кликушество. Понятно, что могли являться такіе люди, которые въ силу особаго болѣзненнаго состоянія своей первной системы, воображали, что они дѣйствительно находятся въ общеніи съ дьяволомъ.

Но обратимся къ народнымъ воззрѣніямъ на вѣдьмъ.

Благодаря своей любовной связи съ чортомъ, вѣдьма научилась отъ него колдовству, узнала таинственные свойства нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ. Прибавляя

къ этимъ травамъ лисичье сердце *) и кошачью чечень, причитывая известная ей заклинанія, она вывариваетъ изъ нихъ волшебную жидкость, которая имѣть свойство придавать вѣдьмѣ молодость и чудную красоту или же, не измѣня ея внѣшности, сообщаетъ ей необыкновенную привлекательность, совершенно неограниченную для простого смертнаго. Кромѣ того, когда выпить вѣдьми добытую ею чудесную жидкость, то становится легкою, какъ пухъ, и можетъ носиться по воздуху, или «по вѣтру», какъ говорятъ бѣлоруссы. Такъ летаетъ вѣдьма на таинственная бѣсовскія игрища, шабаши, которые совершаются ночью, гдѣ-нибудь на высокой горѣ (такая гора, отъ соприкосновенія съ нечистой силой, становится „лысой“). Главный шабашъ происходитъ одинъ разъ въ году, въ самую бурную ночь между Ильинскимъ и Успенскимъ днемъ. Эта ночь почему-то называется *рябиновой*, *воробьевой*, иногда, но рѣдко, *громовой*. Страшный громъ, непрестанная молния отличаются ее отъ другихъ ночей. И вотъ подъ грохотъ грома, ослѣпительный блескъ молний, завываю бури слетается нечистая сила на свой годовой праздникъ. Далѣе этого народная фантазія не идетъ. Ничего напоминающаго «Черную обѣдину» въ памяти бѣлоруссовъ не сохранилось.

Кромѣ полового общенія съ сатаной и очаровыванія мужчинъ, вѣдьмы еще отбираютъ у чужихъ коровъ молоко (вѣдьмы-коровницы), заламываютъ заломы во

*) Между прочимъ, лисичье сердце считается вѣрнейшимъ средствомъ отъ пьянства. Сердце сушатъ, разжельчаютъ въ порошокъ, настаиваютъ его на водкѣ и даютъ пить пьяницамъ.

ржи на неурожай, на болезнь и смерть людей, па падежъ скота. Онъ могутъ сглазить беременную женщину, могутъ своимъ взглядомъ убивать плодъ въ утробѣ матери и тѣмъ производить выкидыши; онъ тайно выкрадываютъ младенцевъ у роженицъ. Вѣдьма также можетъ обращаться въ сороку и черную кошку.

Послѣднее свойство вѣдьмы—оборотничество—родить ее съ такъ называемыми въ Бѣлоруссіи *воуколаками*.

Вовколакъ — это человѣкъ, превращающійся въ волка. Въ волчесмъ видѣ онъ пожираетъ и людей и скотъ. Такой волкъ — оборотень чрезвычайно кровожаденъ и поэтому опасенъ. Рѣстомъ онъ больше обычновѣншаго волка; особенно велика у него голова; у него четыре глаза: два на лбу, два на затылкѣ, такъ что онъ видитъ во всѣ стороны.

Чтобы скинуться волкомъ, нужно трижды перевернуться черезъ пожъ, воткнутый въ землю, произнося при этомъ особое заклятие. Но его-то намъ никто и не могъ сообщить.

Когда такой волкъ вдоволь насытится человѣческой крови и захочеть снова стать человѣкомъ, онъ долженъ трижды перевернуться черезъ тотъ же пожъ, но въ обратную сторону. А если кто нибудь поистережетъ эти превращенія и, въ отсутствія вовколака, выдернетъ ножъ изъ земли, то вовколакъ такъ навсегда и останется волкомъ. Вирочемъ, и обыкновенного человѣка, силою чаръ, можно превратить въ волка; онъ также волей не волей, будетъ питаться людьми и животными, но когда его станешь травить собаками или хочешь убить, то онъ плачетъ человѣчими слезами.

Вѣра во всевозможные виды превращеній вообще свойственна міросозерцанію первобытныхъ народовъ. Достаточно вспомнить отраженіе этого вѣрованія въ пашемъ былинномъ эпосѣ, хотя бы въ образѣ Вольги Всеславьича, который научился хитрости и улости — сѣрымъ волкомъ рыскать по полю, сизымъ орломъ летать подъ облака, щукой рыбой плавать въ морѣ.

Убѣжденіе въ возможности подобныхъ превращеній основывалось на множествѣ наблюдений, дурно понятыхъ и невѣрно истолкованныхъ. Видѣль, напримѣръ, первобытный человѣкъ, что сѣмячко превращается въ растеніе, завязь въ плодъ, яйцо въ птицу; онъ видѣль окаменѣлый деревья и еще много подобныхъ примѣровъ, которые должны были укрѣплять его въ мысли, что переходъ изъ одного состоянія въ другое — дѣло возможное. Въ самомъ дѣлѣ, если зерно превращается въ растеніе, завязь въ плодъ, яйцо въ птицу, дерево въ камень, то почему человѣкъ не можетъ превратиться въ волка, въ кошку, въ сороку? На этотъ вопросъ первобытный человѣкъ, не знающій границъ, гдѣ кончается возможность превращеній, долженъ былъ отвѣтить утвердительно.

Это первобытное воззрѣніе сохранилось, вѣ извѣстной степени, въ міросозерцаніи бѣлоруссовъ и до нашихъ дней.

Ворожбітки и захарки. Въ Бѣлоруссіи гораздо больше встрѣчается ворожбитокъ, чѣмъ ворожбитовъ, и захарокъ, чѣмъ захарей. Эти люди хотя и причисляются къ сообщникамъ нечистой силы, но тѣмъ не

менѣе пользуются въ народѣ искреннимъ почетомъ и уваженiemъ, особенно тѣ изъ нихъ, которые избрали своею специальностью исключительно врачеваніе болѣзней и разрушеніе колдовства другихъ. Они хотят и прибѣгаютъ къ пашептываніямъ и другимъ таинственнымъ лѣчствамъ, но также знаютъ и довольно рациональные способы и средства лѣчевія болѣзней: выправлять вывихи, связываютъ поломы костей, выравниваютъ у маленькихъ дѣтей искривлекія ногъ, позвоночника и др.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь некоторые захарскіе средства лѣченія болѣзней. Насколько они, эти средства, рациональны—судить не беремся, предсталяя это людямъ, болѣе насть компетентныемъ въ медицинѣ.

Средства противъ лихорадки. Мелко изрубленныя листья полыни смѣшиваются со свѣжимъ хлѣбомъ; изъ этой смѣси катаются шарики величиною съ грецкій орехъ или немного поменьше и даются ихъ глотать больному.

Иногда даютъ больному єсть полынь въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ приющсей.

Не менѣе дѣйствительнымъ средствомъ отъ той-же болѣзни считается сердц-вина педсолиечника, очищенная отъ коры и высушеннная па солнцѣ. Ее толкуть въ порошокъ и даются больному приблизительно столовую ложку этого порошка, размѣшивая его въ полустаканѣ воды.

Отъ реуматизма и ломоты въ kostяхъ, кроме натирания камфорой, употребляется корень цикуты. Его сушатъ, толкуть въ порошокъ, который смѣши-

ваютъ со свѣжимъ коровьимъ масломъ, и этой смѣстью ватидаютъ болѣнія мѣста.

Ломоту въ костяхъ лѣчать посредствомъ втирания модвѣжьяго жира; болѣніе мѣсто, послѣ каждого втиранія обвязываютъ заячьей шкуркой, шерстью внизъ.

При ломотѣ въ спинѣ или плечахъ натираютъ болѣніе мѣсто мелко-истертымъ хрѣномъ или рѣдью. Это натираніе производится въ банѣ, въ сильномъ духу.

Въ самый разгаръ полевыхъ работъ многіе крестьяне, истомленные чрезмѣрнымъ трудомъ, жалуются обыкновенно на боль и ломоту во всемъ тѣлѣ, особенно въ сочлененіяхъ костей. Причиной этой боли считаются застой крови. Для оздоровленія опи парятся и натираются въ банѣ, въ сильномъ духу, крачивой-жигучкой, такъ что все тѣло покрывается волдырями. Это средство считается радикальнымъ и предпочитается постановкѣ рожковъ и плавокъ.

Отъ чахотки и другихъ грудныхъ болѣзней. Кладутъ телячий легкій (отъ одного теленка) въ глазированный горшокъ, прибавляютъ туда фунтъ свѣжаго коровьаго масла и фунтъ меду-липцу. Горшокъ герметически закупориваютъ, обмазывая крышку тѣстомъ, и ставятъ на цѣлые сутки въ жарко-натопленную печь. Образовавшуюся въ горшкѣ жидкость даютъ больному 3 раза въ день по столовой ложкѣ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собираютъ смолистые молодые отростки сосны, которые въ народѣ называютъ шипками. Ихъ сушатъ на солнышкѣ и, по мѣрѣ вадобности, кипятятъ въ водѣ. Получившейся настой, когда онъ остываетъ, пьютъ по два, по три стакана въ день.

Съ тою же цѣлью собираютъ смолу-живицу (для этого нарочно очищаютъ отъ коры сосны съ солнечной стороны); ее кладутъ въ бутылки, наливаютъ криничной водой и ставятъ на солнцѣ. По истеченіи, приблизительно, педѣли спиваютъ настой изъ первой бутылки и вновь наливаютъ ее, потомъ изъ второй и такъ до послѣдней (бутылокъ бываетъ отъ 5 до 7). Затѣмъ спиваются за первую и т. д.

Послѣднія два средства считаются не только излѣчивающими чахотку, но и вызывающими аппетитъ, придающими здоровый цвѣтъ лицу, вообще оздоравляющими.

Кромѣ того, отъ грудныхъ болѣзней практикуютъ слѣдующее средство. Кинять въ молокѣ, а при недостаткѣ молока и въ водѣ, высушенные корни пырея. Пить три или два раза въ день по стакану или по полстакана.

Также совѣтуютъ чахоточнымъ пить настой на бобовникѣ (болотное растеніе) или же полынной водки по полрюмки въ день.

Геморрой лѣчатъ ваннами, при чемъ въ ванну вливаютъ отварь «дзивосила», а больному, прежде чѣмъ садиться въ ванну, привязываютъ горячій карпичъ къ крестцу.

Огъ золотухи даютъ пить настой на «чистецѣ» (чистотѣлѣ). Его же варятъ въ водѣ и отварь вливаютъ въ ванну, которую приготовляютъ для больного разъ десять черезъ день.

Худосочнымъ дѣтямъ даютъ сосать несоленое свиное сало.

Болѣзнь, называемую въ народѣ „жоутачкой“, причину которой приписываютъ *разлитію желчи*, знахарки лѣчатъ довольно оригинальнымъ средствомъ. Изъ куринаго кала выдѣляютъ бѣлыя части, толкнутъ и смѣшиваютъ наполовину съ мяломъ; составленный такимъ образомъ порошокъ всыпаютъ въ воду и пьютъ. Понятно, что своимъ пациентамъ знахарки не говорятъ, какое лѣкарство они даютъ имъ. Какъ ни страшно это средство, но мы должны сказать, что видѣли не сколькохъ больныхъ разлитіемъ желчи, употреблявшихъ это средство и излѣчивашихся.

Мелко-истолченая сѣра, смѣшанная съ жиромъ, употребляется какъ средство противъ чесотки. Большой влѣзаетъ въ теплую печь и тамъ натирается этой мазью.

Чесоточныхъ также купаютъ въ очищенномъ дегтѣ.

Если когонибудь укусить гадюка за руку или за ногу, то укушенный членъ перевязываютъ, чтобы остановить движение зараженной крови, и къ распухшему мѣсту прикладываютъ брюхомъ живыхъ лягушекъ.

Сильные ожоги, а равно отмороженные члены лѣчатъ слѣдующимъ способомъ. Изъ созревшаго плавуна вытряхиваютъ желтую пыль и этой пылью посыпаютъ пораженный морозомъ или обожженный мѣстахъ, а сверху обвертываютъ полотномъ.

Мы здѣсь привели далеко не все средства, изъ числа известныхъ намъ. Мы имѣли въ виду только дать вѣкоторое попятіе о той сторонѣ знахарства, которая, хотя отчасти намекаетъ на рациональность. Но

намъ извѣстна незначительная часть знахарскихъ средствъ, вообще многочисленныхъ, которыхъ еще ждутъ своего изслѣдователя.

Вѣра въ *ворожбу* такъ сильно распространена между бѣлоруссами, что рѣдкій изъ нихъ начнетъ сколько нибудь важное дѣло, не побывавши предварительно у ворожеи. Эта послѣдняя, если она особы умная, пользуясь знаніемъ тайныхъ и явныхъ дѣлъ почти каждого семейства своей округи, часто довольно большой, имѣеть возможность давать дѣльные совѣты обращающимся къ ней. Такая ворожея, благодаря пре-восходному знанію мѣстныхъ дѣлъ, пользуется нерѣдко обширнымъ вліяніемъ на народъ. Конечно, встречаются среди ворожеи такія, которая сознательно обманываютъ темный людъ; но большинство изъ нихъ искренно вѣрятъ въ возможность тѣмъ или другимъ способомъ пропикунуть за таинственную завѣсу неизвѣстнаго будущаго. Въ семьѣ автора этой статьи была настолько популярная ворожея, что по праздничнымъ днямъ ея изба была биткомъ набита желающими ворожить. Авторъ былъ поставленъ въ наилучшія условія для наблюденій, какъ эта ворожея относилась къ своему ремеслу, и долженъ сказать, что относилась она съ полной вѣрою, что она была глубоко убѣждена въ существованіе таинственной связи между извѣстными комбинаціями картъ, расположениемъ линій на рукѣ и прошедшей или грядущей судьбой данной личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ она обладала замѣчательной наблюдательностью и какой-то прирожденной, инстинктивной проницательностью, которая болѣе всего содѣйство-

вала ея популярности, какъ искусной гадалки. Эта безсознательная догадливость приводила въ изумление всѣхъ донашнихъ и ее самое. Помнится, какъ однажды какой-то деревенскій скептикъ, котораго ворожбита ковсъ не знала и окольными путями спрашивъ о пемъ не паводила, захотѣлъ испытать — насколько соотвѣтствуетъ действительности слава о ея ворожбѣ, и для этой цѣли попросилъ ее погадать о его женитьбѣ, что онъ-де жениться хотѣлъ бы, такъ чтобы ему выйдетъ на картахъ или на черепоцкахъ. Но ворожбита, не гадая, лишь только взглянула на него, отвѣтила: „ты женишься!“ что и было на самомъ дѣлѣ. Подобныхъ случаевъ встрѣчалось въ ея практикѣ не мало. Безсознательность, инстинктивность такихъ угадываній укрѣпляла ворожбитку въ вѣрѣ, что она орудіе какой-то таинственной силы, проявляющейся чрезъ ея посредство. Между прочимъ, это была натура энергичная, сильная волей и вѣѣсть съ тѣмъ чуткая, впечатлительная, даже экзальтированная. Вѣышность ея вполнѣ соотвѣтствовала внутренней личности и поэтому производила сильное впечатлѣніе на ея клиентовъ и пациентовъ (она была и лѣкарка). Ее ремесло не мѣшало ей, однако, строго выполнять всѣ церковные обряды, а также тѣ эпитиміи, которыми налагало въ нее духовенство на исповѣди, за ворожбу и зناхарство. Но не смотря на требованія священниковъ, она не могла оставить своихъ знатарскихъ занятій хотя и считала ихъ дѣломъ грѣховнымъ. Единственный компромиссъ, который она допускала въ этомъ отношеніи — это не гадать въ среду и пятницу и въ установленные церковью

посты; но даже и въ то время „лавала воду“ больнымъ и свои „зелья“. Иногда, вирочемъ, рѣшалась и ворожить въ постные дни, если, по ея мнѣнію, по-водѣ для ворожбы былъ уважительный, напримѣръ—пропажа у крестьянина лошади или что-нибудь въ этомъ родѣ. При этомъ потерпѣвшій соглашался обыкновенно взять на свою лушу грѣхъ.

Въ семье пашей ворожбѣтки настолько сильна была вѣра въ таинственность ея ремесла, что ни одна изъ дочерей ея не рѣшилась усвоить способы ворожбы и злачарства, когда старуха-ворожбѣтка, чувствуя близость смерти, предлагала имъ научиться ея искусству.

VII.

Способы лѣченія, основанные на суевѣрныхъ представленияхъ, и колдѣство.

Выше мы знакомили читателя со способами лѣченія, которые составляютъ болѣе или менѣе положительную страницу народной медицины, въ которыхъ проглядываютъ пѣкоторый опытъ, наблюденія. Но на ряду съ этими сравнительно рациональными способами рекомендуются зиахарами, а также практикуются самими крестьянами, и такие способы, которые прямо вытекаютъ изъ сущности фетишистического или анимистического строя мышленія относительно происхожденія болѣзней. Такъ мы уже говорили о „вогнѣ“,—болѣзни, которая, по мнѣнію белоруссовъ, пасылается разраженнымъ огнемъ, въ отмѣтку за свое оскверненіе. По всей вѣроятности такое мнѣніе о происхожденіи огня возникло изъ сходства этой накожной болѣзни со струпьями отъ ожеговъ: отъ сходства слѣдовъ сдѣлано заключеніе объ однородности причинъ. Перенося, сверхъ того, на огонь свойства своей личности, первобытный человѣкъ объяснялъ ожеги, вѣроятно, тѣмъ, что огонь не любить, чтобы къ нему прикасались „голоручъ“, что за это онъ

кусается. Про ожегъ и по сей день говорятъ: «укусила *жижа*»*). Приведемъ еще примѣръ. Если перекодить черезъ круги, начерченные кѣмъ нибудь на землѣ, или ступить на кругъ, оттиснутый двомъ ведра, или же ходить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ лошадь качалась, то отъ этого пойдутъ по тѣлу лишай, а на головѣ появятся плаѣши. По этой причинѣ совѣтуютъ обходить круги или, еще лучше, сглаживать ихъ, чтобы везающіхъ предохранить отъ болѣзни. Таково изрѣдное возрѣніе. Спрашивается, — какимъ образомъ оно могло возникнуть? Намъ кажется, что здѣсь все дѣло именно въ подобіи, въ уподобленіи: есть, во-первыхъ, лишай, имѣющіе форму круга, а во-вторыхъ, то мѣсто, гдѣ качался конь, называютъ плѣшью, подобно тому, какъ плѣшью же называется мѣсто на головѣ, лишенное волосъ стригущимъ лишаю. Повидимому для первобытнаго ума было достаточно сходства въ формѣ и въ названіи, чтобы заключить, что кругъ или плѣшь какъ бы перешли съ земли на тѣло того человѣка, который къ винѣ прикасался. Лѣчать лишай такъ. Сначала обводятъ концомъ веретена кружокъ около лишая, чтобы онъ не распространялся далѣе, а затѣмъ обмываютъ его или водой, осѣвшей на окпахъ, или помоями отъ посуды.

Ниже мы еще встрѣтимся съ разными суетрѣями, которые показываютъ — какое значеніе въ возрѣніяхъ бѣлорусса имѣютъ уподобленія (например, лѣченіе

*.) Надо замѣтить, что «*жижа*» (название огня), «*зюзл*» (название зимы, холода) — употребляются только въ дѣтскомъ языке или, вероятно, въ разговорѣ взрослыхъ съ дѣтьми.

„ячменя“, нарыва на глазномъ вѣкѣ, ячменными зернами и многое другое); тешерь же, для полноты картины, напомнимъ читателю, что большинство бѣлорусскихъ заговоровъ построены па фигурахъ уподобленія, панримѣръ: водзяные ключи закрывалися, Юрдавъ-рѣка становилася: закрывацися, жилы кровавыя! стань, не цачи, кроу чирвоная!“ или же: рѣка стала — и кроу ставъ“ и т. д. Подобные обороты такъ часто встречаются, что даютъ основаніе заключить, что именце въ уподобленіи, по мнѣнію бѣлорусса, и полагается главная сила заговора.

Есть и еще случаи фетишистического объясненія происхожденія болѣзней, но господствующее воззрѣніе на причины ихъ — рубо-анимистического характера. Изъ этихъ воззрѣній можно заключить, что болѣзнь представляется бѣлоруссу, какъ невидимая, по матеріальная сущность, которая можетъ входить въ человѣческое тѣло или обволакивать собою его и тѣмъ причинять боль; или же болѣзнь — это злой духъ, вошедший въ тѣло во время сна или искуга. Точно также причиной болѣзни можетъ быть „порушеніе души“, при которомъ душа, хотя и находится въ тѣлѣ, но не на своемъ настоящемъ мѣстѣ.

Всѣ эти объясненія происхожденія болѣзней логически вытекаютъ изъ анимистическихъ воззрѣній. Если нашъ духъ можетъ входить и выходить изъ тѣла, что, какъ думаютъ дикари, случается во время сна, то почему же не можетъ сдѣлать это и всакій другой духъ? Первобытный человѣкъ не имѣлъ основаній отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно; напротивъ, много

было данныхъ, чтобы отвѣтить на него утвердительно. Его побуждали къ этому характерные признаки многихъ болѣзней, именно болѣзней, сопряженныхъ съ горяченымъ бредомъ, корчами, судорожными, непривычными движениями, дрожью и т. п. Соображая, что движенія нашего тѣла зависятъ отъ присутствія въ немъ души (послѣ смерти — въ отсутствіи души — тѣло неподвижно) и что въ этомъ случаѣ наши движенія сравнительно цѣлесообразны, болѣе или менѣе разумны, и сравнивая это нормальное состояніе человѣка съ болѣзненнымъ, напримѣръ, когда человѣкъ одержимъ припадками эпилепсіи, лихорадкой, сумашествіемъ и тому подобными болѣзнями, подъ влияніемъ которыхъ онъ производитъ такія движения, совершающіе такие поступки, которые прямо клонятся къ вреду его и дорогихъ ему людей — изъ всего этого дикарь долженъ былъ заключить, что ихъ производить враждебный, злой духъ, вселившійся какимъ-то образомъ въ тѣло больного. При тѣхъ познаніяхъ, которыми обладаетъ дикарь, иного заключенія онъ и не могъ сдѣлать, оставаясь логичнымъ. Напримѣръ, во время сильныхъ приступовъ лихорадки, дикарь употребляетъ всѣ усилия, чтобы не дрожать, не дѣлать судорожныхъ движений, однако тѣло его трясется, напруживается, его руки и ноги сгибаются, челюсти дрожатъ... Очевидно, что эти движения производить кто-нибудь посторонний ему. Часто во снѣ ему приходилось вздрагивать, подпрыгивать... Кто это его подбрасываетъ? Очевидно, но самъ онъ, ибо это было чомимо его воли, а кто-нибудь другой. И мало ли въ немъ совершаются непривычныхъ

движений? Онъ чихаетъ, икастъ—все это совершается въ преки его болѣ. Но кто-нибудь производить же эти движения? И этотъ „кто-нибудь“ невидимъ, неосозаемъ, следовательно—онъ духъ.

Исходя изъ того взгляда, что большинство болѣзней происходитъ отъ вселенія въ человѣка чего-то невидимаго и что это невидимое и причиняетъ болевыя ощущенія; что, затѣмъ, всякая нечистая сила, какъ могущая быть невидимой можетъ вселяться въ пась и всячески мучить пась,—человѣкъ дѣлаетъ заключеніе, что тѣ люди, которые находятся въ близкомъ общеніи съ нечистой силой, какъ напримѣръ, разнаго рода чаровники, могутъ насыпать всякую „нечисть“ на людей и тѣмъ причинять имъ всевозможныя болѣзни. Такой взглядъ раздѣляютъ и белорусы, и про всякую, сколько нибудь серьезную, болѣзнь говорятъ, что она *сдѣлана кѣмъ-нибудь*, что ее тотъ или другой чаровникъ «зрабіу», «подзѣлау», «паслау».

Сообразно съ такимъ мнѣніемъ о происхожденіи громаднаго большинства болѣзней, практикуются соответственные способы и средства для ихъ излѣченія. Нѣкоторыя болѣзни только хороший захаръ можетъ вылечить, а другія лѣчатся, такъ сказать, домашнимъ порядкомъ: настолько способы лѣченія ихъ популярны.

Если болѣзнь есть нѣкоторая материальная сущность, вошедшая въ человѣка, или если ее производить поселившійся въ тѣлѣ человѣка какой-нибудь посторонній духъ, то, очевидно, больной только тогда выздоровѣтъ, когда будетъ устранина причина болѣзни, то есть изгнанъ враждебный духъ. Вопросъ — какъ его

изгнать? Самый простой способъ, диктуемый первобытнымъ умомъ, есть способъ, такъ сказать, механическій, подобный тому, какъ, напримѣръ, выгоняютъ воздухъ изъ пузыря, выжимаютъ воду изъ мокрой тряпки и т. и.

И дѣйствительно, такие чисто механические способы широко распространены въ нашей деревенской медицинѣ.

Если болѣзнетворный духъ поселяется въ человѣкѣ, то, надо думать, что всего скорѣе онъ можетъ поселяться въ полостяхъ грудной и брюшной, которыхъ прямо сообщаются съ вѣшнимъ міромъ. А если это такъ, то всего легче изгнать духа посредствомъ давленія на грудную и брюшную полости, такъ сказать — выжимать его.

Топтаніе. Такъ и поступаютъ въ бѣлорусскихъ деревняхъ. Кладутъ больного у порога животомъ книзу, а на спину ему становится нарочно выбранный для этой цѣли человѣкъ и трижды слегка подпрыгиваетъ, стоя у больного на спинѣ. Это повторяется три раза подъ рядъ, съ небольшими промежутками. Дѣлается это утромъ и вечеромъ каждый день, пока больной не поправится или не обратится къ другому средству. Топтаніе больного считается въ бѣлорусской первобытной медицинѣ самымъ первымъ средствомъ противъ всякихъ внутреннихъ болѣзней.

Передъ порогомъ кладутъ больного для того, чтобы вышедший изъ него духъ нашелъ скорый выходъ изъ избы и не поселился въ комънибудь изъ присутствующихъ.

Перворожденные слышатъ наиболѣе пригодными для роли топтальщиковъ.

Катаніе. На ряду съ тоитаніемъ практикуется сродное ему средство — катаніе больного. Оно употребляется особенно тогда, когда болить животъ, но не пренебрегаютъ и при головной боли. Больного кладутъ на дереву и, взявъ въ руки концы ея, качаютъ его съ козца въ конецъ дерюги.

Растирание. Также въ ходу растиравіе руками большихъ частей тѣла, особенно живота. Смотря по характеру болѣзни, растиравіе производится то сильное, то легкое и притомъ въ разныхъ направленияхъ. Мы полагаемъ, что и этотъ деревенскій массажъ находится въ связи съ представлениемъ о возможности изгнанія болѣзней путемъ механическаго давленія.

Грызеніе. Нарости на костной ткани, припухлости, вздутіе жилья, грыжу и тому подобная болѣзни лѣчатъ посредствомъ легкаго грызенія зубами больного мѣста. Вѣроятно этимъ способомъ думаютъ устрашить боль. Зважарки, вирочемъ, губами вдавливаютъ внутрь пупочную грыжу.

Ставленіе горшка. Къ механическимъ средствамъ лѣченія должно быть отнесено и ставленіе горшка на животъ; оно практикуется при болихъ въ животѣ, при „порушеніи“, т. е. предполагаемой перемѣщепіи внутреннихъ органовъ брюшной полости, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія. Способъ слѣдующій: кладуть большому на животъ корку хлѣба или небольшую дощечку, на пей зажигаютъ клочекъ льна и покрываютъ печнымъ горшкомъ средней величины. Послѣдующій процессъ появленія: происходитъ то же, что и при ставленіи рожковъ, только гораздо большихъ раз-

и вѣрахъ: иногда животъ вдавливается въ горшокъ до четверти его высоты.

Откидываніе. «Ячмень», небольшой нарывъ на глазномъ вѣкѣ, лѣчатъ особымъ способомъ, который зовется въ народѣ «откидывають». Отсчитываютъ лежать ячмень зеренъ и каждое изъ нихъ, предварительно обмакнувъ трижды вокругъ больного глаза, отбрасываютъ наотмашь въ сторону. Потомъ пускаютъ въ избу курицу, чтобы она поклевала эти зерпа.

Леченіе болѣзней, происходящихъ отъ испуга. Вздрагиваніе при испугѣ бѣлорусскіе крестьяне объясняютъ тѣмъ, что это „душа выскочиць хацѣла“. Если испугъ будетъ очень силенъ, то полагаютъ, что душа можетъ отъ этого очутиться „не на мѣстѣ“ или совершенно выскочить изъ тѣла. Въ первомъ случаѣ человѣкъ претерпѣваетъ легкое разстройство, а во второмъ можетъ серьезно заболѣть, и такая болѣзнь будетъ сопровождаться горячечными бредомъ, пещелесообразными движеніями, галлюцинациями и т. п.

Это сдѣлалось «съ пуду», «съ переполоху», т. е. отъ испуга, говорятъ бѣлоруссы. Въ первомъ случаѣ, при легкомъ разстройствѣ, практикуется слѣдующее средство. Берутъ четыре горячихъ уголька изъ своего очага и опускаютъ ихъ одинъ за другимъ въ сосудъ съ чистой крипичной водой, и этой водой обмываютъ больного.

Если же болѣзнь болѣе серьезнаго характера, то, чтобы возвратить испуганный духъ, стригутъ новемпогу волосъ у тѣхъ лицъ, которыхъ, по предположенію, могли испугать больного, и тѣми волосами подкуриваютъ

его, заставляя глотать дымъ. Если причиной испуга было какое нибудь животное, то и его стригутъ, и шерстью или перьями подкуриваютъ. Такъ посгущаютъ, основываясь повидимому на томъ соображеніи, что вмѣстѣ съ дыномъ войдетъ въ больного его испуганный духъ, который могъ опочить на комъ изъ бывшихъ при испугѣ или послужившихъ причиной испуга.

Въ Новогрудскомъ уѣздѣ „переполохъ“ лѣчать несолько иначе. Тамъ, въ этомъ случаѣ, пускаютъ въ ходъ *выливаніе* и *вымѣриваніе*,—средства, свойственныя не только одной этой мѣстности, а довольно широко распространеныя, съ разными, впрочемъ, видоизмененіями.

Выливаніе. Надо взять воды „съ лотока“, т. е. съ желоба, поддерживающаго крышу, если изба крыта дранкой. Для этого, взобравшись на крышу, лить воду изъ желоба и тутъ же собираютъ ее, подставивъ горшокъ подъ конецъ желоба. Это продѣлывается несолько разъ. Воду кипятятъ и смыаютъ въ нее золу. Затѣмъ раздѣлаютъ больного до гола и льютъ ему воду на макушку или только обмываютъ грудь и животъ, собирая ту же воду въ миску. При этомъ произносится заговоръ:

«Выходъ переполохъ изъ ручекъ, изъ пожекъ, изъ всякихъ косточекъ, изъ всякихъ суставочкоў! Можа чаго сполохнуся, можа воука, чи мядвѣдзя, мо лиса, мо кота, мо сабаки, усяваго звѣра, мо якого дурногого чилавѣка». (*Цорсы, Новогрудск. у.*)

Собранную воду процѣдываютъ чрезъ полотенце,

надѣясь найти въ немъ волосъ того животнаго, которое причипило переполохъ.

Вымѣривание. Берутъ клубокъ питокъ и измѣряютъ больного по всѣмъ направленіямъ и всѣ части тѣла, произнося тотъ же заговоръ, что приведенъ выше. Когда вымѣриваніе окончено, нитку обрываютъ, свертываютъ въ мотокъ и сжигаютъ. Золу отъ нитки ссыплютъ въ воду и эту воду даютъ пить больному.

Но испугъ можетъ быть, по мнѣнию бѣлоруссовъ, и хорошимъ врачебнымъ средствомъ, въ тѣхъ именно случаяхъ, когда больной одержимъ злымъ, болѣзнетворнымъ духомъ. Такъ испугомъ лѣчатъ „припадокъ“, надуцую болѣзнь, и говорятъ, что помогаетъ. Такого больного стараются подкараулить гдѣ - нибудь въ уединенномъ меѣстѣ, нарядившись предварительно какимъ нибудь страшилищемъ, и стараются возможно сильнѣе испугать эпилептика. Если испугъ будетъ настолько силенъ, что больного сейчасъ же „кишецъ припадокъ“ (явится пароксизмъ надуечей), то больной, какъ увѣрены бѣлоруссы, непремѣнно выздоровѣть, и выздоровѣть вслѣдствїе того, что отъ испуга изъ него выскочилъ болѣзнетворный духъ.

Суроцы или уроцы. Глаза вѣкоторыхъ людей, въ особенности черные, и глаза колдуновъ и вѣдьмъ обладаютъ особымъ свойствомъ „взварушивающими душу“, тревожить ее, „сурочить“, какъ говорятъ въ Бѣлоруссіи. Сурочить (сглазить) можно и взлядомъ и удивленіемъ; послѣднее меѧще вредно, но и „съ подзиву“ также приключаются заболѣванія. Для излѣченія „суроцъ“ или „подзива“ нужно, чтобы тотъ, кто сурочилъ, даль-

изо рта воды, и этой водой обмывают больного. Но если не знают определенно, кто бы мог сурочить, то дают изо рта воду все домашние и те люди, которые видели из последнее время заболевшего.

Вода дается такъ: наливают въ миску чистой воды (предпочтительно—крипичной) и поочередно пьбаивают этой воды въ ротъ и выпускают ее изо рта обратно въ миску; это делается трижды.

Можно сурочить невольно, и белоруссы, при чьемъ виду удивлениі, высказываемомъ по поводу человѣка или животнаго, говорятъ: „соль табѣ у вочи, галавешка у зѣбы“. Этимъ замѣчаниемъ они думаютъ предохранить предметъ удивленія отъ опасныхъ послѣствий суроченія.

Лѣченіе лихорадки. „Трасці“, или лихорадка, какъ известно, характеризуются дрожью, судорожными движениіями и т. п., т. е. такими признаками, которые, по мнѣнію белорусскихъ крестьянъ, отличаютъ болѣзни, производимыя враждебными духами, вселившимися въ человѣка. И лѣченіе этой болѣзни строго послѣдовательно направляется къ изгнанію предполагаемой причины ея, т. е. болѣзнетворного духа.

Принимая во вниманіе, что желания, высказываемыя больнымъ,— не его желания, а болѣзнетворного духа, и что, следовательно, исполнивъ эти желания, мы только поблажали бы болѣзни и темъ делали бы пріятныя для нея пребываніе въ тѣлѣ больного, рекомендуется поэтому поступать какъ разъ наоборотъ, т. е. делать противное волѣ большого. А чтобы сдѣлать пребываніе трасцы въ организмѣ человѣка

рѣшительно невыносимымъ для нея, совѣтуютъ выкуривать се чѣмъ нибудь особенно воюющимъ. Она особенно не любить дыма сухихъ дождевиковъ; ими-то и совѣтуютъ раза три въ день подкуривать больного.

Вообще вужно замѣтить, что всевозможныя подкуриванія, какъ врачебное средство, въ большомъ ходу въ Бѣлоруссіи.

Леченіе „спѣни“. Теперь настъпаетъ ознакомиться съ новымъ способомъ врачеванія, праявляемаго къ особой болѣзни, которую бѣлорусскіе знахарки называютъ „спѣнъ“, что значитъ — тѣнь.

Какъ понимавіе этой болѣзни, такъ и способъ ея лѣченія находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ первоначальнымъ воззрѣніемъ, что тѣнь—это паше второе „я“, совершенно самостоятельная сущность, которая можетъ отъ насъ отдѣляться, которую мы можемъ потерять и, наконецъ, которую колдуны могутъ у насъ похитить. Словомъ, тѣнь, въ глазахъ дикаря, та же душа. И бѣлорусскіе крестьяне раздѣляютъ это упѣніе, свойственное первоначальному состоянію ума, какъ равно и то, что люди, продавши чорту душу, порою не имѣютъ тѣни. Огюста понятно, что если лишиться тѣни, а тѣнь болѣе вмѣсто своей получить чужую, да еще злую, враждебную, то человѣку не сдѣлать: онъ испремѣнио заболѣть. Такъ какъ у „нечистика“ есть и зачасть много тѣней, принадлежавшихъ начь, грѣшнымъ людямъ, колдунаамъ, чаровникаамъ, то оѣ и посылаютъ эти тѣни мучить людей. Ихъ также пасылаютъ и колдуны.

„Спѣнь“ характеризуется горячечнымъ бредомъ и

галлюцинациями, такъ что, по выражению звакарей, человѣкъ, «ажь на сѣпу дзяретца». Такого больного выносятъ въ солнечный день на дворъ, кладутъ павлинъ на широкую доску, зіранье приготовленную, и очерчиваютъ углемъ ту тѣни, которую онъ оѣбрасываетъ на доскѣ. Иногда обрѣзываютъ пилой тѣ части доски, которые выходятъ за предѣлы очертанія тѣни, но это не строго соблюдается. Эту доску съ очертаніемъ на ней тѣни потопляютъ въ криницѣ, съ приговоромъ: „кабъ ты не ворочалася, кабъ ты утапиласа“. Когда возвращаешься домой послѣ потопления тѣни, нельзя осматриваться назадъ. Иногда сжигаютъ тѣни (вѣрнѣе—ту доску, на которой она была очертана) въ печи или такъ гдѣ-нибудь: на дворѣ, на огородѣ.

Подвѣй и его лѣченіе. Параличъ белоруссы зовутъ подвѣемъ. По ихъ понятіямъ, эту болѣзнь производить тотъ духъ, который кружится въ вихрѣ. Лѣченіе этой болѣзни относится къ тому виду волхванія, которое церковныя поучительныя слова и поминанья осуждали подъ именемъ „паузъ“.

Звакарь или звакарка сущить предварительно длинную нитку изъ дикой конопли или крапивы. Больного сажаютъ передъ топящейся печью; потомъ начинаютъ просить подвѣй, чтобы онъ оставилъ больного въ покое; отъ просьбы переходить къ угрозамъ, что если онъ, подвѣй, не оставитъ больного, то его силой свяжутъ и сожгутъ. Но такъ какъ со стороны подвѣя „ни гласа, ни послушанія“, то и приступаютъ къ его связыванію. Звакарь обвиваетъ нитку вокругъ головы больного, со словами, произносимыми шепотомъ:

«вяжу тваю галаву», — и завязываеть концы нитки въ узелокъ на томъ мѣстѣ, где они сошлись, такъ что получается неглядя въ мѣру головы; затѣмъ вяжутъ животъ, со слогами: „вяжу твой животъ“; далѣе, такимъ же образомъ, связываютъ грудь, рука и ноги больного. Всѣ эти завязки бросаютъ въ печь, въ огонь, а больному предлагають встать или подпирать руку, смотря потому, какая часть его тѣла поражена параличомъ. Такое вязанье подвѣя повторяется нескользко разъ.

Моръ По белорусскимъ предаціямъ, предъ пасгупленiemъ мора, иногда появляется моровая панна, которая, плюсь по воздуху, машетъ чернымъ платкомъ. И падъ какой деревней она помашетъ своимъ смертоноснымъ платкомъ, въ той деревнѣ и проявится мортъ. Иногда она машетъ платкомъ, просунувши руку въ окно какой нибудь хаты, и тогда въ этой хатѣ начнутъ умирать люди. Эта моровая панна, песомнѣющія, одицетвореніе повальной болѣзни.

Чтобы избавиться отъ мора, въ былые времена, по рассказамъ стариковъ, практиковали слѣдующій способъ. Молодыя дѣвушки запрягались въ соху, а старухи брали въ руки сковыродки, косы и тому подобные брончащіе предметы и, раздѣвшись до нага, съ возможнымъ крикомъ, визгомъ, шумомъ, трескомъ обводили борозду вокругъ деревни. Весь этотъ шумъ ишѣлъ, вѣроятно, цѣллю испугать моровую панну и прогнать ее изъ села, если она въ немъ засѣла; а борозда — это своего рода „чуранье“, обращеніе къ покровительству Чура, чтобы онъ не пускалъ болѣзнь чрезъ границу владѣній своего рода. Послѣднее, впрочемъ,

чомъ, наше личное мнѣніе. Народъ только вѣрить, что чрезъ такую гравицу моръ не проникнетъ.

Всѣ заразѣ оповѣщаются объ этомъ прокладываніи гравицы. Мужчины не должны участвовать въ этой церемоніи, а если который изъ нихъ поцарапается на пути, то его избиваютъ до полусмерти.

Другимъ средствомъ противъ мора считается *одно-дневное полотно*.

Въ назначенный день, до восхода солнца, собираются дѣвушки со всего села въ одну избу и каждая изъ нихъ приносить съ собой по горсти льна. Оно дружно, но въ глубокомъ молчаніи, принимаются за работу: прядутъ ленъ, спиютъ основу, ставятъ кросса и ткутъ полотно. Когда полотно готово, всѣ жители выходятъ за деревню и обходятъ вокругъ цепи, причемъ дѣвушки, ткаявшія полотно, песутъ его падь головой съ заупыннымъ пѣніемъ: аю-га! Ко да сдѣлаютъ полныѣ обходъ, то на томъ иѣстѣ, съ котораго вышли, раскладываютъ небольшой огонь изъ щепокъ или лучинокъ, принесенныхъ съ каждого двора. Дѣвушки держатъ за концы полотно надъ огнемъ, а всѣ жители деревни переходятъ черезъ огонь подъ полотномъ и переносятъ дѣтей и больныхъ. Когда всѣ выполнить эту церемонію,—полотно сжигаютъ на томъ же огнѣ.

Все это должно быть продѣлано въ течениѣ одного дня, съ восхода до заката солнца.

Колдовство на смерть. Самый распространенный способъ колдовства „на смерть“ основанъ на томъ примитивномъ мнѣніи, о которомъ мы уже говорили, что часть въ извѣстномъ смыслѣ замыляетъ цѣлое, и

то, что мы слѣдимъ съ частью, сдѣлается съ цѣлымъ. Основываясь на этомъ мнѣніи, для умерщвленія кого нибудь посредствомъ колдовства, стараюся добыть волосъ того человѣка, и эти волосы кладутъ въ воскъ или глину и лѣпятъ подобіе человѣческой фигуры. Эту фигуру кладутъ въ маленький гробикъ, закапываютъ въ землю и паваливаютъ камнемъ. Тотъ человѣкъ, чьи волосы положены въ закопанную фигуру — полагаютъ — вскорѣ долженъ умереть. Волосы можно замѣнить погтами, частью одежды, землею со слѣда. Иногда лѣпятъ фигуру и безъ всего этого, но въ такомъ случаѣ ее нужно „окрестить“, т. е. назвать именемъ того человѣка, котораго чаруютъ за смерть.

Другой способъ волховаша представляеть варіантъ, вѣроятно поздашій, только что описанаго. Волосы кладутъ въ воскъ, но изъ воска дѣлаютъ свѣчку, а не фагурку человѣка. Свѣчку ломаютъ пополамъ и, сломанную, зажигаютъ передъ иконой. Полагаютъ, что подобно тому, какъ таетъ воскъ, растаетъ, горитъ жизнь того человѣка, чьи волосы были положены въ свѣчку. Этотъ способъ волховаша, между прочимъ, употребляется обманутыми дѣвшушками, чтобы отомстить обманщику. Впрочемъ, „ломаютъ свѣчку“ на чью нибудь погибель и безъ волосъ.

Также „вынимаютъ слѣдъ“ и вынутую изъ слѣда землю зашиваются въ мѣшочекъ и сушатъ. Такъ долженъ изсохнуть тотъ человѣкъ, чей слѣдъ былъ вынутъ.

Но самыи опасныи способъ волховаша считаются „залимываніе заломовъ“ во ржи. Это тѣ же древнія „паузы“, о которыхъ мы уже упоминали; въ

даюномъ случать онѣ состоять въ завязываніи узловъ во ржи на чью нибудь смерть. Оно сопровождается соотвѣтствующимъ заговоромъ, въ которомъ говорится, на чью голову заломъ ломается, какія страданія тотъ человѣкъ имѣеть претерпѣть, какою смертію долженъ онъ умереть *). Заломы ломаютъ на людей и на домашнихъ животныхъ, на болѣзнь и на смерть. Когда находять во ржи завитки, это повергаетъ въ ужасъ хозяевъ вивы, и они тотчасъ же, не трогая залома, обращаются къ чаровнику, чтобы онъ вырвалъ заломъ. За это чаровникъ получаетъ приличную плату и угощеніе. А если кто-нибудь изъ интеллигентныхъ людей, на виду у испуганныхъ крестьянъ, вѣрящихъ, что отъ прикосновенія къ залому можетъ отсохнуть рука или поразить другая болѣзнь, вырвать заломъ безъ всякоаго вреда для себя, то такой случай крестьяне объясняютъ тѣмъ, что грамотному чародѣйству не вредить или что онъ тоже „мае мухи у носѣ“, т. е. умѣеть чаровать.

Любизнікъ. Есть вѣсколіко приворотныхъ средствъ,

*) Подлинный заговоръ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, мы, къ сожалѣнію, утеряли. Впрочемъ это былъ подборъ самыхъ сбыточныхъ проклятий, которыепускаются въ ходъ бѣло-русами во время ссоры, въ родѣ: „кабъ табѣ ручки—у бручки, ножки—у качарежки; кабъ яму вочи вывернуло, языкъ высу-лошило“ и т. п. Должно сказать, что заговоры на смерть, на болѣзнь весьма мало распространены въ народѣ, даже среди знахарей, такъ что, пожалуй, можно сомнѣваться въ томъ, что такого рода заговоры существуютъ; а если существующъ, то какъ исключительное достояніе не большаго числа лицъ, считающихъ себя „настоящими“ чаровниками. Возможно, что они не хотятъ дѣлиться своимъ сокровеннымъ достояніемъ, придавая ему необыкновенную цѣну. Заговоры заурядныхъ знахарей — все предохранительного и цѣлительного свойства.

„любизниковъ“ по-бѣлорусски, но самымъ действительнымъ изъ нихъ считаются двѣ косточки летучей мыши — вилочки и крючокъ. Добывать ихъ рекомендуютъ такъ: надо посадить летучую мышь въ новый горшокъ, завязать его новымъ же кускомъ холста и закопать ночью въ муравейникъ. Возвращаясь домой, нельзя оглядываться назадъ и нужно заткнуть уши, чтобы не слышать писка летучей мыши. Черезъ три недѣли нужно вынуть горшокъ изъ муравейника. Муравьи съѣдѣтъ всю летучую мышь, оставить только двѣ волшебныя косточки: крючокъ и вилочки. Чтобы приворожить кого нибудь — стоитъ только незамѣтно потягнуть къ себѣ того членаѣка крючкомъ: будетъ такъ лѣпуть, что ее отважешься безъ помощи вилочекъ; а надоѣло — стоитъ только оттолкнуть его вилочками, и весь любовный шалъ какъ рукой сниметь.

Если же желаютъ разстроить счастье новобрачныхъ, то разбиваютъ вдребезги горшокъ передъ свадебнымъ поѣздомъ, когда овъ возвращается послѣ вѣнчанія молодыхъ.

VIII.

Разныя мелкія суевѣрія.

Въ этой статьѣ мы намѣрены сгруппировать всѣ тѣ пережитки древняго міросозерцанія, которые, при систематизаціи нашихъ матеріаловъ, мы упустили изъ вилу отнести къ тому или другому отධѣлу или затруднялись сдѣлать это. Мы уже имѣли случай замѣтить, что бѣлоруссы держатся весьма многихъ суевѣрій совершенно безутчно, не давая имъ никакого объясненія. И если вы спросите: почему то-то и то-то нужно дѣлать, а того-то нельзя, то въ большинствѣ случаевъ вамъ отвѣтятъ: кто его знаетъ; такал отъ старыхъ людей *поголоска* идетъ; старые люди знали, потому что умнѣе насть были; такъ отцы и дѣды дѣлали и вамъ приказывали и т. п. Но если и существуютъ въ народѣ объясненія тѣхъ или другихъ суевѣрій и предразсудковъ, то, разумѣется, нельзя ожидать отъ нихъ рациональности; однако какъ бы ни были нерациональны эти объясненія, они важны и сами по себѣ, какъ матеріаль для изученія народнаго міросозерцанія, а также важны и въ томъ отношеніи, что они часто дополняютъ пережитки старины и этими дополненіями первѣдко ставятъ ихъ въ связь съ тою или другою особенностью народнаго міросозерцанія и

быта. Если же возможно установить связь между двумя или нѣсколькими пережитками, если возможно обобщить ихъ, то та легкѣ сдѣлать тотъ или другой выводъ, тогда легко придать имъ рациональное объясненіе. Но повторяемъ: въ міросозерцаніи бѣлорусса есть немало совершенно безсвязныхъ, одноко стоящихъ суевѣрій. Такія одивочныя суевѣрія напоминаютъ собою ходячія присловья, заключительныя сентенции изъ народныхъ анекдотовъ и правоучительныхъ разсказовъ, въ родѣ; напримѣръ, присловія: „семипудовый пшикъ“, которое вспоминается самостоительно и хотя анекдотъ мало кому вѣдѣстъ; или въ родѣ пословицы: „отступъ, мара, — я твой богъ“ (такъ говорять шава-чивому человѣку), — пословицы, которая напоминаетъ заклятие и очевидно имѣетъ міѳологическое происхожденіе; по ея первоначальное значеніе и смыслъ утеряны, забыты и могутъ быть восстановлены только при посредствѣ догадокъ, сопоставленій и остроумныхъ соображеній. То же можно сказать и относительно многихъ пережитковъ: когда-то народъ умѣть себѣ объяснять — почему, напримѣръ, отъ переполоха надо обливать больного водой, въ которую опущено четыре уголька, а теперь опъ не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета, но все таки дѣлаетъ. Такіе пережитки, повидимому, уже не имѣютъ живыхъ корней въ народномъ мышленіи, адерживаются въ немъ только въ силу косности народнаго ума и его приверженности къ старинѣ. Мы уже немало сообщили ихъ на предшествующихъ страницахъ, въ этой же главѣ помѣстимъ только остатки на-

шихъ записей, которые, по той или другой причинѣ, не вошли въ предыдущія главы.

Говоря о вѣрѣ бѣлорусовъ въ магическую силу слова, мы упустили изъ виду кое-что небезинтересное для характеристики этого вѣрованія.

Бѣлорусы, вслѣдствіе убѣжденія, что слова могутъ повредить, когда сообщаютъ о какомъ либо несчастіи, предварительно оговариваются: „я тутъ кажучи“ (не здѣсь говоря), и затѣмъ ужъ сообщаютъ, что случилось. Рассказывая о чьей нибудь болѣзни, когда приходится, для ясности, указать мѣсто, пораженное болѣзнью, на тѣлѣ своеемъ или того, кому рассказываешь, то надо предварительно прибавить: „не разнующи“, т. е. не сравнивая, — иначе та же болѣзнь можетъ проключиться. Фактъ этотъ не только служитъ иллюстраціей вѣрованія, что отъ слова становится, по также показываетъ, какое значеніе въ первобытномъ мышленіи имѣть уподобленіе.

Если сообщаютъ что нибудь непріятное по адресу отсутствующаго или кланутъ его, то тѣ, которые не жалуютъ, чтобы это случилось съ ними, обыкновенно замѣчаютъ: „якъ ёнъ я чуиць, дыкъ нехай яму не вадзиць (не вредитъ)“.

При упоминаніи черта, надо прибавлять: „я у гэтыхъ сваціономъ мѣсьци кажучи“, иначе въ домѣ можетъ поселиться пачистая сила.

У Бога для роуны, да часы я роуные, — говорятъ бѣлорусы и вѣрять, что есть такие несчастные моменты, въ которые, если начнешь что-нибудь дѣлать — не будетъ удачи, а если скажешь что-нибудь

лурное—непремѣнно случится; поэтому благоразумные люди, начиная какое нибудь дѣло или сообщая о чёмъ нибудь дурномъ, не желательномъ, въ первомъ случаѣ говорятъ: „дай, Боже, у добрый часъ начать“, а во второмъ: „дай, Боже, у добрый часъ сказать, а у злый помочь“. Послѣдней формулой, между прочимъ, начинаются свадебныя „благословенія“ молодыгъ.

Вонреки приведенному воззрѣнію, что у Бога вѣли равны, считается, что попедѣльникъ—несчастный день. Въ этотъ день нельзя выѣзжать въ доро:у или начинать что нибудь важное. По эти два противорѣчивыя воззрѣнія мирно уживаются въ мышленіи бѣлорусса, какъ и многое другое противорѣчивое.

Суевѣрія, основанныя на уподобленіи. Мы уже говорили, какое значеніе имѣютъ уподобленія въ воззрѣніяхъ бѣлоруссовъ на происхожденіе болѣзней и ихъ лѣченіе. Но кроме того есть не мало разныхъ суевѣрій и примѣтъ, которыхъ, повидимому, основываются только па уподобленіяхъ. Можно думать, что это составляется особенность грубой мысли—считать подобное въ какомъ нибудь отпещеніи за тождественное.

Напримеръ, чтобы у лѣтей скоро прорѣзывались зубы, надо имъ вѣшать на шею волчій зубъ. Таково повѣріе. Повидимому здѣсь вся сила въ некоторомъ уподобленіи. Вѣшая ребенку на шею волчій зубъ, полагаютъ, что у него будуть зубы также скоро расти, какъ у волченка.

Вотъ еще повѣріе. Надо носить въ кошелѣкѣ двойной орѣхъ, „спорышъ“, чтобы деньги „спори-

лись". Здѣсь, кажется, все дѣло въ сдохствѣ понятій споришь и спориться.

Крестьяне не позволяютъ дѣтямъ дѣлать кресты изъ личинокъ и подражать церковному пѣвию, полагая, что этимъ накликается смерть. Замѣтишь что - нибудь въ этомъ родѣ, говорять: Что ты вѣщуешь? Хочешь, кабъ бацьку, абы матка померли!

Есть повѣріе, что не слѣдуетъ качать пустую колыбель: отъ этого можетъ ребенокъ умереть. Весьмаѣроятно, что здѣсь все дѣло въ пустотѣ, что качал пустую колыбель при живомъ ребенкѣ. мы какъ бы накликаемъ несчастіе, вслѣдствіе котораго колыбель должна опустѣть. Но возможно и другое объясненіе. Бѣлоруссы говорятъ, напримѣръ, что нельзя качать ногами, потому что тогда па ноги садится нечистая сила и такимъ образомъ мы ее качаемъ. Можеть быть когда-нибудь полагали, что качая порожнюю колыску, мы привлекаемъ въ нее нечистую силу, которая можетъ причинить вредъ ребенку, когда потомъ положимъ его въ колыбель, и отъ этого опять можетъ заболѣть и умереть.

Если цѣпѣста не желаетъ, чтобы у нея рожались дѣти, то, по совѣту зрахарокъ, отправляясь къ вѣнцу, кладѣть заразуху замкнутый замокъ; этотъ же замокъ въ первую брачную ночь надо положить подъ подушку. Если же выходитъ замужъ пожилая женщина, которая, по извѣстнымъ физиологическимъ признакамъ, уже не падѣется имѣть дѣтей, а желала бы имѣть ихъ, то кладеть заразуху открытый замокъ. Очевидно, въ этомъ суевѣріи закрытый замокъ дол-

женъ предрѣшать закрытіе женской утробы, прекращеніе дѣторожденія, а открытый — наоборотъ.

Примѣты. Если идешь или вдешь по дѣлу и встрѣтишь кого нибудь съ полными ведрами — будешь удача, а съ пустыми — не жди добра. Примѣта очевидно построена на уподобленіи: полная ведра значимаютъ исполненіе желанія. Наприѣръ, встречаютъ молодыхъ съ полными ведрами и высказываютъ пожеланіе, чтобы ихъ жизнь была такъ полна счастья. И вообще, если несущій воду встрѣчаетъ кого нибудь идущаго по дѣлу, то высказывается нѣчто въ родѣ привѣтствія: „съ поунымъ цабе!“ и ему отвѣчаютъ: „дзякуй“, т. е. благодарю.

Встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ несчастіе. Чтобы предохранить себя отъ него, — надо пллюнуть. Это суевѣріе является отголоскомъ той далекой борьбы, которую вели закоснѣлое язычество съ христіанскимъ вѣроученіемъ, съ христіанской церковью и ея служителями. Такъ какъ въ то время священники, по княжескому повелѣнію, должны были крестить язычниковъ, хотя бы насильно, и наблюдать за исполненіемъ постановленій христіанской церкви новокрещенами, а также требовать отъ нихъ запанія молитвъ и вѣжливыхъ правилъ вѣры, и подвергать незвающихъ и неисполнящихъ наказанію, тѣ, попытавшись, что наши предки, будучи христіанами только по имени, уклонились отъ встречи съ священникомъ, такъ какъ она часто влекла за собою наказаніе, иногда весьма суровое.

Если волкъ перебѣжитъ дорогу — это хорошая примѣта: будетъ удача въ дѣлахъ (огсюда присловье:

„Ешь волкъ дорогу перебѣгъ“, когда что - нибудь счастливо окончилось), а если перебѣжть заяцъ — лучше возвращайся назадъ: не будетъ успѣха. Трудно сказать, на чёмъ основано это суевѣріе. Вѣроятно корни его кроются въ какомъ нибудь миѳологическомъ возвѣяніи общаго характера, которое теперь заглохло, потому что, если допустить, что здѣсь имѣлъ мѣсто какое-нибудь случайное совпаденіе, грубый, непроверенный опытъ, то тогда нельзя было бы объяснить широкаго распространенія этого суевѣрія. Впрочемъ, такихъ не-понятныхъ суевѣрій много есть. Приведемъ вѣкоторыя изъ нихъ въ надеждѣ, что сопоставленіе ихъ съ вѣрованіями другихъ народовъ, сравнительное изученіе, раскроетъ ихъ скрытый смыслъ и неизвестное значеніе.

Примѣты и суевѣрія на счетъ домашнихъ животныхъ. Когда продаешь лошадь или корову, вообще что-нибудь живое, и желаешь, чтобы „пошло рукой“, то не надо передавать ихъ новому хозяину голыми руками: не будутъ плодиться. Въ такомъ случаѣ „бывать по рукамъ“ и передаютъ купленное „косматой рукой“, т. е. завернувши руку въ полу платья. Въ поясненіе можно сказать, что косматое считается символомъ богатства.

Когда продаешь поросенка, ягненка, курицу и т. п. на расплодъ, и если посадишь продаваемое животное въ мѣшокъ впередъ головой, держа за заднія ноги, то у продавца эти животные переведутся, а у покупателя расплодятся; если же будешь сажать въ мѣшокъ задними ногами, то продавцу хорошо, а у покупателя

не будетъ приплода. Поэтому, чтобы никому обиды не было, слѣдуетъ сажать въ мышоекъ спинкою, держа за ноги.

Вѣрять, что у извѣстнаго хозяина могутъ вѣдаться только извѣстной масти животныя. Поэтому, когда болѣеть какое либо домашнее животное, его перепродаютъ другому за кошѣйку, за двѣ (конечно —номинально), надѣясь, что съ перемѣной хозяина оно исправится.

Мѣсто, на которомъ стоять хлѣвы, можетъ быть счастливымъ или несчастливымъ; когда часто окольваеъ скотъ, совѣтуютъ переставить на другое мѣсто хлѣвы.

Есть люди съ „легкой рукой“, отъ которыхъ если что-нибудь пріобрѣтешь, будешь «ручить», т. е. можностъ, счастливо вестись.

Если жеребенокъ или теленокъ много бѣгаетъ, рѣзвится—признакъ, что его съѣсть волкъ.

Когда воютъ собаки—это онѣ предчувствуютъ или напоминаютъ смерть или другое несчастье. Чтобы они перестали выть надо что нибудь изъ посуды перевернуть кверху дномъ.

Когда въ избѣ заведется много мышей—это значитъ, что онѣ когонибудь выживутъ; значитъ—предстоитъ смерть или отъѣздъ кого нибудь изъ семьи.

Разныя существо. Если беременная женщина придется просить чго - нибудь одолжить, не слѣдуетъ удовлетворять ея просьбы—иначе мыши будутъ есть хлѣбъ и пирожки. Иногда это случается даже и тогда, когда откажешь въ одолженіи. Чтобы предотвратить эту непріятность, нужно вслѣдъ этой же женщинѣ бросать угли или кусочки печной глины. Но тогда ея ребенокъ, который родится, будетъ есть угли и глину.

Не слѣдуетъ сидѣть на порогѣ, когда черезъ него

проходить женщина, потому что, если она будетъ въ это время „не чистая“, то у того, кто сидить, пойдуть по всему тѣлу болячки.

Нельзя бросать куда попало истоптанные лапти (отопки), а надо класть ихъ на крышу. Почему? — намъ не умѣли объяснить.

Нельзя разговаривать черезъ порогъ или черезъ окно: это къ скорбѣ.

Нельзя сидѣть передъ закатомъ солнца: заболѣшь лихорадкой.

Нельзя класть ножъ вверхъ остріемъ: будетъ не-пріятность.

Нельзя ступать на соломенки, лежащи€ на кресть: можетъ заболѣть нога.

Охъ, еще много чего нельзя!... но на этомъ мы закончимъ нашъ очеркъ.

Мы не касались въ немъ церквяковъ обычаго права, а также суевѣрныхъ обрядовъ, совершаемыхъ бѣлорусами на родинахъ, крестинахъ, свадьбѣ и нѣкоторыхъ другихъ семейныхъ празднествахъ. Да и въ той области, которую мы себѣ намѣтили при написаніи этой статьи, мы не исчерпали и десятой части суевѣрныхъ воззрѣй бѣлорусскаго крестьянинаго: мы выбирали изъ нихъ самое типичное и наиболѣе распространенное или, по нашему мнѣнію, цѣнное для науки. Но и изъ приведенного нами достаточно видно, какой густой свѣтъ суевѣрій и предразсудковъ опутанъ умъ бѣлорусса, какъ затемнено его мышленіе порожденіями первобытнаго мрака и какъ необходимъ свѣтъ науки, свѣтъ истиннаго познанія, чтобы разсѣять всѣ эти призраки, все это царство ТЬМЫ...

КРАТКИЙ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Авласье* (Власія) — конское *Вампиры*, 57.
свято, страница 98. *Великодни* (Пасха), 106.
Анимизмъ, определение, 45. *Бесновка*, 105.
Анимистическая, возрѣн. *Веснянки* — пѣсни, 101,
на происходж. болѣзн. 156, 102.
157, 158. *Виръ* — мѣстопребыв. во-
дяника, 71.
Бабы — празднество, 56. *Вовколаки*, 145.
Беременность и связан. съ *Водяникъ*, 76.
ней суетр., 179. *Вода* и связан. съ.ней
Блюда на кутью, 86; покѣрія, 19, 40.
— на похоронахъ, 51. *Волосы* въ покѣр. и кол-
Богатые — пазваніе огня, дров., 68, 137, 169.
17. *Волочебники*, 106.
Богач — праздник. и оли- *Волочебныя пѣсни*, 107.
цетвор. солнца, 122, 123. *Волчій зубъ* — покѣр., 175.
Богачовая свѣча, 124. *Ворожбички*, 146.
Божества усадебныя, 63. *Ворожба*, 151.
Братки (прѣтокъ) и свя- *Вой собаки* — покѣр.,
зан. съ ними покѣр., 120. 179.

- Встръча* — съ волкомъ, *Домовой*, 66.
 178; *Душа*—понятіе, 50.
 — съ зайцемъ, 178; *Евникъ*—олицет. 69.
 — съ попомъ, 177; *Женитьба комина*,—обр.
 — съ полными вед-
 рами, 177. — *Терешки*, игра,
Выливаніе, какъ лѣченію, 90.
 162. *Животныя*, повѣр. 31.
Выкликаніе весны, 101.
Выниманіе слѣда, 159. *Заговоры*—значеніе, 37,
Вымѣриваніе, какъ лѣчені., 38, 43;
 163. *Заговоръ* отъ огника, 16;
Вѣдьмы, 146. — отъ почвицъ, 16;
 — коровницы, 113. — предъ отѣздомъ,
 39;
Гаданіе землей, 20; — отъ укушенія змѣи,
 — огнемъ, 19; 38;
 — по хлѣбу, 22; — отъ золотника, 38;
 — по внутренностямъ — отъ вывиха, 38;
 животн., 85; — отъ кровотеч. 39;
 — на коляды, 87; — нутранныхъ болѣз-
Горы — связан. съ пими ней, 40, 41;
 позвр., 25; — отъ уроцъ, 42;
 — лысая, 26. — отъ хлѣбника, 72;
Грызеніе, какъ лѣченіе, — отъ ружья, 138;
 — отъ переполоха,
 162;
Даваніе воды, 40. *Загробный міръ*, 51.
Дѣльды, 55. *Закатъ солнца* — повѣр.,
Девятини, 52. 180.

<i>Заломы</i> — колдов., 169, 170.	<i>Качаніе пустой колыбели,</i>
<i>Замокъ</i> — повѣр., 176.	176.
<i>Земля</i> — воззрѣн., 20.	<i>Качаніе ногами</i> , повѣр.,
<i>Змыи</i> , 32.	176.
<i>Змий·дзыгионосецъ</i> , 73.	<i>Клады</i> , 112.
<i>Змийный выробъ</i> , 33.	<i>Клоптникъ</i> — олицет., 74.
<i>Змийное мясо</i> , 33, 34.	<i>Коза</i> — колядной обычай,
<i>Зніхарки</i> , 146	96, 97.
<i>Зчахарскія средства:</i>	<i>Колдовство профес.</i> , 72,
— отъ геморроя, 149;	134, 155;
— — груди. болѣзп., 148;	— на смерть, 168,
— — желтачки, 150;	169.
— — золотухи, 149;	<i>Коляды</i> — общ. понят., 82.
— — лихорадки, 147;	<i>Коляда</i> постная, 84, 86;
— — ломоты, 148;	— богатая, толстая,
— — ожега, 150;	84, 88.
— — ревматизма, 147;	<i>Колядныя гаданія</i> , 87;
— — укушен. змѣи, 150;	— обряды, 86;
— — чесотки, 150.	— обычай и игры,
	88.
<i>Иванъ да Марья</i> , 120.	<i>Колядовщики</i> , 95, 96.
<i>Ирасолицана купалу</i> , 111.	<i>Конское свято</i> , 98.
<i>Игры колядн.</i> , 88.	<i>Косматая рука</i> , 178.
<i>Иступъ и его лѣчен.</i> , 161,	<i>Культъ предковъ</i> , 51.
162, 163;	<i>Купала</i> , 111;
— какъ лѣченіе, 163.	<i>Капалка</i> · растовіе, 111.
<i>Камни</i> — воззрѣн., 23.	<i>Купальскіе дары</i> , 117;
<i>Каменные бабы</i> , 24.	— зелье, 115;
<i>Катаніе</i> — лѣчен., 160.	— обряды, 115;
	120.

<i>Купальська п'есна</i> , 115—	<i>Масленічн. п'есни</i> , 99.
120;	<i>Маточникъ</i> , 78.
— <i>роса</i> , 114;	<i>Механическое лѣчон.</i> 159,
<i>Купальський дьдокъ</i> , 30.	160.
<i>Кутия</i> , 84.	<i>Микольщина</i> , 110.
<i>Кривые вечера</i> , 89.	<i>Миколинъ батька</i> , 110.
<i>Лазычникъ</i> , олицет. 70.	<i>Милостыня</i> , значеніе ея
для загробн. міра, 53, 54.
<i>Лапти</i> , повѣр., 180.	<i>Моръ и средство противъ</i>
него, 167.
<i>Лекая рука</i> , 179.	<i>Морошая панна олиц.</i> , 167.
<i>Лисичье сердце</i> , какъ лѣ-
карст., 144.	<i>Мыши и связан. съ ними</i>
суетвѣре, 179.
<i>Лихорадка лѣчон.</i> , 164, 164.	<i>Мъль въ обряд.</i> , 65.
<i>Лишай яроисх.</i> и лѣчеч.,
155.	
<i>Ломанье свинчи</i> , колд., 169;	<i>Наузы</i> , 71, 163, 166,
169 и 170.
<i>Лпшій олицетвор.</i> , 77, 78.	<i>Небесныя войны</i> , 129.
<i>Люченіе огнень</i> , 15, 16;	<i>Небожчицкій великанъ-день</i>
56.
— заговорами, 37-43;	
— механическ. пріемъ,
159, 160;	<i>Ногти въ повѣр. и колд.</i> ,
68, 169.
— захарское, 147-	<i>Ножъ — относящ. къ нему</i>
суетвѣре, 180.
— захарское и общо-
извѣстное, 155-
168;	<i>Ночницы — болѣзнь и оли-
цетвор.</i> , 16.
<i>Любизникъ приворотн. зелье</i> ,	
170.	<i>Огникъ (вогникъ)</i> , 15.
	<i>Однодневное полотно</i> , 168.
<i>Масленица</i> , 98;	<i>Олицетворенія стихий</i> , 75.

- Олицетворен. зла, 127.* *Профес. колд.лѣсника, 136;*
Отбираніе молока, 113. — *пастуха, 72;*
Откидываніе ячменя, 161; *Птицы—вѣщія, 34.*
Очагъ, 17. *Пыніе курицы, 34.*
- Папоротникъ, 30.* *Радовница, 56.*
Перворожденные, 159. *Разбиваніе горшка, колдов.*
Переполохъ—лѣчен., 161. 171.
Переходы души, 51. *Разныи сувѣрія, 179,*
Перунъ — олицѣт., 75, 76. 180.
Перуновы стрѣлы, 25. *Разрывъ - трава, 31.*
Походки — обрядъ, 52. *Растенія — сувѣр. воззр.*
Подвѣй — олицѣт. 79; 29.
 — *его лѣченіе, 166;* *Ралешники (волочебники)*
Подпечникъ, 66. 107.
Подзивъ, 163, 164. *Расстираніе, какъ лѣче-*
Подобіе въ объяснен. проис- *ніе, 160.*
хожд. болѣзн., 155. *Русалки, 77.*
Поминальн. столы, 51; *Русальная недѣлья, 20, 77.*
Похоронн. обряды, 51-53. *Рябиновая ночь, 144.*
Приворотное средство, 170.
Прикладзины — обрядъ, 52. *Свѣча богачевая, 124.*
Примѣты, 177. *Сонъ и сновидѣніе, 48.*
 — *и сувѣр. на счетъ .Сообщники нечистой си-*
домашн. животн. *мы, 133.*
 178. *Сороки, 101.*
Проеведеніе борозды, какъ Сорочины — обрядъ, 52.
средство противъ мора, 167. *Спорышъ, 176.*
Профес. колдовство, 134; *Сувѣрія при продажѣ*
 — *мольника, 155;* *животн. 178.*

- Суевірія* основан. на уро- *Хатникъ*—олицет., 66.
добрелніи, 175; *Хлѣбъ* въ возрѣн., 21.
176; *Хлѣвникъ* — олицетвор.,
Суроцы—163, 164; 70, 71.
Ставленіе горника, лѣчен.
160; *Цмокъ*, 130.
Сибирь и ея лѣчен., 165. *Церковн. пѣніе*, суевѣри.
взглядъ на подражан. ему,
Толкован. сновъ, 49; 176.
Топтаніе—лѣчен., 159. *Цыпляніе колодокъ*, (на-
Тризни—значен. слова, слен. обыч.), 99.
49.
Чаровники, 149.
Уили въ обрядахъ и лѣчен. *Чортъ*, 128;
65, 161. — какъ источникъ
Ужи. 32. зла, 131.
Уподобленіе въ происхожд. *Чургъ*, 64.
болѣзн., 155; *Чуранье*, 65, 167.
— въ заговорахъ,
156; *Шестины*—обрядъ, 62;
— въ другихъ су- *Шопты* (заговоры), 37.
евѣріяхъ, 175.
Уроцы—лѣчен., 163, 164. *Щедрикъ*, 84.
Усадебныя божества, 65, 66.
Юрья, 109.
Фетишизмъ—опредѣл., 13. *Юрьева роса*, 109.
Фетишизмъ слова, 35, 174. *Юрьевск. обыч.* 109.
Хавтуры (похороны), 51, *Ящуръ*—игра, 93.
52;

BESTIARY.US